

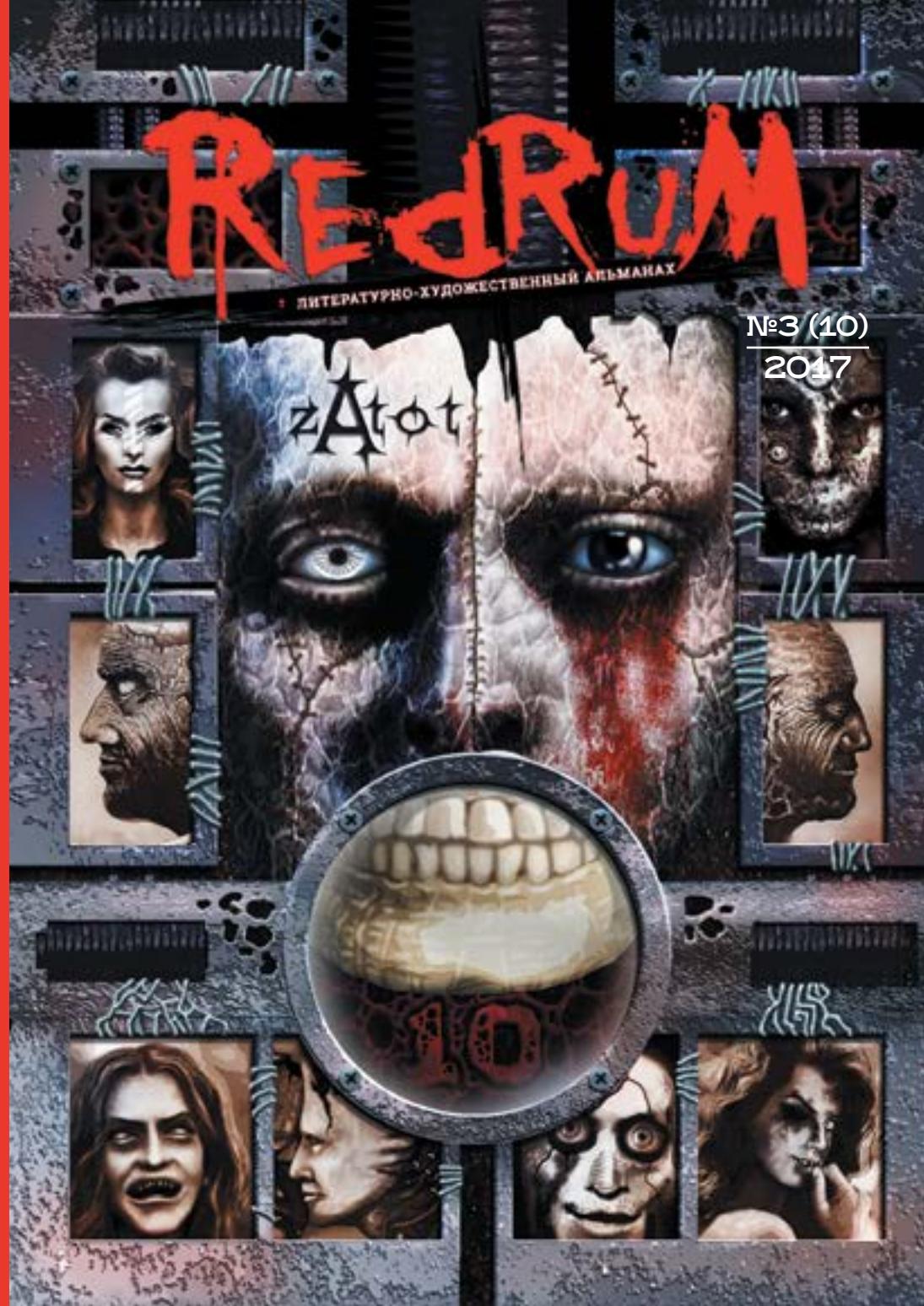
ТЕМНАЯ СТОРОНА СНОВА ОТКРЫВАЕТСЯ...

Легендарные книги в новом издании –
не упусти свой шанс.

eksmo.ru
www.labirint.ru
www.ozon.ru

REDRUM №3 (10) | 2017

№3 (10)
2017

КОШМАРЫ ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ И РАДОСТИ

На майские праздники 89 года я с приятелями отправилась в Крым. Пеший поход от Бахчисарая до Ялты. Измученные холдом и шумом столицы, мы долго предвкушали это приключение. И... Вкусили по полной программе. Всю неделю, пока мы шли по крымским горным и лесным тропам, вместе с нами шел дождь. И было холодно. Холоднее, чем в Москве.

Разумеется, я тут же простудилась. Горло драло и жгло, как мне тогда казалось, до самого желудка. Идти было непривычно и тяжело — не только мне.

И фактически только один человек в группе — а именно наш руководитель, Андрей Спиридонов, начинающий театральный режиссер — пребывал в неизменно прекрасном расположении духа. Хлюпая под дождем по грязной дороге, он тихо напевал себе под нос: «Хорошая погода, погода что надо! Что надо, что надо, мне ничего не надо...»

Он был оптимистичен. Со словами: «Хочешь выздороветь?» — он заставил меня в 6 утра пробежать вместе со всеми два километра по горе, чтобы окунуть босые ноги в обжигающую холдом горную речку... А потом бежать обратно. «Понимаешь, — говорил Спиридонов, — иногда чем хуже — тем лучше! Важен контраст!»

Он оказался прав: уже на следующий день я была здорова, а впечатления от той поездки не забылись до сих пор.

Контраст работает.

В хорроре (да и в искусстве в целом) та же история: нет ничего абсолютного, все относительно, и потому важнее всего — контраст. Именно резкие перепады темного и светлого, ужасного и приятного, злого и доброго — вызывают у нас наиболее сильные эмоции.

Впереди сезон отпусков (в этот раз редакция тоже будет отдыхать до конца августа). Кто знает, что готовят нам стихии... Помните: чтобы по-настоящему ощутить радость жизни — надо увидеть ее кошмары.

Холодное начало лета 2017 года и наши альманах предоставят вам эту возможность: ужасайтесь на здоровье!

Мария Артемьева,
главный редактор

ДЕТЕКТИВНАЯ ЗАГАДКА Виктора Глебова
(Redrum № 2 (9)-2019.)

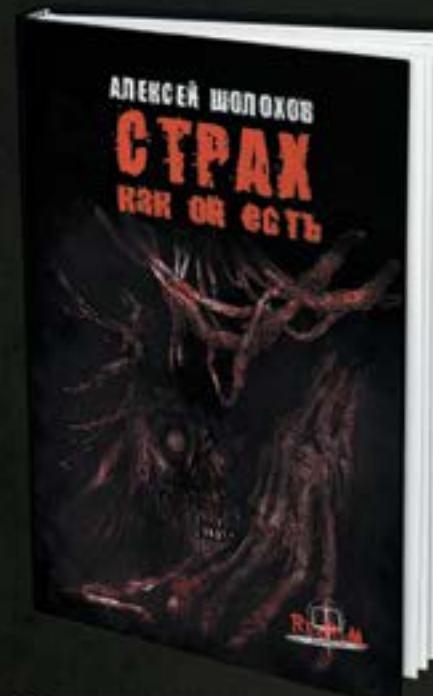
В доме обнаружен труп мужчины, застреленного из пистолета. Оружие найдено рядом с телом. Следователь озадачен вопросом: суицид перед ним или убийство? Для этого ему необходимо проверить три вещи. Какие?

Ответ: надо проверить отпечатки пальцев на патронах, магазине и затворе. Если все три набора отпечатков совпадают с отпечатками пальцев трупа, значит, человек заряжал оружие сам и сам застрелился. Если они не совпадают, отсутствуют или смазаны — скорее всего, человека убили.

Для ценителей и знатоков отечественного хоррора

ЭКСКЛЮЗИВНО! КОЛЛЕКЦИОННЫЕ МИКРОТИРАЖНЫЕ ИЗДАНИЯ

Алексей Шолонов

Сборник рассказов
«СТРАХ КАК ОН ЕСТЬ»

Роман
«ОНИ ЕЩЕ ЗДЕСЬ»

Приобрести можно только в группах ВК:

«Творчество Алексея Шолонова»

vk.com/alexejsjolokhov

и «Альманах REDRUM»

vk.com/redrum_mag

ГОЛЛАНДЕЦ

ВИКТОР ГЛЕБОВ

(Заключительная часть. Начало в №№ 1(8)-2017, 2(9)-2017. В предыдущих главах: после шторма в открытом море исследовательское судно «Янус» обнаруживает прямо по курсу «Летучий голландец» – неуправляемый греческий корабль «Мантикора», который числится пропавшим. Люди с «Януса» обследуют «Мантикору», но не находят там ни живых, ни мертвых. Загадочный корабль полон странностей: он как будто меняется на глазах, а потом, когда люди возвращаются обратно, «Мантикора» и вовсе исчезает. И почему-то никто не помнит, как именно оказался снова на «Янусе». Кроме того, внезапно куда-то пропадает боцман, а с членами экипажа происходят таинственные трансформации... Герои понимают, что им грозит опасность, но кто или что является ее источником?!)

«В море человек никогда не бывает один». Эрнест Хемингуэй

ГЛАВА 4

Они исчезли. Оба! Сколько ни обыскивали «Янус» — моториста и матроса найти не смогли. Они либо растворились в воздухе, либо упали за борт. Именно эту последнюю мысль и высказал Вырин, когда все собрались, наконец, в каютах-компаний обсудить произошедшее.

— Это, конечно, могло бы быть, — сказал в ответ на предположение штурмана Гурин, — если б речь шла об одном члене экипажа. Но чтобы двое свалились в океан в одно и то же время... В это я не могу поверить.

— На «Янусе» творится какая-то чертовщина! — пробормотал Быковский, задумчиво поглаживая бородку. — Просто чудеса, да и только.

— Мы словно попали в фантастический фильм, — вставил с ухмылкой Шуйский. Он встретился взглядом с Выриным.

— Что ты имеешь в виду? — спросил тот.

Врач пожал плечами.

— Все эти... странности. Если подумать, многовато для одного корабля, не считаете?

— Наверняка их можно объяснить, — сказал Гурин. — Просто у нас недостаточно данных. Пока. Или ты, Максим, хочешь сказать, что по судну действительно разгуливают мертвецы? Медицина это допускает?

— Медицина нет. А вы? — парировал доктор, сложив руки на груди. — Разумеется, Арина видела галлюцинацию. Уваров исчез давно, на «Янусе» его нет — ни живого, ни мёртвого.

— Если бы он не погиб, то не стал бы прятаться, — добавил Павлов. — С какой стати?

— Уж не знаю, — ответил Шуйский, — с какой стати здесь творится вся эта... — он замолчал, отведя взгляд.

Олег вспомнил крики Арины и её сбивчивый рассказ. Когда он прибежал, Ратников и Сэм держали её, бьющуюся в истерике, у подножия лестницы,

ведущей из машинного отделения наверх. Шуйскому пришлось сходить за успокоительным, чтобы унять девушку. Только тогда им удалось отвести её в медкабинет и уложить. Арину всю тряслось, она пыталась вырваться и всё время просила, чтобы на корабле везде немедленно зажгли свет.

— Они прячутся в тенях! — говорила она, дико вращая глазами. Из уголка рта стекала тоненькая струйка слюны. — Слышите?! Везде, где темно! Нужно осветить все углы! Лишить их укрытия!

— Кого ты имеешь в виду? — спросил Шуйский, стараясь говорить подчёркнуто спокойно.

— Мертвяков! Они прячутся и ждут, пока мы уснём!

— Ты сказала, что видела Уварова. Он был мёртв? — спросил врач, доставая какие-то лекарства из коробок.

Олег и остальные находились рядом с Ариной, чтобы удержать её, если приступ повторится. Она понемногу успокаивалась — благодаря уколу. Речь её становилась тише и бессвязней.

— Мёртв, — подтвердила она. — Это призрак! Он вышел из темноты. Я ви- дела... Там бывает такое сияние... странное! Его нельзя описать. И формы... Моргнёшь — а они уже исчезли! Словно сбылся фокус в фотоаппарате. Ну, или в проекторе. У меня был такой в детстве... Мама подарила. В него надо было вставлять плёнку с диафильмами. Потом крутишь, и на стене...

— Сияние? — переспросил Шуйский. Он набрал в стакан воды и протянул Арине вместе с таблетками. — Выпей, пожалуйста.

Девушка проглотила пилюли, запила их тремя большими глотками. Край стакана при этом несколько раз стукнул о её передние зубы.

— Невозможный свет! — сказала она. — Он есть, но его не увидеть. Только иногда... Иногда можно. И призраки... они были там, вместе с Уваровым! Я видела, как они кружились вокруг него, будто светящийся туман.

— Почему ты сказала «невозможный»? — вмешался Олег. — Что это значит?

Арина перевела на него взгляд. Зрачки были крошечные, словно точки, и слегка дрожали.

— Ей надо отдохнуть, — сказал Шуйский. — Это пройдёт. Ложись, — он заставил девушку опуститься на подушку.

— Почему невозможный? — упрямо повторил, сделав шаг, вперёд Олег.

Арина повернула голову. Её губы приоткрылись.

— Нет названия, — сказала она. — Такой... странный!

— Всё, выходим! — распорядился Шуйский. — Освобождаем помещение. Оставьте врача с пациентом. Что вам тут, цирк, что ли? — добавил он, строго взглянув на Олега.

Это было после того, как Арина устроила в машинном отделении истерику. Теперь они сидели за столом и смотрели друг на друга, пытаясь понять, стоит ли бояться того, что происходит на шхуне. Никто не высказал эту мысль, но она витала в воздухе.

— Связи по-прежнему нет, — проговорил Павлов. — А в чём поломка, не понятно.

— Нет никакой поломки, — отозвался Ратников. — Сэм всё трижды провёрил. И я тоже смотрел.

При упоминании о пропавшем мотористе все на несколько секунд замолчали.

— Может, мы попали в какую-то зону, где радиоволны глушатся? — высказал

предположение Гурина.

Чувствовалось, что капитан многое отдал бы, лишь бы найти материалистическое объяснение происходящему.

— Я о таких не слышал, — покачал головой Вырин. Вид у штурмана был крайне озабоченный. Его словно что-то терзало. Он обвёл взглядом присутствующих. — Не хотел говорить, пока не будет полной уверенности, — сказал он вдруг, будто решившись, — но, кажется, мы сбились с курса.

— В каком смысле? — удивился капитан. — Я утром проверял по приборам...

— Именно, — нетерпеливо перебил штурман. — В том-то и дело, что, если верить приборам, мы идём строго по курсу.

— И что тебя не устраивает? — нахмурился Гурин.

— Что значит — «если верить приборам»? — насторожился Олег.

Вырин посмотрел на него.

— Я ночью вышел на палубу. Не спалось. Смотрел на небо, — он потёр переносицу, пожал плечами. — В общем, я вдруг понял, что звёзды-то не те! Мы здорово отклонились от курса. На северо-восток.

— Ты серьёзно? — спросил Гурин. — А почему сразу не сказал?

— Так ведь приборы показывают, что всё в порядке. Я проверял.

— Может, ты ошибся?

Вырин покачал головой:

— Нет.

— Приборы в машинном отделении тоже врут, — неожиданно заявил механик. — Я не могу этого доказать, но чувствую. Всё работает, как часы, а корабль между тем идёт по-своему.

— Как он может?! — не выдержал Гурин. — Ты хочешь сказать, им кто-то управляет... На расстоянии?

— Не знаю, — ответил Ратников. — Понятия не имею. Но он словно сам по себе. Я начинаю себя чувствовать ненужным.

Капитан тяжело вдохнул.

— Посмотри ещё раз навигацию, ладно? — сказал он.

— Да, я посмотрю, — кивнул механик. — Но если с ней дела обстоят так же, как с рапицей, то я ничего не смогу поделать.

— Надо скорректировать курс, — вмешался Вырин. — В крайнем случае, будем идти по звёздам. Небу я доверяю больше.

— Все свободны, — объявил, вставая, Гурин. — Пойдём, Яков Алексеич, посмотрим, что там не так. Звёзд, правда, не видно...

Все начали расходиться.

Олег отправился к себе в каюту. Он лёг на койку, включил в плеере музыку и вставил наушники.

Водолаз намеревался использовать время обратного плавания для того, чтобы продолжить изучение немецкого языка. Он и теперь взял учебник, открыл там, где торчала закладка, и попытался читать, но ни одно правило не откладывалось в голове, занятой совсем другим.

Все моряки наслышаны об НЛО, выныривающих из океана, миражах и огнях святого Эльма, о летучих голландцах и Бермудском треугольнике. Среди них ходят байки от очевидцев, передаваемые из уст в уста, и они будоражат воображение, рождая в человеке мечту однажды и самому стать свидетелем

чуда. Но когда ты действительно сталкиваешься с необъяснимым, то испытываешь вовсе не радость и восхищение, а страх! Потому что начинаешь понимать: твоя судьба больше не зависит от известных тебе факторов. Ты не можешь планировать своё спасение.

Олег увидел, как дверь в его каюту открывается, и тут же сел на койке, сдёрнув наушники и внутренне подобравшись.

— Привет, — кивнул Шуйский, переступая порог. — Я стучал, но ты не ответил. Я решил убедиться, что с тобой всё в порядке, поэтому... — он не договорил и сел на табурет возле стены.

— Что случилось? — спросил Олег, видя, что врач чем-то озабочен.

— Тебе не снятся кошмары? — просил тот.

— Кошмары?

— Да.

— Ну, бывает, — ответил Олег, вспомнив недавний сон.

— Мне жаловались Арина и Сэм. Описывали один и тот же кошмар. А сегодня ночью я видел его. Удивительное совпадение, но такое бывает при массовом психозе. Впечатление, произведённое на человека рассказом другого, порождает в...

— Ты прирос к койке? — перебил Олег. — Это тебе приснилось?

Было видно, как Шуйский вздрогнул и вжался спиной в стену.

— Да! — ответил он спустя пару секунд. — Ты тоже это видел?

— И мне никто не описывал ничего подобного.

— Я будто сросся с койкой. Но не до конца. Ещё нет. Но отростки... они впивались в моё тело, словно... По правде говоря, я понятия не имею, что им было нужно, но ощущения мерзкие!

Олег кивнул.

— Да, всё так и было в моём кошмаре.

— Жуть, да?

— Неприятно.

— Знаешь, что мне пришло в голову? Насчёт антител. Они ведь продолжают вырабатываться, хоть и в меньшем количестве. Мы к чему-то привыкаем.

— К чему? К инфекции?

Шуйский рассмеялся — слишком резко и громко. Олегу это не понравилось.

— А вот нет никакой инфекции! — воскликнул врач, разводя руками. — Нет, понимаешь?!

— Понимаю. Успокойся.

— Не могу! Я не знаю, что происходит с моими пациентами. Со всеми нами.

— Скажи лучше, что ты думаешь о том, что видела в машинном отделении Арина, — решил сменить тему Олег, видя, что Шуйский немного не в себе. — Опять глюки?

— Ясное дело! Не призрака же она там встретила.

— А если — да?

Врач нервно усмехнулся.

— Хватит с нас чертовщины и без оживших мертвецов! Мы всё-таки не в фильме ужасов.

— Да, мы не в фильме, — согласился Олег. — Но я не уверен, что можно то же самое сказать и про ужасы.

— Ничего особо страшного до сих пор не случилось, — ответил Шуйский. —

Если не считать несчастных случаев, конечно.

— Трёх несчастных случаев, — уточнил Олег. — Это многовато даже для всего плавания, не то что...

— Что ты от меня хочешь? Чтобы я поверил, что мы оказались в ином измерении, где невидимые твари похищают членов команды, управляют временем и нашим кораблём?! — Шуйский рассмеялся. — Прости, Олег, но если это так, то я лучше пойду брошуся за борт!

— Не спеши.

— А что? Думаешь, самое интересное впереди?

— Разве не всегда так и бывает?

Врач покачал головой.

— Нет. В конце обычно бывает скучно. Беда в том, что никогда нельзя понять, стоит ли ещё чего-то ждать или уже можно расслабиться.

— Я надеюсь, что хуже уже не будет, — не очень искренне сказал Олег.

Шуйский поднялся с табурета.

— А мне так не кажется, — ответил он серьёзно. — И знаешь, что? Я рад, что у нас на борту есть оружие.

Эта реплика заставила Олега действительно испугаться — за доктора. Пожалуй, нервы у того совсем сдали.

— Уймись, — сказал водолаз. — Не хватало ещё, чтобы мы начали вооружаться и палить в каждый тёмный угол на судне. Так можно и друг друга перестрелять. Хватит с нас несчастных случаев.

— Ладно, прости, что напряг тебя, — натянуто улыбнулся Шуйский. — Я не хотел.

— Выпей там у себя чего-нибудь расслабляющего, — посоветовал Олег. — Не срывайся. А то кто нас будет лечить?

— Да-да. Я в порядке, не волнуйся. Это так... накатило.

Врач вышел на палубу. В последнее время даже картина морского пространства не вдохновляла его. Волны казались враждебными: они будто таили угрозу.

Он медленно зашагал по направлению к своей каюте, чувствуя страшную усталость. Было то, что он не сказал водолазу и вообще никому. И не собирался говорить. Образцы крови, взятые им у членов экипажа «Януса», пропали! Исчезли и все записи, которые он делал. Когда Шуйский это обнаружил, первой его мыслью было идти к капитану и обо всём доложить. Гурий наверняка организовал бы поиски. Но потом врач рассудил иначе: если образцы и записи украдены, то их, конечно, уничтожили. Если же нет... То в действие вступили причины, с которыми капитан ничего поделать не сможет, а усугублять назревающую на борту шхуны панику Шуйский не хотел. Люди и так были на грани. Он и сам ощущал, что у него развивается паранойя: иногда врачу казалось, что кто-то невидимый следит за ним, фиксирует каждый его шаг, и ждёт, когда он расслабится, чтобы забраться ему в голову и... Он не знал, что будет дальше, но ему было страшно.

Особенно остро Шуйский ощущал это тайное внимание в машинном отделении, когда вместе с другими занимался спящей Лазковой. Полумрак вдруг стустился вокруг них, и, хотя остальные этого не заметили, он приобрёл некую плотность, став почти осязаемым. Врач в тот же миг покрылся холодным потом и едва не выпустил вырывающуюся девушку.

В том, что Арина помешалась, он не сомневался: последствия травмы, шока

и продолжительного пребывания в состоянии беспомощности вызвали помутнение рассудка. Временное или нет, зависит от того, какая у девушки наследственность. Если у нее в роду были сумасшедшие, то она может уже и не оправиться.

Думая об этом, Шуйский с сожалением покачал головой. Проходя мимо двери медкабинета, он остановился, решив, что сначала проведет Арину, а уж потом вернется в каюту.

Корабль существовал сам по себе. В этом штурман убедился, когда начал корректировать курс. Приборы послушно показывали все изменения, которые он вносил. Если верить им, «Янус» двигался так, как надо. Но глаза говорили Вырину обратное: судно продолжало плыть не тем курсом, и поделать с этим было ничего нельзя. Внутренности «Януса» попросту не реагировали на указания штурмана.

— Да он просто врёт нам! — пробормотал в отчаянии Вырин. — Гадёныш!

Он поделился своим открытием с капитаном.

— Может, у нас установлено дистанционное управление? — неуверенно предположил Гурин. — Я слышал, что такое возможно. Надо вскрыть приборную панель и проверить.

При помощи механика они проделали это, но ничего не нашли.

— Похоже, где-то нарушена электрическая цепь, — сказал Ратников. — Сигналы не поступают. Но приборы этого не показывают.

— Что мы можем предпринять? — спросил Гурин.

— По идеи, надо разобрать всё. Но один я этого сделать не смогу.

— Ладно, — проговорил капитан, глядя на приборную доску, которая утверждала, что «Янус» уверенно плывёт домой. — Надо решить, как изменить курс.

— Мы уже пробовали ручное управление, — сказал Вырин.

— Знаю. Не помогло.

— Нас словно кто-то тащит, — заметил Ратников.

— Это невозможно, — возразил Гурин. — Сам знаешь.

— Мне кажется, он ещё там, — сказал вдруг механик, глядя куда-то сквозь стены рубки.

— Кто? — не понял Вырин.

— Сэм.

— Сэм?!

Ратников медленно кивнул.

— Я чувствую его. Он внизу, в машинном отделении.

— Ты бредишь, Дима? — строго спросил капитан.

— Я его видел, — на лице механика появилось насмешливое выражение, но взгляд остался отрешённым. — В темноте! Он живёт во мраке и прячется. Не хочет выходить. Но он не боится... Он следит за мной.

Вырин почувствовал, как по спине побежали мурашки.

— Ну, хватит! — прикрикнул он, разозлившись на себя. — Всё, отставай! Сходи к Шуйскому, попроси, чтобы выписал тебе успокоительное. В последнее время все стали какие-то нервные!

Ратников не возражал. Он просто вышел из рубки, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Капитан и его помощник переглянулись.

— Знаешь, чего я хочу больше всего? — спросил Вырин.

— Догадываюсь.

— Оказаться на берегу. И как можно скорее.

Гурин кивнул.

— Мы попали в странную историю, — сказал он. — Я начинаю подозревать, что на борту кто-то очень старается свести нас с ума. И это уже не похоже на розыгрыши.

— Какие уж тут шутки! — согласился с ним Вырин. — Люди-то гибнут.

— Что скажешь про то, что Сэм прячется внизу?

Штурман фыркнул.

— Бред! Где там прятаться? И зачем?

— Согласен. Неправдоподобно. Я думаю, после того, как Арина увидела — в кавычках — Уварова, у Ратникова и развилась эта фантазия.

Вырин пошарил по многочисленным карманам своей жилетки в поисках сигарет.

— Он сказал, что Сэм живёт во мраке. Кажется, Арина утверждала нечто подобное.

— Вот именно.

— Психоз.

— Да. Надо сказать Шуйскому, чтобы приглядывал за Димкой.

Штурман взглядом спросил у Гур이나 разрешения закурить. Тот кивнул.

— Скажем, — сказал Вырин, щёлкнув зажигалкой. — Но я предлагаю осмотреть машинное отделение вместе с Ратниковым. Ну, чтоб он убедился, что там никого нет.

— Это хорошая идея.

Звук работающих машин походил на ритмичное сердцебиение огромного механического организма — негромкий, но отчётливый, он отдавался в теле подобно ударам огромного китайского барабана. Олег ходил однажды с Машей на такой концерт: жилистые мужчины с заплетёнными косами и в набедренных повязках лупили по натянутой коже, содрогаясь при каждом движении.

Олег шёл за помощником капитана с фонарём в руках, несмотря на то, что на потолке горели лампочки и света было достаточно — для осмотра всю иллюминацию машинного отделения врубили на полную мощь.

— Слышите? — шепотом проговорил Ратников, оборачиваясь. Лицо у него было бледное и напряжённое, глаза блуждали по стенам и низкому потолку, словно он ожидал, что в любой момент откуда-нибудь может появиться привидение Сэма или боцмана.

— Что? — спросил Павлов.

— Как работают! — Ратников чуть склонил голову набок, и на его лице появилась странная улыбка. — Никаких сбоев... никогда. Я слушал несколько часов, ждал сбоя — бесполезно!

— Просто вы с Сэном хорошо поработали, — ответил помощник капитана. — Поэтому машины...

— Нет! — резко перебил его Ратников. — Мы тут ни при чём. Они украли Сэма. Теперь он в них.

Механик отвернулся и двинулся дальше. Олег с Павловым понимающе

переглянулись. Похоже, Ратников совсем тронулся умом. Водолазу пришло в голову, что механика лучше изолировать и не подпускать к системам корабля: если он считает их враждебными, то может совершить попытку «расквитаться» с ним в чём не повинными ходовыми частями судна. Надо поговорить об этом с Гуриным. И заставлять Ратникова спускаться сюда не стоит, потому что переубедить его явно не удастся, а вот то, что психическое расстройство станет прогрессировать, если он будет находиться здесь, среди машин, весьма вероятно.

— Надо заканчивать осмотр, — шепнул Олег Павлову спустя четверть часа после того, как они начали бродить по машинному отделению, демонстративно светя фонарями во все углы, в которых лежали хоть какие-то тени. — Всё равно нам его не переубедить, — он кивнул на Ратникова, стоявшего возле утыканного датчиками стального шкафа и смотрящего себе под ноги. Кажется, его губы слегка шевелились, словно он разговаривал с самим собой. А может, с Сэмом, поглощенным машинным отделением...

— Дима, пошли наверх, — позвал Павлов. — Мы все осмотрели.

Ратников отреагировал не сразу. Только когда его окликнули во второй раз, он повернул голову и двинулся к ожидающим его товарищам.

— Это бесполезно, — сказал он, проходя мимо. — Они не покажутся.

— Кто? — спросил Олег. — Сэм и Уваров?

— Да. И они тоже, — не пояснив, кого ещё он имел в виду, Ратников направился к ведущему на палубу трапу.

Павлов и водолаз последовали за ним.

К ужину из лазарета вышла Арина. Её сопровождал Шуйский. Вид у него был озабоченный, хотя он и старался изображать радостное оживление — вероятно, ради девушки, которая разговаривала мало и вообще вела себя замкнуто.

— Зачем ты её сюда притащил? — накинулся Олег на врача, улучив момент, когда Арина не могла его услышать.

— Не хочу, чтобы она находилась одна, — ответил Шуйский. — Боюсь, что её фантазии только усилятся. Пусть отвлечётся.

Ближе к концу ужина Арина вдруг подняла голову, обвела всех сидевших за столом взглядом и сказала:

— Слушайте, извините меня за ту истерику ладно? Похоже, у меня малость крыша поехала. Я понимаю, что Уварова на корабле нет и быть не может, — она слготнула, словно слова давались ей с трудом. — В общем, это был глюк. Я это поняла. Прошу не считать меня чокнутой, — она неуверенно улыбнулась.

Все принялись наперебой уверять её, что и думать не думали, будто она ненормальная. Все, кроме механика и Олега. Ратников просто ухмыльнулся, когда Арина говорила про галлюцинации, а водолаз почувствовал, что девушка не совсем искренна. Быть может, ей и хотелось бы поверить в то, что Уваров не призрак, а плод её воображения, но как можно полностью отказаться от того, что видели твои глаза?

После ужина Олег вышел на палубу вслед за Ариной. Они молча прошли на нос корабля и встали около канатных бухт, плотно свёрнутых и напоминавших тугие девичьи косы, только очень длинные.

— Ты серьёзно? — спросил Олег, взглянув на девушку. — Прости, но мне показалось, что ты сама не веришь в то, что боцман тебе привиделся.

Арина усмехнулась. Она сильно похудела, и кожа тут обтягивала скулы и лоб.

— А что мне остаётся? Разве есть другое объяснение?

— Но ты уверена, что видела его!

— Галлюцинации так и работают, разве нет?

— Наверное.

Девушка обвела взглядом горизонт.

— Максим вколов мне кучу каких-то препаратов. Думаю, среди них было и успокоительное. Всё вокруг стало каким-то... нереальным. Ватным. Если я опять увижу призрака, то, наверное, даже не испугаюсь. Хотя, вроде, глюков быть не должно: Макс уверил, что лекарства подействуют, — Арина перевел взгляд на Олега. — Я сумасшедшая? Ответь честно.

— Наверное, нет.

— Наверное? — девушка усмехнулась. — Слабое утешение.

— Если бы ты одна... — сказал Олег, — я бы ответил иначе. Но ведь и Ратников. Двое сумасшедших на одном судне? Многовато.

Арина махнула рукой.

— Ерунда! Массовый психоз. Бывали случаи, когда целые монастыри, а то и деревни охватывала паника. Люди даже видели схожие галлюцинации.

— Знаю. Но ни ты, ни Ратников не кажетесь людьми, склонными к... В общем, чересчур впечатлительными. А самое главное, — Олег понизил голос, — я и сам чувствую, что происходит нечто странное. Необъяснимое.

— Да? — Арина взглянула на него с надеждой. — Честно?

— Угу. И мне это не нравится. Я бы предпочёл, чтобы ты свихнулась, — Олег усмехнулся, давая понять, что говорит не всерьез. Но девушка осталась серьёзной.

— Почему? — спросила она. — Веришь в привидений?

Водолаз вздохнул.

— Я понятия не имею, есть ли там, внизу, призраки Уварова и Сэма, — сказал он, — но мне не хотелось бы оставаться там в одиночку и надолго.

Олег рассказал девушке о том, как они с Павловым осматривали машинное отделение, а потом пошли к капитану и убедили его не отправлять Ратникова вниз.

— И ты веришь, что механизмы украли Сэма? — спросила Арина с сомнением.

— Нет. Но, возможно, на «Янусе» есть какой-то вирус, вызывающий изменения в сознании, — нехотя ответил Олег, которому совершенно не хотелось рассказывать про открытие Шуйского.

— Вирус? — нахмурилась Арина. — Откуда?

Водолаз пожал плечами.

— Вдруг мы подхватили его на «Мантикоре»?

— Но Максим брал кровь на анализ, — возразила девушка. — Он бы знал.

— Нет, он не обнаружил вирус, — честно сказал Олег.

— Вот видишь, — Арина выдохнула с явным облегчением, но тут же снова нахмурилась. — А знаешь, если бы вирус существовал, это было бы совсем плохой новостью, — сказал она.

— Почему? Глюки мы бы как-нибудь пережили.

— Да? Ты уверен?

— Почему нет?

Арина изучающе взглянула в лицо Олега.

— Да потому что на «Мантикоре» не было никого, — сказала она. — Понимаешь? Ни одного человека!

Олег сидел в своей каюте, пытался учить язык, но в голову лезли мысли совсем о другом. Он обдумывал слова Арины, которые произвели на него неприятное впечатление — в основном, потому, что ни одно из объяснений, которые он мог сочинить, не удовлетворяло его.

Вдруг в дверь постучали.

— Кто там? — Олег сел на кровати, отложив самоучитель.

— Это я, — голос принадлежал Арине. — Можно?

— Да, входи.

— Не отвлекаю?

— Пытаюсь учить немецкий. Но что-то не идёт.

Девушка села на стул, положив руки на колени.

— Я вспоминала наш разговор... — начала она, — и поняла, что не была вполне искренна.

— Да ладно, это...

— Не перебивай, пожалуйста! — Арина подняла руку, выставив ладонь, и Олег замолчал. — Иногда мне кажется, что в темноте кто-то есть. Это... не призрак Уварова. Я говорю о другом, — девушка приложила к губам пальцы, сбираясь с мыслями. Олег терпеливо ждал. — Если бы наши глаза были более совершенны, — продолжила Арина через несколько секунд, — то видели бы больше. Другие цвета, которые мы не в состоянии различать сейчас. И кто знает, что открылось бы нам в окружающем мире!

— Если бы существовали цвета, которые мы не видим, — сказал Олег, видя, что Арина закончила и выжидающе смотрит на него, — то мы воспринимали бы их как чёрный.

— Именно, — кивнула девушка. Почему-то реплика собеседника её обрадовала. — Как темноту! И когда мы смотрим на мрак, на тени... Словом, кто знает, что там на самом деле?! А вдруг вокруг нас копошатся какие-нибудь твари?!

Олег пожал плечами.

— Надо полагать, если даже и так, они для нас безвредны. Иначе тот факт, что мы их не видим, не помешал бы им... напасть, например.

Арина с сомнением покачала головой.

— Кто знает, какой вред они причиняют? Может, питаются нашей энергией, вызывают неизлечимые болезни, сводят с ума?

— Тогда они были бы окрашены для нас в чёрный цвет, — возразил Олег. — Мы видели бы их силуэты, и они не исчезали бы при свете.

Девушка задумалась. Олег молчал, давая ей возможность переварить услышанное.

— Может, ты и прав, — сказала, наконец, Арина. — Но, с другой стороны... муравьи не знают о существовании людей. И большинство рыб — тоже. Но мы убиваем и тех, и других. Не всегда, конечно, и не всех. Но бывает, что кто-то вторгается в жизнь насекомого или обитателя океана и обрывает её. Мне кажется, нечто в этом роде произошло и с нами. С «Янусом». Мы столкнулись с какой-то

силой, скрытой от человечества — так же, как отдельный муравейник становится вдруг жертвой расшалившегося ребёнка, вооруженного длинной палкой.

Олег промолчал, не зная, что ответить. Что-то было в словах девушки такое... В общем, они находили отклик в его собственной душе.

— Мои глаза стали другими после того, как я опять начала видеть, — сказала Арина. — Я это чувствую. Быть может, это какое-то прозрение, — она поднялась. — Ладно, не буду тебя больше грузить. Скажу только одно: я стараюсь не смотреть туда, где темно. Может, у меня последствия шока, как считает Максим, но я вижу там... иногда... нечто. И оно живое, — Арина вдруг усмехнулась, и Олег от неожиданности слегка вздрогнул. — Я бы даже хотела, чтобы у меня поехала крыша! Честно. Предпочла бы, чтоб это были глюки. Лишь бы этих тварей не существовало на самом деле. Нет, не отвечай! — поспешно проговорила девушка, видя, что Олег собирается что-то сказать. — Не надо! Прошу.

Она вышла из каюты, плотно закрыв за собой дверь.

Олег несколько секунд смотрел ей вслед, потом спустил ноги на пол и уперся локтями в колени. Учить немецкий теперь у него точно не получится.

Его взгляд упал на сгустки теней, лежавших между мебелью и по углам. Это произошло невольно — из-за слов Арины. Водолаз усмехнулся: не хватало только, чтобы он начал, как ребёнок, пугаться темноты.

Девушка сказала, что предпочла бы сойти с ума... То же самое он говорил ей совсем недавно. Ненормальность разрушает реальность лишь одного человека, превращая его жизнь в кошмар. Существование призраков повергает в хаос весь мир!

Впрочем, по крайней мере, в одном девушка была, на взгляд Олега, права: «Янус» столкнулся с чем-то необъяснимым. И ничего хорошего это не сулило...

Олег дежурил ночью в рубке с Гуриным. Капитан выглядел осунувшимся и постаревшим — похоже, он мало спал. Вот и теперь он клевал носом над разложенными картами и навигационными приборами. Все уже знали, что судно движется своим ходом, и не слушается управления. Звёзды над головой свидетельствовали об этом со всей возможной очевидностью. Бортовые компьютеры, системы навигации, куча индикаторов и сложнейшие механизмы, по которым приказы должны передаваться от человека к недрам корабля, оказались бесполезными.

Дежурство теряло смысл, и всё же люди приходили в рубку и смотрели на чёрную гладь моря, не зная, куда их везёт вышедшее из-под контроля судно. Впрочем, судя по звёздам, через неделю «Янус» — если не изменится маршрут — должен был приблизиться к индийскому побережью, и Олегу было любопытно, пристанет ли корабль или двинется дальше. Во всяком случае, можно будет подать сигнал о помощи при помощи флагов, и береговая охрана или встретившееся судно снимет их с борта шхуны.

Придётся добираться до дома самолётом — что ж, тем лучше. Быстрее окажется в Питере и сможет поговорить с Машей. Олег, правда, так и не решил, что ей ответить. Ему не хотелось её терять, но, с другой стороны, они так давно не виделись, что расставание уже не казалось... критичным. Как говорится,

с глаз долой — из сердца вон!

Гурин встряхнулся, взглянул на водолаза и встал. Кажется, он решил, что Олег не заметил, как он в течение последних пятнадцати минут медленно наклонялся вперёд, все больше погружаясь в сон.

— Всё спокойно? — спросил он без тени интереса.

— Да, — так же равнодушно ответил Олег.

— Кажется, поднимается ветер.

— Немного.

— Если будет крепчать, то, возможно, начнётся шторм. Жаль, что мы не получаем сводку погоды.

Радио оставалось глухо ко всем попыткам выйти на связь. Из динамиков раздавался только сухой монотонный треск.

— Шхуна выдержит, — отозвался Олег. — Нам ничего не грозит.

— Надеюсь, — капитан зевнул и потёр глаза. — Странно, что мы не встретили ни одного судна за всё это время. Мы находимся в водах, где проложено множество маршрутов, насколько я понимаю, — Гурин с неприязнью посмотрел на видневшиеся впереди звёзды, усыпавшие чёрный небосклон. — Как будто «Янус» нарочно избегает других кораблей.

Эта мысль приходила в голову и Олегу, но он не озвучивал её, опасаясь, что его поднимут на смех. Он с интересом взглянул на капитана: неужели тот серьёзно? Но, похоже, Гурин сказал это так, ничего не имея в виду.

Откуда-то со стороны кормы донёсся крик. Олег немедленно обернулся, Гурин вздрогнул.

— Кто это?! — вырвалось у него.

— Не знаю, — сказал Олег, прислушиваясь. — Надо пойти посмотреть.

Крик повторился.

— Это мужчина, — уверенно проговорил Гурин. — Идём!

Они с Олегом вышли на палубу и двинулись в сторону кормы. Водолазу пришло в голову, что неплохо бы на всякий случай чем-нибудь вооружиться, но в этот момент они с Гурином услышали топот: кто-то бежал.

— Скорей! — Гурин пustился вперёд.

Олег старался не отставать.

Снова крик — на этот раз гораздо ближе и громче. К нему присоединился другой, наполненный яростью!

— Их двое! — проговорил на бегу Олег.

— Слыши! — не оборачиваясь, ответил Гурин.

Впереди из своей каюты выскочил Бинг в одних трусах.

— Кэптен, уотс ап?! — крикнул он, увидев едва не налетевшего на него Гурина.

— За мной! — прорычал тот, огибая американца.

Бинг пропустил Олега и зашлёпал босыми ногами следом.

Когда они свернули за угол, то увидели Арину. Девушка держала наперевес пожарный топор и наступала на забившегося в бухты Шуйского. Врач уже был в крови — на его животе и груди зияли длинные резаные раны, одна рука безвольно болталась вдоль тела. Но на лице, освещённом корабельными фонарями, не было ужаса — скорее, его можно было назвать сосредоточенным.

— Арина! — предостерегающе крикнул Гурин, кидаясь к ней со спины.

Не обернувшись, девушка замахнулась и бросила всё тело вперёд, опуская топор.

Шуйский поднял здоровую руку, защищая голову, но это не помогло — удар был слишком силён, а топор тяжёл, и лезвие с глухим всхлипом вошло в череп.

Гурин сбил Арину с ног, и они повалились на палубу. Топор остался торчать в голове врача, но металлическая рукоять перевесила, и труп медленно перевернулся на бок, увлекаемый древком.

Девушка кричала и яростно отбивалась. Олегу пришлось навалиться на неё. Он чувствовал, как напрягаются мышцы Арины, как она сопротивляется — в какой-то миг ему даже показалось, что у неё конвульсии!

— Держи за ноги! — крикнул он Бингу.

Американец упал Арине на колени и попытался их обхватить, но она так ляглась, что Бинг потратил добрых две минуты, чтобы обездвижить её. За это время Гурин и Олег зафиксировали девушке руки.

Не имея возможности двигаться, Арина начала биться о палубу головой.

— Припадок! — крикнул капитан. — Успокоительное... Врача...

Но врач Шуйский был мёртв и лежал в метре правее, истекая кровью. Чёрная лужа почти поползла до борющейся троицы и сверкала в свете раскачивающихся на ветру фонарей.

На корме появились Быковский и матрос по имени Боб. Они уставились на Олега, Гурина и Арину в недоумении.

— Ташите верёвки! — распорядился капитан. — Быстро!

С этими словами он переместился так, чтобы прижать коленями руку девушки, и обхватил руками её голову, не давая размозжить затылок о палубу.

В какой-то миг Олегу удалось заглянуть Арине в глаза. В них было безумие...

Арину связали и перенесли в лазарет, где девушке сделали укол. Быковский и Олег остались с ней. Остальные — а к тому моменту уже все оказались на ногах — занялись Шуйским.

Труп завернули в парусину и отнесли в трюм, где обложили сухим льдом. Палубу вымыли, но кровь успела впитаться в доски, и теперь среди свёрнутых бухтами канатов темнело большое пятно.

Вырин заступил на дежурство в рубке вместо водолаза.

Сидя возле приборной доски, он вспоминал, как Арина билась на койке, стараясь разорвать путы. Её не стали развязывать даже после того, как был сделан укол. Девушка стала опасна. Похоже, её придётся держать взаперти, пока шхуна не прибудет в какой-нибудь порт.

Было жаль Шуйского. Что случилось с другими членами команды, пропавшими после встречи с греческим судном, было неизвестно, а вот смерть врача стала настоящим шоком!

В трюме лежало его тело, обложенное жёлтыми кусками испаряющегося сухого льда — словно огромное жуткое мороженое... Вырина передёрнуло. Он пошарил по карманам своей жилетки, достал зажигалку и пачку сигарет. Закурил. Пальцы слегка дрожали.

Арина кричала, что её зря связали, что она просто защищалась. Якобы она убила не Шуйского, а призрака, который хотел утащить её в трюм. Бедняжка! Совсем двинулась умом. Достаточно было заглянуть в её расширившиеся

от ужаса глаза, чтобы понять, что она съехала с катушек. Штурман с сожалением покачал головой, медленно встал и бросил взгляд на водную гладь: уже светало, и солнце слегка золотило гребни волн. Перед кораблём море казалось особенно тёмным, а затем светлело... Странное явление, которое он заметил ещё раньше. Тогда штурман решил, что это игра света или резкий перепад глубины.

Теперь Вырин озадаченно нахмурился.

— Семён Дмитриевич, я схожу прогуляюсь? — обратился он к Гурину.

Капитан кивнул.

— Конечно, сходи.

Штурман вышел и направился вдоль левого борта, глядя на волны. С этой стороны наблюдалось такое же явление: тёмная вода окружала корабль. «Клякса», — пришло в голову Вырину. Огромная, и «Янус» находился в центре её...

Штурман дошёл до кормы и встал у поручней, глядя на пенный след, оставшийся за шхуной. Он рассекал тёмный участок моря и таял там, где вода становилась светлой. Сам след показался Вырину слишком слабо выраженным. И около винтов пены было маловато. Почему он не обращал на это внимания раньше? Или обращал, но не придавал значения.

Чем дольше штурман смотрел на след, тем больше ему казалось, что «Янус» идёт по мелководью, причём с едва работающими двигателями. Но скорость не падала...

Вырин выбросил окурок за борт, сходил за линем и начал опускать его в волны. Пять метров, десять, двенадцать... Трос ослаб и провис: груз лёг на дно!

Штурман не мог поверить, что в этой части океана может быть такая малая глубина. Он передвинулся вдоль борта на десяток шагов и повторил замер. Одиннадцать метров! Вырин сделал ещё четыре попытки, и ни разу линь не опустился ниже, чем на двенадцать метров.

Это было феноменально! Штурман смотрел линь и вернулся в рубку.

— Ну, что? — спросил Гурин. — Всё спокойно?

— Похоже, мы идем над отмелю, — неуверенно сказал Вырин. — Не сесть бы.

— Как это?! — удивился капитан.

Штурман рассказал про замеры глубины.

— И ещё вокруг нас тёмное пятно, — добавил он, подумав.

— Пятно?

— Идём, покажу.

Они вышли на палубу.

— Видишь? — спросил Вырин.

Капитан молча смотрел на воду около минуты. Его губы беззвучно двигались. Похоже, он пытался найти объяснение этому оптическому явлению.

— Что за чёрт?! — проговорил он, наконец.

— Понятия не имею.

Вырин рассказал про пенистый след.

— Такое впечатление, — заключил он, — что нас кто-то тащит. Показания датчиков машинного отделения не соответствуют реальной работе двигателей. Судя по следу, они еле шевелятся, а мы идём на хорошей постоянной скорости.

— Нас могли взять на буксир? — подумав, спросил Гурин.

— Подводная лодка? Я думал об этом. Но не приложу ума, кому это надо.

И, кроме того, почему врут датчики?

— А если их работу глушат? И радио вон молчит уже сколько времени.

— И куда нас, по-твоему, тащат?

Капитан тяжело вздохнул.

— Бред какой-то...! — проговорил он.

— Да, — согласился Вырин. — Но не просто бред, а страшный бред. Кошмар. Мы пленники этого корабля. И знаешь, я всё чаще вспоминаю то греческое судно, после встречи с которым всё началось. Как бы и наш «Янус» в конце концов не стал кораблём-призраком...

Он проговорил всё это совершенно спокойно, и Гурину от этого стало вдруг по-настоящему жутко: словно штурман смирился с неизбежностью и просто констатировал факт: все они умрут!

ГЛАВА 5

— Куда?! Куда они его дели?! — кричал Гурин, потерявший остатки самообладания.

Всегда выдержаный и рассудительный, капитан метался по кают-компании, не обращая внимания на то, что члены команды видят его в таком состоянии.

Вырин многозначительно кашлянул, но Гурин его проигнорировал.

— Что вообще происходит?! — воскликнул он, остановившись и переводя взгляд с одного обращенного к нему лица на другое.

— Очевидно, тело выбросили за борт, — проговорил Ратников.

— Очевидно? — тут же отреагировал Гурин. — Тебе это очевидно?! — по его лицу прошла судорога, так что Вырин забеспокоился, не приключилось бы с капитаном инсульт. — Да здесь, на этом чёртовом поганом корабле, уже давно ничего не очевидно!

— Семён Дмитриевич! — не выдержал штурман. — Павлов, Коля и Бинг не могли никуда деться, кроме как за борт. Вместе с трупом Шуйского. Все четверо пропали за остаток ночи.

— Но мы бы заметили, если бы они падали или прыгали за борт! — окончательно выходя из себя, заорал Гурин. Кулаки его сжались, лицо налилось кровью. — Мы с тобой заметили бы! Это же шхуна, а не теплоход!

— Не думаю, чтобы они прыгнули сами, — вставил Олег.

— Да уж конечно! — внезапно успокоившись, буркнул Гурин. Он подошёл к столу и сел, откинувшись на спинку стула. Вид у него был усталый: под глазами — тёмные круги, щёки запали, кожа на лбу обтянула все выпуклости черепа. Венка на правом виске заметно пульсировала. — Иначе откуда бы в каюте Павлова взялась кровь?!

— Она уже впиталась, — негромко заметил Быковский. — Очень быстро, я бы сказал.

— Зато убирать не надо! — нервно захихикал Ратников. — А то после доктора мыли палубу, мыли, мыли-мыли, мыли...

— Тихо! — прикрикнул на него Вырин.

Механик замолчал, но глуповатая ухмылка так и застыла на его бледном лице.

Олегу вспомнились детские игрушки, разбросанные по каюте второго помощника. Их было штук двадцать, все разные, большие и маленькие, мягкие и деревянные, некоторые с подвижными суставами — коллекция, которую Павлов тщательно собирал во время экспедиции.

— Мне бы не хотелось этого говорить... — начал Быковский, поправив очки, — но, кажется, очевидно, что один из здесь присутствующих — убийца!

Все взгляды обратились на океанолога. Он смущённо кашлянул.

— Разве нет? Или у кого-то есть объяснение получше?

На несколько секунд в каютах-компаниях воцарилась тишина. Вероятно, всем уже приходила в голову схожая мысль. И вот теперь её озвучили. Люди стались не смотреть друг другу в глаза — чтобы не показалось, будто они пытаются разглядеть в соседях убийцу.

— Это корабль, — проговорил вдруг Ратников. — Он и есть убийца.

Его неестественно спокойный голос заставил Гурина вскочить на ноги. Капитан грохнул кулаком по столу.

— Хватит! — крикнул он. — Это бред! Я запрещаю нести чушь про шхуну! На ней не может — вы слышите?! — не может происходить ничего сверхъестественного!

— Если не с ней, то с нами, — возразил Ратников, глядя Гурина в глаза. Его лицо походило в этот миг на восковую маску.

— Спустись в машинное отделение и проверь, как всё работает, — процедил в ответ капитан. — Вернее, выясни уже, наконец, почему мы потеряли контроль над судном.

Механик отрицательно покачал головой.

— Нет, Семён Дмитриевич. Ни за что.

Гурин побагровел.

— То есть как?! Отказываешься исполнять приказ?

— Отказываюсь.

— А ты знаешь, чем это чревато?! — Гурин буквально сверлили механика глазами.

— Да мне плевать, — не дрогнув ни единой лицевой мышцей, ответил Ратников.

— Я схожу, — вызвался американец Боб. — Я немного разбираюсь. Но один не пойду, — добавил он тут же. — Только если со мной будет ещё кто-нибудь.

— Я, — сказал Вырин. — Мы вдвоём все проверим.

Ратников сидел, качая головой.

— Он вас сожрёт, — сказал он. — Как и остальных.

В его спокойствии была какая-то обречённость приговорённого, смирившегося с судьбой. Он не пугал и даже не предупреждал — просто констатировал очевидное.

От этого делалось жутко, но Вырин постарался не подать виду. «Он съехал с катушек! — сказал он себе, взглянув на механика. — Не обращай внимания».

— Вы сказали, что глубина вокруг «Януса» слишком маленькая, — встрял Олег, решив сменить тему. Он не хотел, чтобы капитан зацикливался на акте неповиновения Ратникова. — Я могу нырнуть и посмотреть, в чём дело.

— Это было бы хорошо, — поддержал водолаза Быковский. — Даже в научных целях.

— Сейчас нам важнее практика, — ответил без тени энтузиазма Гурин. — Но попробуй, — добавил он, обращаясь к Олегу. — Хуже не будет.

— Куда уж хуже! — буркнул себе под нос Быковский, но все его услышали.

— Разойтись! — с досадой скомандовал капитан, поднимаясь. — И... старайтесь держаться по возможности вместе.

Никто на это не ответил, но Олег почувствовал, как по спине пробежал

неприятный холодок.

Он отправился вместе с Быковским за снаряжением для погружения. Сам океанолог спускался под воду редко, но в оборудовании разбирался неплохо. В любом случае, помощник Олегу был необходим, а на Арину рассчитывать не приходилось. Бинг же пропал перед рассветом, так что учёный остался единственным, кто мог подстраховать водолаза.

Приготовления заняли около получаса. Олег облачился в специальный эластичный костюм, проверил в последний раз снаряжение.

— С Богом! — кивнул ему Быковский и перекрестил.

Олег спустился на нижнюю площадку трапа и аккуратно погрузился в чёрную воду. К нему был привязан канат, за который океанолог мог втащить его в случае необходимости на борт. Он же не должен был позволить Олегу отстать от «Януса», остановить который возможности не было (утром это уже попытались сделать — безрезультатно).

Пару раз окунувшись, чтобы привыкнуть к температуре и смочить маску, Олег отплыл подальше от борта шхуны и начал погружение. Вода показалась ему на удивление тёплой.

Спуск не занял много времени. Собственно, оказалось достаточно проплыть несколько метров, чтобы понять, что с днищем шхуны не всё в порядке.

От железных бортов вниз шло что-то непроницаемо-чёрное. Оно же распространялось вокруг корабля. Сначала Олегу показалось, что это жидкость вроде мазута, но через несколько секунд он понял, что странная масса шевелится и пульсирует. Она будто вросла в «Янус» и двигалась вместе с ним. А вернее, тащила его на себе. Олегу вспомнились сказочные гигантские рыбины, на спинах которых помещались иногда целые поселения. Или морские путешественники высаживались на их хребты, принимая тварей за остров.

Олег погрузился ещё на пять метров и оказался окружен тонкими, похожими на верёвки чёрными отростками, не просто колышущимися в воде, но извивающимися подобно червям. Они потянулись к нему и завибрировали от напряжения. Они были живыми, обладали волей, и при этом собирались в какой-то чудовищных размеров густок, уходящий вглубь океана.

Водолаз отпрянул от отростков, однако они вытянулись вслед за ним. Олега охватил страх! Ему вспомнился кошмар, в котором точно такие же нити прорастали сквозь его тело, не позволяя шевелиться. Он заработал руками и ногами, стремясь отплыть подальше. Потом вспомнил о верёвке и дёрнул её, но она была плохо натянута, и Быковский почти наверняка не почувствовал сигнала. При виде приближающихся отростков Олега охватила паника.

Что-то коснулось его лодыжки, мягко обхватило её. Он рванулся, выхватил из пластиковых ножен НВУ и полоснул серрейторной кромкой по тонким щупальцам. Они оказались неожиданно прочными, так что пришлось повторить это действие, чтобы освободить ногу полностью.

Олег дёрнул верёвку ещё раз и поплыл наверх, изо всех сил работая ластами. Вода вокруг была чёрной от собравшихся вокруг нитей: она буквально кишила ими! Вдруг Олег почувствовал, что его тянут — значит, Быковский всё-таки понял, что требуется его помочь. Обнадёжённый, водолаз удвоил усилия, хотя ещё миг назад ему казалось, что он выкладывается по полной. Наконец, он вынырнул и замахал рукой, подавая сигнал океанологу. Тот продолжал

тащить: было видно, как он работает локтями, выбирая из воды канат.

Олег всё ждал, что в лодыжки ему вцепятся жуткие чёрные щупальца, но они почему-то отступили. Через несколько минут он благополучно выбрался на площадку трапа и, тяжело дыша, поднялся на палубу.

— Ну, что? — спросил Быковский.

Олег снял акваланг и устало опустился на деревянный настил. Сердце колотилось, как бешеное.

— Что-то присосалось к днищу, — ответил он, когда смог говорить. — Огромное и чёрное. Это оно окрашивает воду вокруг корабля. Его мы и видим, — он махнул рукой в сторону океана.

Быковский недоуменно проследил за его жестом, потом нахмурился.

— Что именно?

— Какая-то тварь!

— Живая?!

Олег кивнул.

— И у неё полно тонких щупалец, — он взглянул на свою лодыжку, но на ней ничего не было — все нити, соскользнув, остались в воде. — «Янус» как вершина айсберга, — добавил Олег. — И этот чёрный айсберг тащит нас чёрт знает куда.

— Ты сказал, он... оно... живое. Уверен?

— Да. Какое-то существо. Очень большое. Не думаю, что это рыба или мlekопитающее.

— Тогда что? — во взгляде Быковского зажёгся интерес исследователя.

— Нечто, — ответил Олег. — Чудовище.

Олегу едва удалось отговорить океанолога совершить погружение, чтобы своими глазами полюбоваться на то, что приросло ко дну шхуны. Он понимал, что у пожилого человека просто не хватит сил отбиться от чёрных нитей, готовых оплести незваного гостя с ног до головы. В результате ограничились тем, что рассказали обо всём остальным членам команды.

— И что это может быть? — спросил Гурин, выслушав Олега. — Хотя бы теоретически.

— Не имею представления, — ответил Быковский. — Думаю, мы на пороге одного из величайших открытий! Если это какая-то новая форма земной жизни, то...

— Зачем ей «Янус»? — перебил капитан. — Почему оно не уходит на глубину? И куда, чёрт возьми, деваются люди с корабля? Может оно их... утаскивает в воду?

Быковский задумался.

— Не знаю, — сказал он через минуту. — Но не исключено. Мы ведь ничего не знаем об этом существе.

Гурин взглянул на Олега.

— Ты уверен, что оно живое? — спросил он.

Водолаз кивнул, вспомнив тянувшиеся к нему отростки. У существа были разум и воля — в этом он не сомневался.

— Значит, поэтому мы потеряли контроль над шхуной? — сказал Гурин. — Нас что-то тащит?

— Да.

— Поэтому пенный след такой странный, — вставил Вырин. — Он идёт над телом этой твари и выглядит так, словно мы плывём по мелководью.

— Но это не объясняет ложные показания приборов, — возразил Гурин.

— Не объясняет, — согласился штурман.

— Зато можно предположить, почему «Мантикора» вдруг накренилась, а потом исчезла, — сказал Быковский.

— Думаете, тварь потопила её? — спросил капитан.

— Предполагаю. А потом присосалась к нашей шхуне.

— С какой целью?

— Не знаю. Может быть, это организм, существующий за счёт других обитателей океана. Как рыба-прилипала.

— Он перепутал нас с крупным морским хищником? — в голосе Гурина звучало сомнение. — С каким-нибудь китом?

— Эта тварь внизу больше любого кита, — вмешался Олег. — Она даже больше нашего корабля!

— Да, вряд ли она могла ошибиться, — заметил Вырин.

Ратников на это совещание не явился. Посланный за ним матрос вернулся, сказав, что механик лежит в своей каюте на койке и смотрит в потолок. На приглашение в кают-компанию он не отреагировал — только усмехнулся.

— Обойдёмся без него! — махнул рукой капитан.

Вырин и матрос собирались спуститься в машинное отделение, но их задержало сообщение Олега. Теперь они отправились вниз, хотя все понимали, что это бессмысленно: пока к дну шхуны прицеплена непонятная чёрная штука, они не смогут сами выбирать маршрут.

— По крайней мере, отключим всё, что сможем, — сказал Вырин, прежде чем уйти. — Мы не смогли остановить корабль, но что-то ведь должно вырубить механизмы. Сэкономим на топливе. Кто знает, откуда нам придётся возвращаться, — добавил он не очень уверенно.

Когда он и матрос покинули кают-компанию, Гурин обратился к Олегу и Быковскому:

— Что будем делать с вашей коллегой?

— С Ариной? — океанолог смущённо прокашлялся. — А разве нельзя её оставить в каюте?

— Связанной и накачанной лекарствами? Мы не знаем, сколько продлится наше путешествие.

— Но она опасна, — сказал Быковский, взглянув на Олега, будто искал у него поддержки. — Она может ещё кого-нибудь убить.

Капитан поднялся.

— Надо с ней поговорить. Пусть снова расскажет, что произошло.

— Мы пойдём с вами, — предложил Олег.

— Хорошо.

Втроём они отправились в каюту девушки, где её оставили спать. По дороге Олегу пришло вдруг в голову, что Арины может не оказаться на месте: что, если она исчезла подобно другим членам команды?

Но девушка была в каюте. Она пришла в себя и лежала на спине. Когда дверь открылась, она быстро повернула голову и уставилась на вошедших.

— У меня уже руки и ноги затекли, — сказала она. — Развяжите.

— Не будешь на людей бросаться? — спросил Олег.

— Я и не бросалась. Это был не Макс, — девушка говорила спокойно, хотя видно было, что действие лекарства кончилось. — И я не тронулась умом. Теперь я в этом уверена.

— А мы вот нет, — ответил Олег.

— Нам не придётся прятать острые предметы? — Гурин сел у иллюминатора, положил руки на стол. — Обещаешь, что не станешь никого пытаться убить, даже если примешь его за призрака?

— Обещаю. Я просто попрошу вас навалять ему, — серьёзно ответила Арина.

Гурин кивнул Олегу, и тот освободил девушку. Она села на койке и с удовольствием потянулась, потом растёрла запястья и лодыжки.

— Клянусь, это был не Макс, — повторила она. — Эта тварь... пыталась затащить меня куда-то. Не знаю, зачем. Не хочу даже предполагать. Наверное, так же пропали остальные. Их куда-то увёлолки.

— Кто? — спросил Гурин.

— Уваров. Или Сэм.

Олег рассказал девушке про своё открытие.

— И даже вы не можете предположить, что это? — спросила Арина Быковского. Океанолог покачал головой.

— Вероятно, неизвестная доселе форма жизни, — сказал он.

— А на кой чёрт ей корабли? — грубо проговорила девушка. — Зачем она таскает их на себе?

— Почему их? — спросил Гурин.

Арина перевела на него взгляд.

— Как почему? Сначала «Мантикора», теперь «Янус», — ответил она.

— А при чём тут греческое судно?

— Разве не ясно? Эта тварь носила «Мантикору» на себе так же, как теперь таскает нас! Потом утопила её и заменила на «Янус». Зачем, не знаю. Но думаю, команда греческого корабля тоже пропала с него не сразу.

В каюте повеяло холодком. Все молчали, переглядываясь. В словах девушки было рациональное зерно.

— Ладно, — проговорила, наконец, Арина. — Не будем о грустном. Что вы сделали с телом... Шуйского?

— Отнесли в трюм, — помедлив, ответил Гурин.

— Я хочу на него взглянуть. Возможно, вскрытие убедит вас, что это не...

— Труп пропал, — перебил девушку Быковский.

— О!

— Да.

— Знаете, что я думаю? — Арина спустила ноги на пол и стала надевать кроссовки. Все ждали, когда она продолжит. — Корабль каким-то образом похищает нас по одному. Может, по двое или трое. Как получится, в общем. И заменяет на копии. Одну из них я прикончила.

— Ты насмотрелась фантастических фильмов, — сказал Быковский, почесав бородку.

— Нет. Я не просто приняла Макса за призрака, — тон у Арины слегка изменился. — Не потому, что он пытался меня куда-то утащить. Я видела, что он изменился! С тех пор, как зрение вернулось, мои глаза стали другими. Словно...

я стала различать новые цвета. И тот Шуйский... не был человеком. Только формой напоминал его. Вы бы не заметили разницы, но... в общем, это трудно объяснить. Поэтому я и хотела бы сделать вскрытие.

— Пойдём, — сказал, вставая, Гурин. — Пройдёмся.

— С удовольствием. У меня всё затекло.

На пути к корме им встретился механик.

— Где Боб и штурман? — спросил он сходу. — Они вернулись?

— Откуда? — не сообразил сразу Быковский.

— Из машинного отделения! — раздражённо ответил Ратников. — Сколько их уже нет?

Олег взглянул на часы.

— Больше часа, — проговорил он. — А что?

— Слишком долго, — Ратников нетерпеливо переступил с ноги на ногу. — Надо их найти. Хотя, наверное, уже поздно.

— Что значить «поздно»?! — рявкнул Гурин. — Что ты несёшь?

Механик пожал плечами. Вид у него был какой-то отсутствующий. Олег решил, что он не в себе. Надо бы ему сделать уколышек, да только без Шуйского попробуй разберись, что у него там от чего.

— Лучше не ходите туда, — сказал Ратников. — Оставьте всё как есть, — с этими словами он пошёл прочь.

Гурин хотел его окликнуть, но передумал.

— Упёртый болван! — пробормотал он себе под нос.

— Надо проверить, — сказал Олег. — Их действительно долго нет.

— Ладно, идёмте, — согласился капитан. — Арина, ты можешь остаться здесь.

— Я с вами.

Вчетвером они отправились в машинное отделение.

— Может, стоит прихватить оружие? — сказал по дороге Быковский. — Просто на всякий случай.

Гурин на миг задумался, но потом мотнул головой:

— Нет! Зачем? По призракам палить? Так недолго и механизмы повредить.

— Они всё равно не работают, — заметил Быковский.

— Давайте хоть пистолет возьмём, — неожиданно для себя предложил Олег.

— Люди-то пропадают.

Капитан колебался.

— Лучше перебдеть, чем недобдеть, — сказал океанолог. — Давайте, Семён Дмитриевич, действительно вооружимся. Если опасности не будет, то и стрелять не придётся.

— Ладно, — сдался Гурин. — Ждите меня здесь.

Они как раз дошли до двери, ведущей в машинное отделение. Капитан сходил в свою каюту и вернулся с пистолетом.

— Заряжен? — спросила Арина.

— Заряжен, — ответил Гурин, — и на боевом взводе. Пошли, — он засунул оружие за ремень. — Не хочу, чтобы Яков и Боб решили, будто мы явились их пристрелить, — объяснил он.

Поиски штурмана и матроса не заняли много времени. Всего пять минут понадобилось, чтобы полностью убедиться, что их в машинном отделении нет. Арина, Быковский, Олег и Гурин отправились бы искать их на палубе, решив, что Вырин и Боб уже поднялись и таким образом разминулись с ними, если б не кровь.

Она была буквально повсюду: среди механизмов и приборов, на стенах, полу и потолке.

— Они мертвы, — проговорил океанолог, глядя на красные лужи между стальными шкафами с датчиками на дверцах. — И убиты совсем недавно.

— Да, кровь свежая, — согласился Гурин. Он держал пистолет в руке, хотя в машинном отделении не было никого, кто мог бы представлять угрозу.

— А где тела? — проговорил Олег. — Куда их могли деть?

— Подняли на палубу и выбросили за борт? — неуверенно предположил Быковский.

— Невозможно, — покачал головой капитан. — Мы бы увидели. Ну, не мы, так кто-нибудь ещё.

— Кто мог это сделать? — сказал океанолог. — Мы были вместе, — он обвёл газами Арину, Гурина и Олега. — Вчетвером. А что делал Ратников?

— Дима с другой стороны пришёл, — возразил капитан.

— Он мог успеть разделаться с Выриным и Бобом раньше, — сказал Олег. — А потом отправить нас их искать.

— Но тела он спрятать не мог, — ответил Быковский. — Да и куда?

— Смотрите на кровь! — воскликнула вдруг Арина.

Все опустили взгляды на пол.

Красные лужи заметно уменьшились в размерах. Кровь словно впитывалась в резину, которой было выстлано машинное отделение. Олег посмотрел на забрызганные шкафы и приборы — теперь они были почти чистыми. Следы бойни исчезали прямо на глазах!

Олег повернулся к Арине, чтобы поинтересоваться, что обо всём этом думает девушка, но в этот момент свет в машинном отделении замигал, и лампочки начали гаснуть одна за другой.

— Да что за чёрт! — воскликнул Гурин.

— У кого-нибудь есть фонарь? — спросил Быковский дрогнувшим голосом.

Арина вдруг пронзительно закричала. Она показывала пальцем в темноту, и на её лице застыло выражение ужаса.

— А-а-а-а! — вырывалось из её рта, и звук становился всё тоньше.

— Что там?! — Гурин вскинул руку с пистолетом, хотя не видел цели. — Кто?!

— Мертвецы! — севшим голосом произнесла Арина, медленно пялясь. — Они светятся! Разве вы не видите?!

— Там никого нет! — неуверенно сказал Олег, который, как ни старался, не мог уловить в темноте ни силуэта, ни движения, ни свечения. — Тебе кажется!

Ничего не ответив, Арина развернулась и бросилась к выходу.

— Чёрт! — прошипел Гурин.

— Что делать? — спросил Быковский.

— Давайте за ней! — решил капитан.

Все трое с облегчением рванули наверх: никому не хотелось оставаться в машинном отделении дольше.

Арина стояла на палубе, вцепившись побелевшими от напряжения пальцами в поручни.

— Они все там! — крикнула она, едва остальные присоединились к ней. — Уваров, Сэм, Бинг и другие! Я видела их, клянусь! Но они мёртвые!

Олег обнял девушку, стараясь её успокоить, но она вырвалась и оттолкнула его.

— Вы мне не верите?! — глаза у Арины сверкнули. — Да?!

— Я тебе верю, — голос принадлежал Ратникову.

Все обернулись и увидели подходившего механика.

— Я предупреждал, — сказал он. — Мы на этом корабле в ловушке. Он убивает нас по очереди.

— Он? — спросил Гурин. — А может, ты?

— Я? — Ратников искренне удивился. — Зачем?

— Понятия не имею. Свихнулся, например? Где ты был и что делал?

Механик нервно рассмеялся.

— А может, это вы убили всех, и теперь моя очередь? — ответил он. — Я ведь тоже не знаю, чем вы занимались без меня.

— Зато ты в курсе, что случилось с Яковом и Бобом, — заметил Гурин.

— Не был в курсе, пока не услышал крики Арины. Но я боялся за них. Я говорил, что нельзя спускаться вниз.

— Ты видел мертвецов? — обратилась к нему Арина. — Скажи!

— Видел. Они там.

— Что я вам говорила?! — с торжеством воскликнула девушка. — Или, по-вашему, у нас обоих глюки?!

— Они живут в темноте, — сказал Ратников.

— И светятся! — добавила Арина.

— Этого я не видел, — ответил механик.

— Точно светятся!

— Ладно! — прервал девушку и Ратникова капитан. — Надо решить, что теперь делать. Идёмте в кают-компанию.

Пять человек — всё, что осталось от команды «Януса» — расположились с одной стороны стола.

— Надо валить с корабля! — сходу сказал Ратников. — Иначе нам всем крышка.

— Как мы с него свалим? — спросил Олег. — Шлюпок нет.

— Зато есть надувные плоты. Спасательные. Я проверил — они на месте.

— Долго ли мы на них продержимся? — с сомнением спросил Олег.

— Продержаться можно, — сказал Гурин. — Вполне. А потом нас, глядишь, подберут.

— Нам до сих пор не встретилось ни одно судно, — заметил Быковский.

— «Янус» их избегает, — вставил Ратников. — Если его бросить...

— Хватит! — перебил Гурин. — Шхуна не живая! Просто к днищу прицепилась какая-то тварь.

— Значит, это она избегает кораблей, — спокойно сказал Ратников.

— А эта тварь... она позволит нам уплыть на плотах? — спросил океанолог.
— Откуда ж нам знать? — отозвался капитан.
— Мы должны попробовать, — сказал механик. — Не ждать же, пока он и нас сожрёт.

— Кто?
— «Янус».

Гурин закатил глаза, но возражать не стал. Видимо, решил, что бесполезно.
— Дело не только в твари внизу, — сказала ему Арина. — Дима прав. С самим кораблём что-то не так.

— Ладно, думайте, что хотите, — Гурин подался вперёд, положив локти на стол. — Что мы решаем? Берём плоты и бросаем шхуну? Проголосуем? Кто «за»?

Все, кроме капитана, подняли руки. Гурин кивнул. Похоже, он этого ожидал.
— Тогда нам понадобятся пища и вода. Я думаю, придётся надуть один лишний плот и нагрузить его припасами. Личные вещи оставим на шхуне. Когда её, наконец, возьмут на буксир, тогда и заберём.

— Если возьмут, — добавил Быковский. — Мы не знаем, что стало с «Мантикойрой». Вероятно, тварь потопила её. И «Янус» может постигнуть та же участь.

— Всё равно, перегружать плоты нельзя. Не известно, сколько нам на них плавать в ожидании... помочи.

Олег понял, что Гурин хотел сказать «спасения».
— Не станем терять время и начнём сборы немедленно. Ходить по кораблю только по двое-трое. Связь держать при помощи радио.

— А они работают? — спросил океанолог.
— Сейчас проверим.

Оказалось, что портативные радио исправны. Гурин выдал одну Арине, Олегу и Быковскому, а вторую оставил себе и Ратникову. Такими маленькими командами и решили действовать.

Капитан и механик отправились на нос корабля, где располагался продовольственный склад, а остальные пошли собирать тёплые вещи, оружие и медпакеты.

— Встретимся ориентировочно через час в кают-компании, — сказал на прощание Гурин перед тем, как обе команды разошлись. — Постараемся к тому времени собрать всё необходимое.

ГЛАВА 6

Олег, Арина и Быковский складывали в пластиковые контейнеры образцы, собранные за время экспедиции — только самые ценные, разумеется. Океанолог со вздохом откладывал некоторые и каждый раз выражал вслух надежду, что они никуда не денутся с «Януса», и их доставят в порт вместе со шхуной спасатели, когда возьмут судно на буксир. Похоже, он уже забыл, как совсем недавно говорил о том, что корабль, скорее всего, будет потоплен неподалёку от тварью.

— Правда, не представляю, как они избавятся от присосавшегося к дну существа, — добавил он однажды. — А хорошо бы и его заиметь в качестве

трофея нашей экспедиции, а? Можно было бы его изучить. Это открыло бы новую страницу в зоологии и исследовании океанской фауны.

Олег и Арина ничего ему не ответили. При мысли, что чёрную тварь выволокут на берег (при помощи каких-нибудь специальных кранов, например), у водолаза появилось в области пищевода неприятное ощущение.

Когда начали упаковывать в прозрачные кейсы документы, рация затрещала.

— Приём! — сказал Олег, нажимая на кнопку. — Приём! Мы слушаем.

Треск — и ни слова в ответ.

— Приём! — повторил водолаз и потряс рацию.

— Наверное, случайно включилась, — предположил Быковский.

— Но почему они-то нас не слышат? Они должны были ответить.

— Мало ли. Оставили где-нибудь.

Олег помолчал, размышая.

— Надо пойти проверить, — сказал он спустя четверть минуты. — На всякий случай.

— Да брось, что могло случиться? — недовольно поморщился Быковский. — Нам ещё упаковывать целую кучу всего, а времени до сбора осталось... — он посмотрел на часы.

— Я схожу, — решил Олег.

— Я с тобой, — сказала Арина. — Мы ведь решили не разделяться.

— Хорошо, идёмте, — сдался океанолог, с тоской окидывая взглядом расположенные материалы, большей части которой предстояло остаться на борту шхуны. — Всё равно я не получаю никакого удовольствия от этого отбора. Прогуляемся.

Втроём они отправились на нос корабля, где располагался продовольственный склад. Рация по-прежнему не реагировала на попытки Олега связаться с Гурином и Ратниковым. Из динамика слышался только треск.

— Как тихо, — сказала вдруг Арина. Она шла за водолазом, замыкающим шагал Быковский. — Будто на судне уже никого нет.

— Ну, мы-то, во всяком случае, пока здесь, — проворчал океанолог.

Олег открыл дверь — она оказалась не заперта — и заглянул в большое вытянутое помещение, вдоль стен которого располагались стеллажи, несколько холодильников и морозильных камер. Свет горел, и было видно, что Гурин с Ратниковым начали упаковку продуктов: они были разложены на полу и полках — некоторые уже завёрнутые в бумагу или целлофан, другие лишь приготовленные и ожидающие своей очереди.

Механик лежал посреди разбросанных пакетов лицом вниз, с подвёрнутой рукой. Из-под него уже натекла лужа крови. Он напоминал большую хищную птицу, сбитую охотником.

— Что там? — громко спросил Быковский, пытаясь заглянуть через плечо водолаза.

Олег вспомнил про пистолет Гурина. Хотя капитан был вооружен, Ратникова он убил чем-то другим, потому что выстрела слышно не было.

— Посторонись, — сказал океанолог, и водолаз отступил в сторону, пропуская его на склад.

— О, чёрт! — вырвалось у Быковского, едва он шагнул за порог. — Это Дима!

— Меня больше интересует, где капитан, — негромко сказал Олег.

— Ты думаешь, это он сделал? — спросила Арина.

— А у тебя есть другие предположения?

— Ты знаешь, какие.

— Тело не пропало.

— И что?

Олег хотел ответить, но в этот момент из-за дальних стеллажей показался Гурин. В руке он держал пистолет.

— Зачем пришли?! — крикнул он, направляясь к Олегу, Быковскому и Арине. Голос у него дрожал.

— Что случилось, Семён Дмитриевич? — стараясь говорить как можно спокойнее, спросил Олег. — Он на вас напал?

— Кто-то здесь убивает всех! — отозвался капитан, продолжая приближаться. Пистолет он держал в опущенной руке. — Я не собираюсь ждать, пока он доберётся до меня!

— Кто именно? — спросил Быковский.

— Понятия не имею! — выкрикнул Гурин. — Любой из вас! Осталось не так уж много вариантов.

— За что вы убили Диму? — спросил Олег.

— Он решил избавиться от всех, — тихо подсказала Арина. — На всякий случай. Гурин её услышал.

— Да! — кивнул он. — Один из оставшихся — убийца. Но я точно знаю, что это не я. Значит, кто-то из вас! Ратникова уже нет, так что осталось трое подозреваемых, — он рассмеялся и вдруг вскинул руку с пистолетом.

Щёлк!

Осечка.

Гурин с недоумением уставился на оружие.

Щёлк, щёлк!

— Бесполезная штука! — прошипел он, отшвыривая пистолет в сторону. Другой рукой он достал из-за пояса нож. — В первый раз тоже не сработал. Я думал, патрон заклинило. Казалось, все исправил, но...

Олег не стал слушать дальше и кинулся вперёд. Их с капитаном разделяли метра три, потому что Гурин всё время продолжал идти. Арина закричала.

Водолаз пригнулся и ударил капитана головой в живот. Они опрокинулись оба. Гурин вцепился Олегу в ворот рубашки и занёс руку с ножом для удара. Лицо у него было перекошено от страха и ярости. Олег прижал его руку к полу и попытался обезоружить, но Гурин вывернулся и сбросил его с себя.

— Значит, это ты! — прохрипел он, махнув ножом по широкой дуге.

Лезвие распороло рубашку на груди водолаза и чиркнуло по коже. Олег ударил Гурина в лицо и тот врезался спиной в стеллаж. В этот момент на капитана налетела Арина и вцепилась в руку, державшую нож. Водолаз вскочил, но Гурин успел оторвать от себя девушку и швырнуть её на пол. Она покатилась к стеллажам.

Олег ударил капитана в живот. Гурин с хрипом сложился пополам, но ухитрился при этом полоснуть противника ножом по руке. Предплечье обожгло. Лишь

бы не пострадали связки!

Водолаз перехватил запястье капитана и резко вывернул его. Тот зарычал и попытался укусить Олега в шею. Изо рта у него пахнуло чем-то гнилым.

Олег увернулся и провёл бросок через спину — как его учили на курсах самообороны, которые он проходил, обучаясь на военного ныряльщика. Гурин перелетел через него и тяжело рухнул на пол. Что-то отчётливо хрустнуло. Тяжело дыша, Олег навалился на капитана, но тот подняться не пытался. Он вообще больше не двигался.

— Что с ним? — спросил подспевший Быковский.

— Не знаю, — ответил Олег.

Арина поднялась на ноги и поморщилась, прислушиваясь к болезненным ощущениям.

— Надо его перевернуть, — сказала она.

Олег и Быковский положили Гурина на спину. Глаза у капитана были широко распахнуты, и в них застыло удивлённое выражение.

— Похоже, шея сломана, — сказала Арина.

— Во всяком случае, он мёртв, — подвёл итог Быковский. — Проклятье! — он поднял взгляд на Олега.

— Я не специально, — сказал тот. — Вы сами всё видели.

— Надо отнести их в трюм, — сказала Арина.

— Кого? — не сообразил сразу Быковский.

— Ратникова и Гурина.

Олег поискал пистолет, но не нашёл. Похоже, тот улетел под стеллажи. Тогда он обыскал капитана и забрал ключ от арсенальной. Трупы спустили в тот же отсек, где до этого лежал Шуйский — перед тем, как пропал.

— А что, если он был прав? — сказал вдруг Быковский, глядя на тело Гурина. — Может, один из... нас — убийца?

— Вы хотели сказать «из вас»? — спросила Арина. — Себя вы, конечно, из числа подозреваемых исключили.

Океанолог развёл руками.

— Ну, я-то знаю, что не убивал.

— Это каждый сказать может.

— У меня появилась другая идея, — проговорил Олег. — Допустим, убийца существует, и корабль ни при чём. Ну, или почти ни при чём, — добавил он, заметив, как изменилось лицо Арины. — Этот человек прячется на корабле — только не спрашивайте, где — и убивает, а тела сбрасывает в воду. А мы считаем его всё это время погибшим. Вернее, пропавшим.

— А это возможно, — протянул Быковский. — Немного напоминает сюжет романа Агаты Кристи, но...

— Олег, ты ошибаешься! — перебила океанолога Арина. — Всё дело в корабле. Это он свёл с ума Гурина.

— Не будем спорить, — сказал Быковский. — Каждый может оказаться прав. Сейчас главное убраться со шхуны. Давайте поспешим, пока... — он не дого-ворил, замявшись.

— Пока ещё кто-нибудь из нас троих не решил избавиться от остальных, — закончила вместо него Арина.

— Что за...?! — не удержалась Арина, обводя взглядом совершенно пустой склад. — Куда всё делось?

Олег прошёлся между стеллажей.

— Ни продуктов, ни крови, — сказал он.

— Впиталась? — спросил Быковский. — Как тогда, в машинном отделении?

— Понятия не имею. Но здесь совершенно чисто. И пусто.

— Прячущийся убийца мог вынести отсюда всю провизию за то время, что мы отсутствовали? — не скрывая сарказма, поинтересовалась Арина.

— Нет, — вынужден был признать Олег. — Но как это, по-твоему, сделал корабль?

— Так же, как он забрал людей. Они... существуют в нём. Выходят из него и уходят в него.

— В корабль? — уточнил океанолог.

— Да, — убеждённо кивнула девушка. — И это уже не корабль! Разве вы не понимаете?

— Лично я... — начал было Быковский, но в это время на склад вошли Гурин и Ратников.

При виде их океанолог замер с открытым ртом. Его бородка мелко затряслась.

— И-и-и! — тоненько завыл он, вылупив глаза.

Арина поспешила отступила подальше, а Олег просто оцепенел: два мертвеца, которых они оставили несколько минут назад в трюме, обложенными сухим льдом, стояли перед ними и выглядели вполне живыми. Правда, их лица ничего не выражали. Просто маски...

— Как Шуйский! — донеслось до Олега. Это сказала Арина. — Он был такой же! Это призраки! — закричала девушка, хватая водолаза за рукав.

Гурин и Ратников направились к ним. Что-то было неестественное в их движении. Опустив глаза, Олег увидел, что капитан и механик не касаются подошвами пола. Они скользили по нему — совсем как игроки в настольном хоккее.

В голове мелькнуло: «Надо бежать!», но Гурин и Ратников заслоняли собой выход, и проскочить мимо них было невозможно.

Быковский отступил и потерял равновесие. Он начал падать, и механик с капитаном бросились к нему. Со стороны могло показаться, будто они хотят его поддержать, но на самом деле мертвецы обхватили океанолога поперёк туловища руками, и из их тел выскоцили тысячи тонких чёрных нитей. Они мгновенно оплели свою жертву и жадно завибрировали.

Быковский издал пронзительный крик, раздался хруст сминаемых костей, и во все стороны брызнула кровь — из профессора её выдавили, как сок из лимона!

— Бежим! — Олег схватил Арину за руку и потащил за собой.

Они побежали мимо Ратникова и Гурина и выскочили на палубу.

— Это призраки! — крикнула на ходу девушка.

— Возьмём оружие! — не сбавляя хода, отозвался Олег.

К счастью, он забрал у капитана ключ — ещё когда тот лежал на полу склада со сломанной шеей.

Водолаз и девушка побежали до арсенальной за полминуты. Олег вставил

ключ, повернул и рывком распахнул дверь. Винтовки стояли в ряд, внизу на полке лежали пистолеты и коробки с патронами.

— Умеешь пользоваться? — спросил Олег, вытаскивая одну из винтовок и принимаясь её заряжать. Это была М-16, купленная для членов экспедиции спонсорами. Уже не новая, но вполне надёжная, с остатками стёршейся камуфляжной раскраски.

— Нет, — сказала Арина. Её колотила мелка дрожь. — Никогда не стреляла. Они его убили...

— Да. Мы ничего не могли сделать, — Олег сунул девушке в руки заряженное оружие. — Целишься и жмёшь вот сюда, на курок. Поняла?

Арина машинально взяла винтовку, даже не взглянув на неё.

— Нам их не убить, — сказала она.

— Посмотрим! — водолаз зарядил вторую винтовку.

— Они уже здесь! — Арина протянула руку, показывая за спину Олега.

Он обернулся: к арсенальной приближались Ратников, Гурин, Уваров и Сэм. Они скользили по палубе, их лица были ничего не выражавшими масками. Опущенные руки безвольно висели вдоль тел. Чёрных отростков пока видно не было.

Олег и Арина выскочили из арсенальной, и водолаз, вскинув оружие, нажал на спусковой крючок.

Осечка! Невозможно: все винтовки были тщательно проверены перед отплытием и прекрасно работали.

Выругавшись, Олег повторил попытку несколько раз, потом отшвырнул винтовку и выхватил ту, что держала Арина. Её оружие тоже не действовало. От отчаяния хотелось закричать во весь голос! По какой-то причине весь арсенал постигла та же участь, что и пистолет Гурина.

Олег повернулся к девушке и увидел, как справа от неё прямо из стены выходит Павлов. Его по-актёрски живое и красивое лицо теперь было неподвижно — стеклянные глаза на фоне бледной кожи.

Второй помощник капитана оторвался от обшивки с тихим щелчком — так лопается гитарная струна — и схватил Арину за плечи. Тотчас из него выскользнули чёрные нити и начали стремительно оплетать девушку, превращая её и Павлова в единый кокон! Она закричала и попыталась вырваться, но бесполезно — отростки сжались, и в лицо Олегу ударили тугие струи крови! На мгновение он ослеп — глаза залило полностью.

Когда кто-то коснулся его руки, он дёрнулся и попытался бежать наугад, но врезался в стену. Что-то обвило его ноги на уровне колен, а затем поперёк туловища, обхватило руки, притягивая их к торсу. Олег закричал, чувствуя, как чёрные нити проникают в него, прорастают в тело.

Боль была дикая, но вместе с ней пришло знание: он, как и другие члены команды, становился частью симбиотического организма! Это существо, бороздящее океан, могло принимать любые формы. Оно поглощало корабли вместе с командами, выставляя на поверхность лишь копии поглощённых судов — в качестве приманки. Так глубоководные рыбы, живущие в полной темноте, зажигают «фонари» на конце отростков, чтобы привлечь более мелких

обитателей и сократить их.

Ничто на «Янусе» не было настоящим — всё было только подделкой. Да и сама шхуна являлась только частью тела морской твари, выставленной над волнами подобно верхушке айсберга или плавнику акулы. Но служило это отнюдь не предупреждением...

Олег почувствовал, как его сжимает кокон из тонких нитей. Кости затрещали и сломались, органы сжались, кожа лопнула, и кровь выплеснулась наружу, покинув искорёженную плоть.

«Янус» продолжал своё плавание. Шхуна быстро двигалась, рассекая волны и оставляя за собой едва заметный пенный след. Вокруг корабля «растекалось» чёрное пятно с неровными, будто колышущимися краями. При взгляде с самолёта могло показаться, будто судно плывёт в центре огромной нефтяной лужи и тащит её за собой.

Теперь «Янус» изменил направление. Он возвращался к тому месту, где встретился несколько дней назад с «Мантикорой».

Его живые, пульсирующие внутренности содрогались, обрабатывая и усваивая информацию, дополняя те сведения об окружающем мире, которыми уже обладало существо. Электронные импульсы отправлялись по нервным каналам вниз, на глубину, где располагался его мозг, окружённый вихрем чёрных переплетающихся волокон.

Тварь тщательно готовилась к новому захвату: на этот раз нужно постараться избежать прошлых ошибок, которые всё время возникали при постройке копий. Смешение эпох и появление чужих предметов были самыми частыми. Добиться естественной имитации работы двигателей тоже было нелегко — существо любило порядок во всём, а механические части настоящих кораблей часто давали сбои, и люди через некоторое время начинали чувствовать подмену. Впрочем, это не так уж и важно... Главное, что в конце концов их всегда охватывал страх, защитные барьеры рушились, и они становились частью единого организма — и душой, и телом!

Погода начала портиться ещё с вечера: небо потемнело, откуда-то набегали тучи, и волны приобрели холодный свинцовый оттенок. Поднялся пронизывающий, слишком холодный для этих широт ветер. Потом неожиданно он превратился в настоящий ураган и, вопреки прогнозу, разразилась гроза. Спасательное судно «Буллхэд», посланное береговой охраной на поиски «Мантикоры», и его команда боролись со штормом до пяти часов утра, когда небо прояснилось так же стремительно, как потемнело накануне. Люди с облегчением отправились отдыхать, оставив лишь вахтенных следить за горизонтом.

Когда второй помощник капитана заметил вдалеке дрейфующую шхуну, было около десяти часов. Он попытался связаться с кораблём, но безуспешно. Пришлось послать одного из дежуривших матросов за капитаном.

— Это «Мантикора»? — спросил тот, входя на мостик. Вид у него был сонный,

он на ходу застёгивал пуговицы кителя. — Что-то маловата.

— Так точно, сэр, — согласился помощник, — маловата. Это, скорее, шхуна.

— По-прежнему не отвечает?

— Никак нет.

Капитан пригладил волосы и надел фуражку.

— Название рассмотрели?

— Никак нет. Слишком далеко.

— Подойдём поближе.

Следующие десять минут моряки провели в молчании. Наконец, капитан поднял к глазам бинокль, под крутил колёски.

— Это «Янус», — сказал он. — Судно, обнаружившее «Мантикору».

— Что они тут делают? — удивился второй помощник. — Им дали разрешение продолжать плавание. Неужели решили дождаться нас?

— Я не вижу сигнальных флагов, — сказал капитан, опустив бинокль. — Такое впечатление, что на борту никого нет.

— Не может быть.

Капитан потёр переносицу. Глаза слегка резало от недосыпа.

— Готовьте группу для высадки на борт, — распорядился он. — Надо выяснить, что случилось.

КОНЕЦ

ЮЛИЯ САЙМОНАЗАРИ

От автора: «У меня есть знакомый, который боится скопления кластерных отверстий. Это такие множественные дырочки, как на сыре. От него я узнала, что есть такой страх — триофобия, правда, насколько мне известно, официально ее не признают. В общем, эта фобия вдохновила меня написать рассказ».

УЛОВ

Много историй об утопленниках слышал Михаил Фомин от бывальных рыбаков небольшого приволжского города, но сам никогда их не видел, хотя рыбачил чаще и больше других, и на старенькой резиновой лодке изучил все водоемы в области. Рассказы приятелей о мертвецах всегда заканчивались одинаково — одни сообщали куда следует и дожидались наряда полиции, другие проплывали мимо, не желая ввязываться не в свое дело. К жутковатым приключениям товарищей с трупами Фомин относился с недоверием, но всегда спрашивал себя: как бы он поступил, если бы, не приведи Господь, выловил мертвого? И судьба предоставила шанс узнать — как...

Михаил смотрел на голое тело у правого борта лодки в размышлении — вытащить на берег или оставить в покое: «...пусть плывет, куда хочет».

Густой смрад разлагающейся плоти накрыл небольшое озеро, удаленное от поселений, и поглотил все запахи природы. Разбухшая женщина плавно качалась на волнах, ее длинные рыжие волосы, подобно чернильной капле, клубились в воде. Речная живность до костей выжрала правую грудь и прогрызла левую щеку, в огромной дыре виднелись два ряда коренных зубов. Серо-зеленую кожу покрывали глубокие ямки, оставшиеся от челюстей рыб и клешней раков, неровные края укусов расплзлись и обнажили червивое нутро утопленницы.

От вида обезображенного трупа и едкой приторной вони Михаила затошило. Он перекинулся на левый борт лодки. Брюшные мышцы сократились и вытолкнули завтрак наружу.

«Каково ее родственникам? Мучаются, поди, не зная, как жить дальше: ждать и надеяться или смириться и отпустить,» — рассуждал про себя Фомин, осторожно подталкивая незнакомку к берегу. Он боялся случайно отломать руку или ногу, боялся, что вздутый живот лопнет и вскроет набитые опарышами потроха. Ему казалось, она уже дошла до той стадии разложения, когда хрупкому гнилому телу ничего не стоит от малейшего прикосновения распуститься, как созревшему бутону, и развалиться на куски.

Вытолкав труп на берег, Фомин достал из внутреннего кармана куртки телефон и набрал 112. Он впервые пользовался номером службы спасения и был удивлен и раздражен, что уже больше минуты никто не принимает вызов.

В ожидании ответа Михаил мельком взглянул на утопленницу и осталбенел, наблюдая, как рушатся законы мироздания. Еще несколько секунд назад женщина лежала на спине лицом к озеру, а теперь ее голова была повернута к берегу, глаза открыты. Тусклые зрачки, обрамленные блеклыми радужками, истерично бегали по серым белкам, пока не уперлись в оцепеневшую сутулую

фигуру рыбака в восьми шагах от берега.

Фомин смотрел на раздутое тело и убеждал себя, что это галлюцинация, что вонь разложения задурманила мозг, и только поэтому рыжеволосая ожила, на самом деле ничего этого нет. И хотя Михаил знал, что испарения трупного яда не опасны для человека и токсины в нем не вызывают видений, поверить в отравление было проще, чем в живой труп.

Обездвиженный то ли страхом, то ли неведомой силой Фомин не мог сойти с места, будто ноги вросли в землю, а сам он окостенел.

Утопленница медленно поднялась. Пошатываясь, словно волны все еще раскачивали ее тело, она неуверенно шагнула в сторону Михаила, ненадолго замерла, а затем тяжелой поступью зашаркала к рыбаку. Разбухшие ступни почти не отрывались от земли, оставляя мокрый непрерывающийся след. Длинные волосы, налипшие на лицо, шею и плечи походили на шлепки грязи. Из бесчисленных рваных дыр на коже вываливались желтовато-белые жирные личинки.

Женщина подошла к рыбаку, схватила одной рукой за горло, другой за правое запястье. От резкого рывка Михаил выронил телефон, и монотонные гудки дозвона прервал камень, торчащий из земли.

Фомин вцепился в предплечье утопленницы, пытаясь освободить шею от сдавливающей пятерни. Крепкие мужские пальцы промяли рыхлую кожу и погрузились вглубь раскиселевшихся мышц и сухожилий, кишащих ползучими трупоедами. Мерзкие твари копошились под ладонью, от их возни по всему телу разбегались мурашки. Мертвая зашевелила губами, изо рта ручьем потекла тухлая зеленоватая вода.

Михаил пытался сорвать цепкую клешню утопленницы с шеи, но ладонь постоянно соскальзывала с расквасившейся плоти, тогда он ударил кулаком один раз, второй, третий... надеясь переломить кости и отделить гнилую конечность у локтевого сустава. С каждым вдохом в легкие опускалось все меньше воздуха. Некогда бледное от страха лицо окрасилось в пунцовый. Очень скоро рыбак понял — ему не вырваться. Разлагающийся труп обладал нечеловеческой силой и прочностью. К тому же Фомин был сильно стеснен в движениях. Он не мог поднять ногу, приросшую к земле, чтобы пнуть гадину в раздутое брюхо; не мог освободить правую руку, чтобы дать отпор в полную мощь. Михаил трепыхался, точно полудохлая добыча в зубастой пасти свирепого хищника. На висках вздулись кривые линии сосудов, он хрипел и с ужасом наблюдал, как серо-зеленое лицо с дырявой щекой и водянистыми глазами теряет четкость, растворяется и меркнет в наступающей темноте...

Сознание вернулось вместе с болью, будто кожу и гортань сдавливали холодные кольца стальной удавки, обвитой в несколько раз вокруг шеи. Вслед за болью пришли воспоминания о последних секундах. Точно ужаленный, Фомин вскочил на ноги и заметался, осматривая побережье. Утопленницы нигде не было.

От резких и быстрых перемещений голова закружилась. Михаил обхватил лоб; запах гнили ударил в нос. Он отдернул руки и увидел синие следы вокруг правого запястья и размазанные ошметки серой кожи на левой ладони.

Вспыхах Фомин побросал вещи в машину, привязал лодку к багажнику на крыше и рванул в город.

В продуктовом рядом с домом, в отделе алкоголя, Михаил взял бутылку

водки, свинтил крышку и сделал три больших глотка.

— Распечатывать товары и пить в магазине нельзя! — услышал он замечание сотрудницы супермаркета, которая выкладывала пачки риса на полку.

— Как скажете, — Фомин закрыл бутылку и пошел к выходу, провожаемый пристальными взглядами покупателей. Выложив на кассе триста двадцать рублей и получив чек в руки, он снова открутил крышку, прилично отпил и занюхал рукавом грязной рыбацкой куртки.

— У нас в магазине не пьют! Сейчас охрану позову! Совсем алкаши обнаглели! — ругалась кассирша.

— Все, все, ухожу.

Михаил вышел на улицу, выбросил чек и крышку от бутылки в урну у входа в магазин и пошел к дому, опустошая содержимое пол-литровой тары. Он хотел поскорее забыть ужас, пережитый на озере, и спасение видел в алкоголе.

Когда Фомин подошел к двери своей холостяцкой квартиры, мир в глазах мужчины уже потерял твердость, смазался, зашатался.

В прихожей, не выпуская из рук бутылку, Михаил сбросил рыболовный рюкзак, скинул сапоги и куртку, прошаркал в зал и плюхнулся на диван.

Залив в себя остатки водки, Фомин удовлетворенно закрыл глаза.

В дверь постучали.

«Почему не звонят?» — медленно соображал заторможенный мозг Михаила.

— Идуууу, — провыл он себе под нос, чуть привстал, зашатался и повалился назад. После нескольких неудачных попыток подняться Фомин решил больше не утруждать себя.

— Проваливай, — махнул мужчина рукой.

Но настойчивый посетитель не спешил уходить. Тук, тук, тук, тук, тук, тук, тук...

— По голове себе постучи, придурок, — промямлил пьяный Фомин, но все-таки встал, чтобы спровадить наглеца. Он с трудом стоял на ногах, блуждающий взгляд шарил по комнате, пока не зацепил за окном темную фигуру. Теперь он понял, откуда доносился раздражающий звук. Стучали в балконную дверь.

— Пошла прочь, сука! Чего приперлась? — язык Михаила заплетался с трудом выговаривая слова. — Убирайся!

Рыжеволосая женщина с дырявой щекой смотрела безжизненными пустыми глазами на пьяного мужчину и стучала разбухшим кулаком: тук, тук, тук, тук, тук, тук, тук, тук, тук, тук...

— Щас я тебе... — Фомин схватил с дивана пустую бутылку и запустил в утробинницу. — Получи, тварь!

Снаряд врезался в окно. Вслед за сухим колющим треском осколки стекла, переливаясь и звеня, посыпались на пол и запрыгали по ламинату. Шатаясь, Михаил двинулся к балкону с намерением сбросить мертвую с двенадцатого этажа, но рыжеволосой там уже не было.

Обессиленный Михаил вернулся в комнату, упал на диван и отключился.

После бутылки водки утром Фомина начиналось правильно: ноющая боль в висках, прилипший к небу язык, сильная жажда и отвратительный запах изо рта. Он с трудом поднялся с дивана и с полуоткрытыми глазами, сшибая мебель и ударяясь о дверные косяки, пошел в ванную.

Михаил повернул кран, склонился над струей и стал вырывать из холодного потока

по глотку. Затем он набрал в руки воды и... Что-то неправильное почудилось ему в левой ладони. Плеснув несколько раз на отекшее, будто набитое ватой лицо, он посмотрел на кисть, испещренную десятками черных ямок с неровными краями размером с горошину. Они расползлись по всей ладони и забрались на каждый палец.

— Какого черта?! — он задрал рукава водолазки. Вокруг правого запястья скопились точно такие же неглубокие темные впадинки.

Фомин стянул кофту вместе с майкой, осмотрел грудь, живот и плечи. Все чисто. Он подошел к зеркалу.

— Господи! Нет! — страх наконец-то пробился сквозь похмельную вялость и безразличие Михаила, и сердце зашлось от нарастающего ужаса. Всю шею покрывали круглые ямки.

Брезгливо сморшившись, он провел пальцем по коже, пораженной странным недугом, и тихо застонал, когда понял, откуда взялись углубления. Они появились ровно в тех местах, где его тело соприкоснулось с трупом рыжеволосой.

«К врачу! Нужно срочно к врачу!» — как исцеляющую мантру повторял про себя Михаил, быстро переодеваясь в джинсы и толстовку с капюшоном. Намотал на шею шарф, чтобы никто не увидел его уродство, и поспешил в поликлинику.

— Что у вас? — спросила дежурный врач с восковым лицом, в приемном кабинете.

Фомин закатал рукава и показал темные впадинки. Глаза женщины округлились, рот скривился, брови нахмурились, даже профессиональная этика не помогла ей сдержать отвращения.

— Даже не знаю, как это назвать, — сказал он, стараясь не дышать перегаром в сторону терапевта. — Еще на шее... Показать?

— Не надо, — резко остановила она. — Вы пили?

— Да, — смущаясь Михаил.

— Ну вот... какой-нибудь суррогат вам подсунули, — на ходу придумывала женщина диагноз — лишь бы поскорее избавиться от неприятного пациента.

— Вы уже раньше видели такое?

— Много всего видела, — буркнула она, выписывая рецепт. — Попьете три дня таблетки от аллергии, помажете сыпь, или что у вас там, мазью и пройдет.

— Может, анализы сдать? — робко поинтересовался Фомин.

— Зачем?

— Чтобы убедиться...

— Я вам говорю — аллергия, — перебила женщина. — Будете следовать рецепту, и все пройдет.

— А если нет?

— Тогда пойдете к своему участковому, — она протянула ему клочок бумаги с названием лекарств.

— Скажите, а этим можно заразиться от трупа?

— Что? — брови врача приподнялись.

— Вчера собаку хоронил, думаю, вдруг подцепил чего, — затараторил он, будто оправдывался.

— Глупости не болтайте! Все, идите, не задерживайте очередь. До свидания.

— До свидания, — сказал Михаил и вышел из кабинета.

Фомин открыл первую бутылку пива, закинул таблетку, выписанную врачом, и залпом опустошил пол-литра. После обильно смазал руки и шею белой

мазью, наполнив каждую ямку до краев, и обмотал бинтами. Лечение перевязки не требовало, но он не мог без отвращения смотреть на свою кожу.

Михаил принялся за уборку и починку балконной двери, на обратном пути из больницы на строительном рынке он купил новое стекло.

— Хорошо хоть балкон застеклен, а то бы еще покалечил кого, — он собирал осколки в ведро, между делом смаковал вторую бутылку пива и старался не вспоминать о причине погрома. Фомин смирился с тем, что произошло на озере, и даже готов был поверить, что утопленница действительно могла напасть и заразить неизвестной болезнью: в конце концов, может зомби не такая уж выдумка. Но появление разлагающегося трупа на застекленном балконе на двенадцатом этаже сознание Михаила отрицало, и потому даже несколько рыжих волос на полу остались им незамеченными.

На следующий день Фомин проснулся под вечер со странным ощущением внутренней пустоты, будто из него вырезали несколько килограммов плоти, и он стал наполовину полый.

— Нет, нет, нет! — Михаил смотрел на бинты и беспредельный ужас разрывал на куски его сознание. Он вскочил с кровати и побежал к большому зеркалу в коридоре, на ходу скидывая майку и трусы.

— Нет! Только не это! Умоляю! Нет! — крутился Фомин перед своим отражением и сам не знал, кого просил о помощи. Пока он спал, неглубокие ямки-горошинки выбрались далеко за пределы бинтов, размножились, расположились по лицу, рукам, туловищу, ногам и превратились в темные тоннели. Кожа походила на пористую вулканическую пемзу, только эластичную и мягкую. Он содрогался от страха и отвращения к самому себе. Глаза застилали слезы, крупные капли сривались с ресниц и утекали в черные дыры на щеках, но соленого вкуса мужчина не чувствовал. Михаил провел языком по внутренней стороне щек, затем открыл рот, высматривая через зеркало сквозные отверстия, и, к своему удивлению, не нашел ни одного жуткого тоннеля.

Фомин побежал в ванную, взял ватную палочку и дрожащей рукой медленно ввел ее в одну из червоточин на щеке. Она погружалась все глубже и глубже, однако по законам этого мира не появилась во рту, будто дыра вела не в тело, а в другое измерение, и при этом Михаил ничего не чувствовал: ни боли, ни дискомфорта, ни прикосновения постороннего предмета. Он толкал палочку до тех пор, пока в пальцах не остался лишь ватный кончик; затем вытащил, и увидел, что вся она покрыта слизью, и за ней из черного провала тянется тонкая ниточка мерзкого вещества.

На этом Фомин не остановил эксперименты — желание разгадать природу червоточин отодвинуло страх, отняло яркость ужаса. Михаил понимал: медицина не поможет, он должен сам что-то предпринять, чтобы дыры в нем заросли, а для этого нужно было выяснить, как далеко уходят тоннели и куда ведут.

— Может, та баба не умерла, а заразилась чем? — говорил он сам с собой, пока искал в шкафу покойной матери спицы для вязания. Родительница умерла полтора года назад, но Фомин до сих пор не избавился от одежды и вещей, все время находил причину отложить на потом. — Но воняло от нее, как от трупа! С другой стороны, многие болезни воняют. А как же опарыши?! Ее жрали опарыши! А если это не опарыши, а паразиты какие-нибудь? Нет, эта сука совершенно точно была мертва! Она не дышала! Нашел! — он выхватил спицу

из недовязанного шерстяного носка и побежал к большому зеркалу в коридоре.

Михаил глубоко вдохнул, стараясь успокоиться, и загнал спицу в отверстие на шее под левым ухом. Тонкий стержень полностью скрылся в темном провале, но не вышел с другой стороны — пропал где-то внутри. Фомин вытянул перепачканную в слизи спицу, бросил ее на тумбочку и полез на антресоли. Он выгреб весь хлам, что скопился на полках под потолком, но отыскал бачонку с металлическими шариками для пневматического пистолета. Михаил отвинтил крышку, высыпал несколько пулек на ладонь, и они с легкостью нырнули в склизкие дыры и улетели в черные тоннели. Фомин перевернулся на спину, потряс кистью, но миниатюрные снаряды не выпали обратно.

Мужчина бросился в зал к письменному столу, включил настольную лампу, поднес руку к плафону и заглянул в бездонные колодцы, в которых исчезли пули. И как он ни старался под разными углами рассмотреть, что скрывают черные влажные стены, свет проникал вглубь лишь на полсантиметра, дальше сырья тьма не пускала. Тогда Фомин поднес ладонь к дырявому носу и изо всех сил втянул в себя пустоту тоннелей. Смрад разложения, поднявшийся из темных дыр, врезался в мозг Михаила, отнял реальность и вернул на берег озера. Ужас охватил рыбака, он хрюпал и задыхался, чувствуя, как сильные пальцы утопленницы сдавливают горло. Махал руками, пытаясь освободиться от невидимой разлагающейся пятерни. Сознание тонуло в наступающей боли и панике. Фомин отключился и рухнул на пол.

Ближе к полуночи Михаил открыл глаза. Из забытья его вывел повторяющийся равномерный звук: тук, тук, тук, тук, тук...

Обнаженный мужчина, пребывая между сном и реальность, поднялся с пола, подошел к балкону и открыл дверь. Рыжеволосая утопленница вошла в дом и вплотную приблизилась к Фомину. Губы на страшном лице зашевелились, и тухлая вода полилась изо рта, стекая по шее, по обвисшей левой груди, по вздутому животу, по ногам, собираясь в лужу на полу. В булькающих, журчащих звуках Михаил отчетливо услышал:

— Не сопротивляйся.

Она присосалась к его губам. Зеленая воинчая вода лилась в рот Михаила, он чуть не захлебнулся, но не оттолкнул рыжеволосую.

После долгого поцелуя мертвава вышла на балкон, залезла на перила и спрыгнула.

Фомин вернулся в комнату, оставив дверь открытой, лег на диван, расставленный с прошлого вечера, и уснул.

— Пить. Пить. Пить! — стонал Михаил на закате следующего дня, мучаясь от жажды в хлюпающей постели. Подушка, одеяло, простыня и диван промокли насекомые и воняли мертвечиной. Спросонья он потер глаза и вяло вздрогнул, когда увидел, во что превратилось его тело.

— Боже! Что со мной?! — вопил Фомин в ужасе, но вместо крика слышался едва различимый шепот.

Из черных тоннелей медленно вытекала тухлая слизь, покрывая его с ног до головы толстым водянистым слоем. Кожа сморщилась, как завядший огурец, оставленный на солнцепеке. Михаил походил на чудовище из канализационных труб. Он попытался встать с постели, но ослабленное тело шмякнулось на пол. Фомин кричал и плакал, но вместо дикого отчаяния слышался лишь жалобный писк.

Нестерпимая жажда заставила Михаила ползти к воде. Малейшее движение стоило невероятных усилий. Медленно, как улитка, он тащился по полу, чвакая зловонной жижей и оставляя за собой мокрый след. Спустя тридцать минут он открыл кран и жадно всасывал воду, но с каждым глотком жажда росла, вынуждала пить больше и больше. Михаил забрался в ванну, лег головой под кран и хлебал прозрачную холодную струю. Фомин кашлял и захлебывался, легкие наполнялись жидкостью, но он продолжал пить, сухость ворту лишила его рассудка.

Немного комковатая, как растаявшее желе, слизь сочилась из червоточин Михаила и затапливалась ванну. И чем больше мужчина поглощал воды, тем больше мерзкого вещества выходило из бездонных отверстий.

Когда сморщеный труп Фомина лежал на дне с открытым ртом и вытаращенными глазами, точно заливная рыба под дрожащем студнем, дверь отворилась. Утопленница вошла, выключила воду, залезла в ванну и погрузилась с головой.

Дыры в теле, наполненные опарышами, заросли, кожа стала ровной и гладкой. На месте оголенных ребер появились мышцы, молочные железы и круглые светло-розовые соски. Огромная дыра на лице затянулась и два ряда зубов закрыла пухлая щечка. Почти прозрачные радужки глаз налились цветом морской волны. Длинные волосы заблестели огненно-рыжим. Серо-зеленая мертвая плоть побелела, кожа засияла, как перламутровая жемчужина. Разбухшее тело утопленницы преобразилось и стало стройным, молодым, упругим.

Обновив свою оболочку, женщина вылезла из ванны, обсушилась, надела старомодное платье и туфли покойной матери Михаила и ушла через входную дверь.

ЕВГЕНИЙ ШИКОВ, АНДРЕЙ РАХМЕТОВ, ПАВЕЛ ГРУДЦОВ

От авторов: «Рассказ создавался на конкурс „Коллекция Фантазий-20“ с темой „Быть Нилом Гейманом“ и на фоне многочисленных „Каролин“ смотрелся колоритно и даже вышел в финал. Но не победил».

Удочка была хорошей, телескопической. Самохин купил ее через интернет. Выгодное предложение. И набор розовых желатиновых червячков в подарок. Червячков Самохин выбросил за ненадобностью, а удочкой стал любоваться.

Окончив любоваться, Самохин сматывал удочку и сложил ее, как телескоп, вдвинув стальные цилиндры один в другой — складывались они с упоительным щелчком. Крючки хищно отблескивали. От них пахло металлом.

«Отпуск», — подумал Самохин.

В городе особо не порыбачишь. Город пыльный, ржавый и величаво-тесный — будто кандалы, сомкнутые на запястьях Волги. Живой рыбы здесь с огнем не сыщешь — разве лишь в садках, где рыба перезрелая и бесплодная, с мутными розовыми глазками и тусклой чешуей; вся остальная рыба — завозная, из окрестных деревень и рыбхозов, безнадежно мертвая, хоть и свежая — этого не отнять. Свежеубитая, с клеймом «Каспрыбы».

Самохину же хотелось рыбалки.

Он помнил детство в деревне. Розовые рассветы, небо белое и синее, и солнце хищными щупальцами захватывает все новые и новые облака. Они с кузнами сидят на реке и забрасывают удочки в быстротекущие воды. Река лишь называется рекой, на самом деле это канал, но вот рыба в нем самая настоящая. Даже сом на глубине таится, усами шевелит. Речное чудовище, злое божество.

Самохин открыл глаза.

Сейчас он не на рыбалке и не в детстве, а в собственном дачном домике за городом — двадцать лет спустя.

Отпуск.

Вечерело, свежий ветер теребил занавески. Самохин встал и поставил чайник. Хотелось кофе. Он заглянул в бадью и обнаружил, что вода кончается.

Надо набрать еще из бассейна.

Бассейн. Смешное название. Колодцы здесь называются бассейнами. Порой Самохин путал их с настоящими бассейнами — где отечные мужики в резиновых шапочках плещутся кролем под руководством инструктора.

Самохин вышел на улицу и поежился. Ветер был сильным, за алеющим горизонтом медленно набухала кроваво-сизая гроза, полуоткрытая стеной домов. Он взял два ведра и направился к бассейну.

Затянутый тиной и илом пригород, частный сектор. Сюда еще не добрались нержавеющие лапы Водоканала, поэтому водой их снабжал водовоз, советского постройки машина со склоненным лбом кабинки и облупленным синим баком. Недавно как раз был завоз, воды предостаточно. Самохин откинул тяжелую, пропитанную сыростью крышку бассейна и заглянул внутрь.

Вместо своего отражения в квадратной рамке он увидел в воде какое-то

бурление. Внутри барабанились тени.

Ему это не понравилось.

«Лягушек, что ли, завез?» — подумал Самохин и поежился. Не очень-то хотелось пить воду с лягушачьей икрой. Да и вообще.

— Спасите... Тону! — донеслось снизу.

Самохин, дёрнувшись всем телом, отшатнулся назад. Одно ведро покатилось по земле, другое он прижал к груди, с подозрением и даже с неприязнью смотря на сбитый, влажный край колодца. Потом, опомнившись, бросился вперёд и вновь склонился над тёмным, волнующимся зеркалом, в котором плавали редкие, тонкие травинки да несколько мелких щепок. Сердце Самохина забилось чаще, сильнее, и в то же время как-то спокойнее.

«Ребёнок упал, — подумал Самохин. Однако не покидало ощущение, что его разыгрывают, что кто-то шутит над ним, и сейчас, вынырнув, испугает. — А может быть, и закинул кто ребёнка. Специально».

Самохин вновь увидел серое, неспешное шевеление в глубине бассейна, будто кто-то на секунду поднялся к поверхности и тут же канул вниз. Он стал торопливо расстёгивать рукава, но, расстегнув всего одну пуговицу, выругался и, забыв про рубашку, перевесился через бортик врезавшийся в живот цементный край и вытянул руку туда, где вновь мелькнуло что-то живое. Рука почти по локоть опустилась в воду, прошла влево-вправо, зацепила что-то твёрдое, в чём через одну ужасную секунду Самохин с облегчением распознал крупную щепку, а затем под ладонью вдруг пробежало что-то большое, прохладное и мягко-скользкое, будто крупная рыбина. Самохин в ужасе и отвращении выдернул руку из воды, неосознанным жестом провёл ею по рубашке на своей груди и поморщился — рука была вся в слизи.

«Неужто труп? — подумал он, глядя вниз. Там опять не было видно ничего. — Уже разложился и...»

Он помотал головой, вновь вытирая пальцы о рубашку. Затем нерешительно взялся за пуговицы. Мысль о том, что ему придётся опуститься в эту воду, где плавает, возможно, распухшее, склизкое тело, заставила его поёжиться. Мокрый рукав неприятно тяжелел и холодил руку, мелкие струйки затекали на живот.

Самохин решительными, уверенными движениями достал из кармана телефон.

«Позвоню в милицию, — решил он, чувствуя облегчение от того, что больше ему не надо представлять, как он опускается в бассейн. — Может, подшучивают, а может, и труп. Пусть приезжают и смотрят. А я не буду. Я и не должен».

Внизу мягко, осторожно плеснуло.

— Ну, ты чего? — услышал Самохин тот же голос. — Купаться полезешь, или нет?

На тёмной воде, окружённое густой паутиной чёрных, с зелёным отливом волос, светлело женское лицо. Молодое, совсем бледное и неприятное. Если бы не сияющие влажной зеленью огромные смеющиеся глаза, он бы назвал это лицо некрасивым, но с ними оно обретало спокойную, уверенную красоту, которой могут похвастаться испорченные дети из богатых семей.

— Делать нечего, да? — Самохин дал «отбой» и убрал покорно потемневшую «трубку» обратно в карман. — Здесь люди на весь поёлок воду берут, пьют, детям готовят. А ты здесь...

— А я здесь купа-аюсь, — засмеялась она, и, всплеснув руками, отплыла к противоположной стене. У неё был сильный, очень явный и даже грубоватый

деревенский акцент. — Я тута, значит, воду вам попорчу, ну? Это говоришь?

Самохин уже не говорил. Он вдруг понял, что девушка-то голая, и уже далеко не ребёнок — над водою на миг мелькнули, забелели в отражениях сотнями бликов и вновь скрылись в темноте две вполне сформировавшиеся девичьи груди. Самохин растерялся и даже не отвёл взгляда. Лишь после того, как они пропали, он понял, что ему сейчас показали, и тогда уже, рассерженный, отвернулся, всем видом показывая, что абсолютно не впечатлён и ни капли не заинтересован.

«Подростки, — сказал он про себя с презрением и снисходительностью, за которой взрослые всегда прячут свою зависть. — Пороть бы надо их...»

Он откинул некстати полезшие в голову образы, вызванные словом «пороть» и недавними белыми бликами на воде, и вновь посмотрел вниз. Девчонка грызла ноготь на большом пальце.

— А я тебя думала вначале за черпалки твои цапнуть, да к себе утащить. А теперь и сама рада, что пожалела, — она сплюнула кусочек отмеревшей кожи в воду и вновь принялась грызть. — Ладонь у тебя сильно мягкая да тёплая. Ладная ладонь, добрая, такой, наверное, хорошо девку за грудь держать. Да и топором махать тоже легко.

Самохин вспомнил прикосновение и сглотнул. Мотнув головой, он грубо произнёс:

— Вылезай давай. А то родителям твоим скажу, что ты голая здесь бултыхаешься...

— Умерли у меня родители, — она на миг погрустнела. — Давно уже умерли. Я и лица их уж не помню, только помню, как отец мне паштёлков раздавал, когда не слушалась, — она оттолкнулась от стены и подплыла ближе, — а я часто не слушалась, уж это правда. Там идёт кто-то, — сказала она, сверкнув глазами в сторону и улыбнувшись. — Ты только не выдавай меня, Ваня, хорошо?

— Какой я тебе Ваня? — растерянно пробормотал Самохин.

— А я всех своих Ванями кличу, — она пожала бледными плечами с налипшими волосами, и Самохин вновь отвёл взгляд. Невдалеке, с ведром в одной руке и папиросиной в другой, шагал, выбивая сапогами пыль, дядя Миша. — Только ты вот чего, — заговорила вновь девушка. — Не выдавай меня всё же. Пусть воды наберёт, да домой снесёт. А то защекочу, — улыбнулась она. И вдруг, перевернувшись, ушла под воду, показав худую спину, белые, с синевой бёдра — и дальше, и дальше, и дальше.

Самохин весь сжался лицом, повернулся от бассейна прочь и несколькими крупными, широкими шагами отошёл на безопасное расстояние, затем замер. Лицо его стало необычно сосредоточено, веки дрожали. Он кривил губы, будто хотел что-то сказать или выругаться, но зубы сжались намертво. Тогда он вдруг весь развернулся к бассейну и вперился в него взглядом, рассматривая, как впервые. Он успокоился теперь, лицо его приобрело торжественное, даже возвышенное выражение. Он знал, что не тронется с места, не заговорит, не позвонит никому и даже не закричит, пока не поймёт, для себя одного не поймёт, что он увидел там. Он понимал всю невозможность увиденного, где-то даже оставалось в нём смешливое, ироничное ощущение ненастоящести, подделки, злой шутки, которую сыграла с ним девчонка с зелёными глазами, но там же внутри него уж пряталось осознание необратимости. Той необратимости, которая появляется у психов и убийц, перешедших черту — теперь уже ничего не будет, как прежде, теперь уже всё в его жизни будет отмечено этим событием,

потому что он видел, он видел, что у неё там дальше.

В детстве он читал сказку с иллюстрациями, про трёх братьев. Там была ещё и русалка, которая зазывала людей своим голосом и затем их топила. Один из братьев залепил глиной уши и стал говорить русалке, как та красиво поёт — да только акустика здесь, на болоте, плоха. Он очаровал её, взял на руки и отнёс к стене замка, положил недалеко у рва. Стена замка отражала её собственный голос, и русалка поползла на него, останавливалась, пела — и вновь ползла, пока не канула вниз. Художник изобразил тот самый момент — русалку на краю обрыва, зачарованную собственным голосом, прекрасную и не видящую опасности, и стоящего позади смеющегося садиста, которому было мало просто сбросить её вниз самому, или заколоть, но который был готов наблюдать за её обречённым движением к смерти. Маленький Самохин изрисовал всю эту картинку связкой зажатых в ладошке карандашей, а потом, из мести — и всю книгу.

Хвост девушки, сидящей в колодце, не был таким, как у той, на картинке. Он был бледным, с прожилками, одновременно и жирный, и плоский. Это был сомий хвост, — ясно понял Самохин, и ему стало несколько легче. Русалки ведь наполовину рыбы, так почему бы и не сом?

Дядя Миша тем временем подошёл к бассейну, опустил ведро на землю и, вытащив папиросу из зубов, помахал дымящейся пятернёй Самохину.

— Здорово, Олеж! Ты чего там нашёл, а? Увидал чего?

— Нет, дядь Миш, — сосредоточенно ответил Самохин. — Просто задумался вдруг ни с того, ни с сего... Сам не знаю. Закурить не дадите, дядь Миш?

— Держи, — пожал плечами дядя Миша и татуированной рукой достал связку папирос, перехваченных ниткой. Он сам выращивал на заднем дворе табак, и папиросы скручивал сам. Вкус у них был грубоатым, но приемлемым.

Самохин раскурил папиросу и закашлялся.

— Дядь Миш, а русалки бывают? — спросил он осипшим голосом.

— Бывают, — неожиданно серьезно ответил тот. — Говорят, что если ночью на речку купаться пойдешь — утащат тебя и сожрут! С костями! А еще они по ночам плачут. Ты этих дурней не слушай, которые говорят, что это чайки орут — русалки это. Вон, Лешу Хаптаханова уташили. Пошел ночью купаться и пропал — его потом баграми раздутого из реки доставали. Морду ему русалки объели до кости, пришлось по штанам опознавать адидасовским. Ничего, опознали.

Заметив, как изменилось лицо Самохина, дядя Миша вдруг ухмыльнулся.

— Небось поверили?

— Нет, — максимально спокойно ответил Самохин.

Докурив папиросу, он пожал руку дяде Мише, развернулся и пошел домой с двумя пустыми ведрами.

«Объели до кости», — думал он по пути.

Надо же.

До кости.

Оставив ведра на пороге, Самохин было взялся за удочку, даже разложил её, но вдруг, выругавшись, схлопнул её обратно и торопливо вернулся к бассейну. К тому времени дядя Миша уже ушел. Ветер утих, однако дело свое сделал — тучи подступили к поселку. В пыль упали первые нерешительные капли. Самохин откинул крышку бассейна и перегнулся через край:

— Эй. Ты здесь?

Из воды показались мокрая голова. Русалка смотрела на него огромными зелеными глазами и выжидала, высунув из воды острый подбородок. Самохин не видел ее целиком, и это нервировало. Он подозревал, что с таким хвостом она и размером и весом сильно превосходит человека. Сом ведь большая рыба. Под пять метров. На мгновенье в его сознание вновь вернулась гадливость.

— Ты здесь? — шепотом повторил Самохин.

— Я спряталась, — издевательски ответила русалка. — Ты меня не видишь, я в домике, от глаз твоих скрыта.

Самохину было не до шуток.

— Вы правда людоеды? — выпалил он.

— Кто это — «мы», Ванечка? — задумчиво произнесла русалка, на секунду погружаясь в воду, словно для дыхания. — Я одна такая, других нету. Не создал Бог ваш христианский пару для меня — решил, видимо, что одной такой твари на земле предостаточно.

Она улыбнулась, будто пошутила.

А затем, зачерпнув воду маленькими красивыми ладонями, вдруг плеснула ему в глаза.

— Ты чего? — воскликнул Самохин, морщаясь и фыркая.

Русалка звонко расхохоталась и подмигнула ему.

— Уж больно ты серьезным стал! Ладно. А теперь говори, Ванюш — я красивая или нет? — в ее голосе вдруг мелькнули голодные нотки.

— У тебя волосы зеленые, — растерялся Самохин, не зная, что ответить. — И ты — рыба.

— Это плохо?

— Наверное, — ответил Самохин.

Русалка рассмеялась.

— Не так надо отвечать, дурень! Сразу видно, что ты девок не щупал толком. Самохин оскорбился.

— Много ты обо мне знаешь!

— Много, — охотно подтвердила она. — Несчастный ты. Хочешь, я тебе воду живую дам? Выпьешь, и я сразу тебе красивой казаться начну.

Самохин задумался.

— Не надо. Водки я и сам купить смогу.

— Водки?! Ахахах!

Русалка в восторге откинулась на спину и шлепнула хвостом по воде.

— Водка! Подумать только!.. Ну-ка, наклонись. Да смелее.

Самохин автоматически наклонился.

Русалка вынула из воды мутную бутылку из-под кока-колы, запечатанную илом, и вложила ему в руки. При этом ладони их соприкоснулись, и Самохин заметил, что кожа у русалки ледяная. Горячих артерий не было — одни лишь вены. Русалка была холоднокровной, как рыбы. Липкой и слизистой.

Огромными усилиями Самохин удержался от гримасы.

Русалка все это время смотрела ему прямо в лицо — будто выискивая в нем любые признаки отвращения — и в конечном итоге не найдя их, с ранящим сердце облегчением вздохнула.

Её пальцы разжались.

Освобождённый Самохин выпрямился и подставил голову подступающему

дождю. Его коленки дрожали. В одной руке была зажата бутылка с мутной жидкостью.

— Выпей, Ванюшка, — зашептала русалка из колодца. — Ты не дождь внимания не обращай. Пей и на меня гляди...

— Холодно, — шмыгнул носом Самохин. — Пойду я пока.

— Куда?!

— Домой.

— А как же я? — обиделась русалка. — Я же тебя соблазняю, сил столько трачу, представление целое устраиваю. А ты уходишь? До конца хоть дотерпи.

— Я еще вернусь, — булькнул Самохин. — Вернусь. Я только домой схожу. Дождь все-таки.

Русалка издала разочарованный стон, но все-таки кивнула и помахала ему рукой.

Почти не чувствуя ног, Самохин побежал домой. Бутылка болталась в его правой руке.

Посёлок будто был укрыт тёмной, неприятной пеленой. Самохин шагал по улице, разбитой трактором, и оборачивался, страшась, что его сейчас спросят — что там? Что там он и сам не мог сказать, но боялся, что его спросят. На улицу перед ним выбежала грязная, прихрамывающая собака и залаяла, сильно и громко. Самохин протянул ей раскрытую руку, но собака всё лаяла. Тогда он замахнулся.

Собака убежала, и Самохину стало еще хуже. Никого больше на улице не было. Даже детей, которые обычно матерились и курили рядом с клубом.

Самохин подошёл к продуктовому магазину. Дверь висела на петлях, будто приоткрытая губа, показывающая темноту глотки и блестящие, словно зубы, витрины. Внутри стояла Надежда Теляшка.

Она гладила замороженную рыбу. Всем телом она пыталась это скрыть, локтями закрывала обзор, и украдкой пальцами проводила по камбале, застыв с умилением и стыдом на лице. Но при этом она стояла за витриной, прямо по центру, и это сочетание открытости и стыда в ней испугало Самохина, он соскочил со ступенек и двинулся к дому, потом замер и обернулся.

«Страшно, — подумал он. — Все ведь ею-то, наверное, сегодня напились».

Он стоял рядом с магазином, рядом с табличкой с адресом, и крутил головой, стараясь понять, что именно его так пугает. А потом понял.

Собак было не слышно.

После того, как на него выбежала та, лохматая, в посёлке стояла полная тишина. Да и лохматая уже пропала.

Собакам воду ведь тоже льют из её бассейна.

Дома, наверное, бабка и тётя Надя напились уже вдоволь, и теперь, может, гладят рыб, а может, ещё чего.

Самохин вдруг пожалел, очень пожалел, что вообще находился здесь, на виду. Он подумал, что надо спрятаться — но не мог понять, от кого.

Глаза чесались. Он поднял руку и начал тереть веки. Это было приятно.

Подняв голову, он скривился. Отсутствие людей казалось ему вызовом, презрением к нему. Как будто он ушёл домой на обед, а когда вышел, все ребята разошлись и забрали мяч с собой.

— Э-эй! — заорал он.

Где-то залаял одинокий, ничейный ёс, которого никто не поил водой. И которому никто в глаза водой не плескал.

Вдали послышался гул, ровный и настойчивый, будто кто-то, просыпаясь, бурчал, чтобы его не будили. Самохин, сначала не поняв, что это за звук, посмотрел в сторону магазина — ему показалось, что это та странная продавщица раскрыла, наверное, морозилку, чтобы достать рыбину или убрать, и морозилка бурчит своим мотором в её отстранённое лицо.

Продавщица вышла из магазина, держа камбалу в руках.

— Это водовоз приехал, — сказала она, смотря рыбине в глаза. Блузка её мокро блестела. — Ты, наверное, хочешь туда пойти. Она тебя ждёт.

Затем она наклонила голову и нежно, очень аккуратно обхватив ртом хвост замороженной камбалы, стала пропихивать её целиком внутрь. Вскоре она начала кашлять.

Самохин отвернулся от магазина и побежал прочь.

Позади него послышался сдавленный, глухой кашель, заглушающий звуки водовоза.

Он бежал, что есть сил, не обращая внимания ни на дождь, ни на усталость. Чем дальше он бежал, тем меньше мыслей оставалось у него в голове, и тем легче ему становилось. Надо было лишь не останавливаться, просто бежать и бежать вперёд, пока...

Самохин вдруг споткнулся обо что-то, и со всего размаха полетел прямо в лужу, лицом вперёд. Перед самым падением он смог неловко выставить вперёд левую руку, но удар о землю всё равно выбил из него воздух. Бутылка выскользнула из его руки и, завернувшись, покатилась по грязи прямо в мокрую траву.

— Етить-колотить! — донёсся из-за спины сиплый голос.

Самохин, шатаясь, поднялся на ноги, и некоторое время просто стоял, шумно вбирая в лёгкие воздух. Дышалось ему с трудом, ладони и лоб сильно саднило. Самохин подставил руки дождю, ладонями вверх, и капли, падавшие на них, стекали на землю окрашенными в ярко-красный.

— Олежка, ты, что ли?

Самохин обернулся. То, что он поначалу принял за кучу старой одежды, кряхтя и пошатываясь, поднималось с земли. Из дождя выплыло рябое лицо с огромным красным носом, похожим на крупный подберёзовик. Самохина обдало крепким перегаром.

— Яшка, — у Самохина отлегло от сердца, — ты опять прямо на дороге спать лёг?

— Я туты не ложился, — шмыгнул носом Яшка. — Я вообще-то домой шёл. Только не дошёл отчего-то.

Он вдруг нахмурился, будто бы вспоминая что-то важное. Затем сунул руку в карман своей залатанной джинсовой куртки и извлёк оттуда бутылку «Столичной». На дне её что-то до сих пор плескалось.

— А-а-а, — поморщился Яшка. — Вот отчего.

Самохин нахмурился.

— Будешь? — протянул ему бутылку Яшка. — Я не могу уже, сил нет. Вот уже третий день пью, деньги все спустил, жена домой не пускает — хотя я прихожу... — он икнул. — Ну, или хочу прийти. Не помню.

Самохин со вздохом принял бутылку, открутил пробку и сделал большой глоток. Водка легко пошла вниз по горлу, согревая внутренности, возвращая

чувствами. Самохин закашлялся.

— Погоди-ка, — до него вдруг дошло. — Какой, говоришь, день ты пьёшь?

— Какой-какой, — обиженно забормотал Яшка. — Какой надо.

— Ты, случайно, из бассейна не пил?

Яшка задумался. Затем неуверенно помотал головой:

— Я, Олежка, водой не запиваю. Хотя деньги-то у меня все вышли... Может, и пил, не помню. Етишь тебя налево, — он облизнул сухие губы, — воды-то теперь хочется...

— Ну, а рыбы, — сказал Самохин, — рыбы погладить не хочется?

— Чего? — вытаращился на него Яшка.

Самохин не нашёл слов, чтобы ему ответить. Бег и водка прочистили ему голову, и теперь всё происходящее скорее напоминало ему липкий, предрас- светный кошмар, от которого он ненадолго очнулся.

Но стоит только вновь закрыть глаза...

— Яшка, — сказал Самохин. — Поможешь мне кое-что найти?

Он сошёл с дороги в высокую, по пояс, траву, и стал искать укатившуюся бутылку из-под кока-колы, наполовину надеясь, что всё это ему почудилось, что никакой бутылки здесь нет и быть не могло. Зелёная трава колыхалась перед его глазами, волновалась и шелестела, вызывая в памяти воду, плещущуюся на дне колодца. Зелень, всюду зелень, словно её глаза...

— Это, что ль? — Яшка поднял бутылку в воздух и повертел её в руках.

— Только не пей, — предостерегающе поднял руку Самохин, — это из бассейна.

— Из бассейна? — лицо Яшки вдруг просветлело. Прежде чем Самохин успел что-либо сделать, он разом прочистил горлышко бутылки от ила и приложился к ней. Он пил долго и жадно, работая кадыком, словно насосом, и, казалось, он никогда не остановится.

Наконец он оторвался от бутылки, утёр губы ладонью и посмотрел на Самохина.

— Ну? — осторожно спросил тот. — А теперь не хочется?

— Чего? — не понял Яшка.

— Ну, рыбы...

— Съесть, что ли?

— Да нет, — сказал Самохин. — Погладить.

Яшка смотрел на него, не мигая. Затем вдруг улыбнулся во все свои немногочисленные зубы и покрутил пальцем у виска.

— Ты чего, — весело сказал он, — больной, что ли? Чего это ты заладил? Про рыбу, да про колодец?

И, неожиданно для самого себя, Самохин стал рассказывать. Он всё говорил, и говорил, и слова рвались из него, потому что держать их в себе было невозможно.

— Да-а-а, — наконец протянул Яшка. Он поднял голову, утёр лицо последними каплями прекращающегося дождя, затем сплюнул в траву. — Русалка-то дело серьёзное. Могла до костей обгладать, а ты бы и глазом моргнуть не успел.

— Не надо опять про кости, — попросил Самохин. От этих разговоров его уже мутило.

— Я вот только чего в толк не возьму, — сказал Яшка. — Как она в колодец-то попала?

— Не знаю, — пожал плечами Самохин.

И правда, спросил он себя, откуда? Не по земле же она в колодец припрыгала,

верно?

Вот если только...

— Водовоз, — сказал он вдруг вслух. — Водовоз приезжал совсем недавно, я же помню. А теперь... Теперь приехал ещё один.

Он круто обернулся и хотел было бежать обратно — но уткнулся прямиком в грустные глаза мёртвой камбалы.

Глаза Надежды Теляшки были не менее грустными. Она попыталась улыбнуться ему — настолько, насколько позволяла зажатая в её рту рыба. Вышло не очень. Самохин неловко улыбнулся в ответ.

Продавщица протянула ему что-то на вытянутой руке. Это была маленькая раковина, вся покрытая тиной и песком, будто бы её только что выловили прямо из речки. Самохин непонимающе уставился на неё, и продавщица показала ему взглядом: бери.

Самохин взял раковину в руки. Она была вся холодная и будто бы отчего-то едва заметно вибрировала.

Продавщица сложила пальцы так, будто бы в руке у неё что-то было. Затем поднесла руку к уху и прислушалась. Взглядом показала Самохину делать то же самое.

Он поднёс раковину к уху.

— А-а-а-а! — тут же донёсся оттуда девичий крик. Самохин инстинктивно отёрнулся, затем снова поднёс к уху кулак — уже на почтительном расстоянии.

— Убивают! — кричала русалка из раковины. — Спаси меня! Ваня!

— Не кричи, — попросил Самохин. Русалка не услышала его, и продолжала надрываться.

Надежда Теляшка показала на Самохина, затем сложила ладонь в подобие губ, которые открывались и закрывались. Потом она показала на камбалу, торчавшую изо рта.

— Что за бред, — сказал сам себе Самохин, наклоняясь ближе к мёртвой рыбьей морде. — У рыбы даже ушей-то нет.

— Эй, — обиделась русалка из раковины. — Я всё слышу!

— Что случилось? — спросил Самохин.

— Меня, — торжественно выпалила русалка, — меня прямо сейчас хотят убить!

— Что?

— Убить! — повторила русалка. — Помоги! Ваня!

— Я же говорил, — поморщился Самохин, — меня зовут не Ваня.

— Да не ты Ваня, — ответила русалка. — Точнее, и ты Ваня, но это другой, прошлый Ваня! Помоги, а? Прошу тебя, ну, Ва-а-ань...

— Прошлый? — Самохин не верил своим ушам.

— Ну, другой, прошедший... Бывший, вот! — Самохин услышал, как русалка забила хвостом и захлопала в ладоши, вспомнив нужное слово. — Бывший Ваня здесь, он увезёт меня на водовозе и погубит, съяиши, Ваня?

Самохин молча смотрел на мёртвую камбалу. Рыба молча смотрела в ответ.

— Так ты, — донеслось из раковины, — поможешь мне или нет?

— Хорошо, — сказал Самохин.

Водовозчик был крепким, сильным мужчиной с огромными предплечьями. Он стоял, упёршись ногами в бетон, и ухающими рывками поднимал со дна колодца нечто тяжёлое. Картиз его был сдвинут на затылок, во рту —

зажата зубочистка.

Самохин растерялся. Он думал начать разговор со слов «Не убивайте её» или «Не трогайте её, пожалуйста», но теперь все слова оставили его.

И что говорить?

Самохин подошел поближе — водовозчик коротко глянул на него и молча вернулся к работе. Самохин заглянул внутрь.

В колодце было темно. Вниз спускалась крепко свитая верёвка. Русалка держалась за неё тонкими руками. Её огромное сомовье тело было ещё скрыто под водой — но водовозчик постепенно вытягивал его наружу. Ещё рывок — и вот уже показался длинный спинной плавник.

— Давай скорее! — сказала русалка, озабоченно глядя вниз, на собственный хвост. — А то мы и к ночи не управимся.

— Щас, — коротко ответил водовозчик.

Напрягшись, он богатырским рывком вытянул русалку из воды целиком. Плоский блестящий хвост повис над водой, словно огромная пиявка. Русалка обвила им верёвку и теснее сомкнула человеческие кулачки, чтобы не упасть и не сорваться обратно в воду.

— Эй, — осторожно позвал Самохин.

Она подняла голову и крикнула:

— Погоди! Ну, или помоги ему, давай, Ванюша!

— Не надо, — буркнул водовозчик, когда Самохин робко подступил к нему. — Сам.

Вскоре русалка уже сидела на краю бассейна, ёжась от ветра и дождя. Свой массивный хвост она свесила в воду. Дождь барабанил её по плечам. Водовозчик в это время жевал зубочистку и пытался завести забарахливший двигатель.

— Ты же сказала, что он хочет тебя убить, — тупо глядя на русалку, произнёс Самохин.

— Так и есть, — вздохнула она. — Он вроде как мой водитель. Мой верный рыцарь, который всё возит и возит меня по полям да весям. В конце этого пути я умру. И он знает об этом, но все равно везёт меня. Так что он, считай, смерти моей хочет.

— Не понимаю, — помотал головой Самохин.

— А чего тут понимать? — сказала русалка. — Знаешь, как рыбы размножаются?

Самохин ощущил, что краснеет.

— Ничего непристойного, — заметив это, рассмеялась русалка. — Икру мы мечем, икру. Это нерестом называется. Для нереста мы большие расстояния проходим... Мы — это рыбы.

Она с ожесточением ущипнула собственный жирный хвост.

— Из Каспийского моря поднимаемся вверх по реке, затем — по деревням и сёлам, а в конце пути — в Чёрное море. Там мы умираем. Потому что приходит время умирать. Инстинкт такой у нас. Гонит на нерест. Я же несовершенолетняя была до этого. А теперь — время пришло взросльеть.

Она помолчала.

— Знаешь, как нерест проходит, Ванюша? Я вижу симпатичного и хорошего парня. У меня запускаются процессы необходимые. Я откладываю икру. В процессе охмурения я выделяю вещества разные, которые ко мне самцов... Да и не только самцов... приманивают — но все они мне отвратительны, знаешь, Ваня... Нужен хороший парень в моем вкусе, чтобы процессы-то запустились,

чтобы я икру смогла отложить. Икру откладываю — и тогда-то ей и оплодотворяет то скопище самцов, которых мои запахи привлекли. Вода моя живая. Но это бесполезно всё. Потому что человек не может оплодотворить рыбью икру.

Она рассмеялась.

— Ты пришла сюда, чтобы икру отложить? — с отвращением спросил Самохин.

— Ага. А знаешь, что самое интересное? — сказала русалка. — Не нашла я здесь такого вот хорошего и симпатичного парня. Ошиблась. Икру отложить не смогу. Но процесс-то уже запущен. Все они взбудоражены запахами моими. Мне уезжать отсюда надо — а то эти сумасшедшие меня возьмут и убьют. Вот если бы ты полюбил меня, Вань... — она томно посмотрела на Самохина.

Затем осеклась.

— Но ты, наверное, не станешь.

Самохин молчал. Русалка вздохнула.

— Ну что, Ваня, запрягай тогда. Поедем дальше, будем искать того самого.

— Никуда не поедешь, — сказал вдруг за спиной хриплый, злой голос. — Здесь останешься.

Самохин вздрогнул и обернулся. Позади стоял Яшка, слегка покачиваясь. Дождь лупил его по плечам, заливал лицо. Он улыбался. В правой руке он всё ещё скимал бутылку.

— Бежать надо, — сказала русалка и поёжилась. — Скоро таких, как он, много будет. Уже идут ко мне, я чувствую. Дождь так на них подействовал — повлекло. Надо было раньше уходить, да я всё на тебя надеялась...

Водовозчик схватил русалку под мышки и, матернувшись, потащил к машине. Хвост оставляя на влажной земле толстую извилистую полосу.

— Задержи его пока что, Ваня! — крикнула русалка. — Помоги напоследок!

— Зачем его... — Самохин посмотрел на Яшку, и еле успел поднять руку — бутылка ударила по кисти, осыпала лицо осколками. Вскрикнув, он отступил назад, удивлённо смотря на Яшку с разбитой бутылкой в руке. — Ты чего, а? Успокойся!

— Сейчас я тебя успокою, — Яшка медленно, тяжело двинулся в его сторону. — Украсть решили, да не тут-то было! Меня не проведёшь!

Позади Яшки из пелены дождя стали появляться фигуры.

— В кабину! Клади меня в кабину прямо, а то не успеем, — закричала сзади русалка.

Яшка взвыл и бросился вперёд, размахивая «розочкой». Живот Самохина обожгло болью, и он, зашипев, попытался оттолкнуть пахнущего перегаром сумасшедшего от себя.

— Н-на тебе, — рычал Яшка. — Н-на, жулик! Не проведёшь! Н-на!

Самохин пропустил ещё один удар, и «розочка» прочертила ему по лбу. Взревев от боли, он оттолкнул от себя Яшку, и тот упал наземь, тут же вскочил — и бросился на водовозчика, засовывающего в кабину русалку. Тот попытался обернуться и прикрыть лицо рукой, но Яшка оказался проворнее, и сильно, с размахом всадил «розочку» ему под затылок. Самохин подхватил камень, бросился к ним. Пальцы нашупали Яшким воротник, отвели назад голову.

После первого же удара Яшка упал на колени, но не сделал ни одной попытки защититься, продолжая резать водовозчика, привалившегося к двери. Тогда Самохин ударил ещё трижды — и Яшка свалился в грязь. Кровь из его головы потекла в набравшуюся у колеса лужу, смешиваясь с кровью водовозчика.

Тот постоял ещё немного, мотая окровавленной головой, схватился за горлышко, попытался вытянуть «розочку» из своей груди — и в ту же секунду повалился вперёд. Больше он не двигался.

— Эх, Ваня! — с грустью сказала русалка, разглядывая труп, а потом перевела взгляд на Самохина и улыбнулась. — Ну что, Ванечка, едем уже, быстрее!

Самохин посмотрел по сторонам. Теперь он мог разглядеть лица идущих к колодцу людей — вот Теляшка, вот дядя Миша. Позади прочих шла тётя Надя в больших, его же, Самохина, чёрных сапогах. Кто-то нёс в руках мотыгу, у других были камни.

Самохин бросился к водительской двери, дёрнул её на себя и залез в кабину. Русалка лежала на пассажирском месте, вывалив на улицу хвост. Пахло рыбой.

— Втащи меня, Ваня! Быстрее! — она протянула к нему тонкие, белые ладони. — Ну, давай же!

На секунду Самохин хотел вытолкнуть её в грязь, но, посмотрев в её такое прекрасное и наивное лицо, понял, что не сможет. Он подтянул её за руки, уложил головой себе на колени, протянулся к замку зажигания...

— У Вани ключи были! — испуганно сказала русалка. — Быстрее, иди, забери! В кармане у него!

Самохин, чертыхнувшись, открыл дверь и спрыгнул в грязь. Дождь становился только сильнее. Рядом с ним на землю шлёпнулся увесистый камень, обдав штаны брызгами. Самохин подхватил его и побежал к телу водовозчика.

На него бросился Павел Анатольевич — старый, добродушный фельдшер, чуть ли не каждый день жарящий шашлыки у себя во дворе. Самохин ударил его камнем в лицо, чуть пониже носа, и тот повалился на землю. Потом ему пришлось разбить голову дяде Мише, который схватил его за волосы не по возрасту крепкими пальцами. Склонившись над телом водовозчика, он стал шарить по его карманам, пугливо озираясь на приближавшихся людей. Вытащив из кармана куртки ключи, он хотел бежать обратно, но понял, что не пройдёт — их были уже десятки.

— Сюда, Ваня! — закричала русалка. — По мне лезь!

Самохин швырнул камень в сторону толпы, схватился за открытую дверь и запрыгнул в кабину, прямо на лежащую русалку. Затем, уцепившись за руль, он перелез на водительское кресло, приподняв голову с зеленоватыми волосами, усился на сиденье, вставил ключ зажигания. Теляшка показалась у открытой двери с торчащим изо рта хвостом и безумными, но счастливыми глазами. Она попыталась то ли схватить, то ли погладить русалочий хвост, но тот вдруг изогнулся, поднялся — и опустился ей на голову, резко и жутко, будто мухобойка. Теляшка с болтающейся у груди головой упала под колёса водовоза.

— Поехали! — закричала русалка, и Самохин, включив передачу, тронулся. Правый бок машины на секунду приподнялся, когда под колесо попала Теляшка, затем машина пошла быстрее. Двери захлопнулись.

Чтобы не видеть пропадающих под капотом людей, Самохин зажмурил глаза.

— Правильно, Ваня, правильно... Поехали, Ванечка, куда глаза глядят. А там ты меня в воду окунёшь да покормишь, и всё будет, как и суждено. Хорошо, Ванюш?

Самохин открыл глаза. Слегка повернул руль, возвращаясь на размытую дождём дорогу.

— А что ты ешь? — спросил он.

Русалка приподнялась с его колен и поцеловала холодными губами в небритый,

испачканный кровью подбородок. Затем облизнула губы.

— Из икры русалки не получатся сами собой, Ванюша. Человечек нужен, понимаешь?

Самохин включил фары и прибавил газа.

Вечером в кафе «Ручеёк», что в посёлке городского типа Молоченевка, зашёл человек. Он был весь мокрый и взлохмаченный — на улице с самого утра шёл дождь. Человек подошёл к прилавку, устало осмотрел витрину.

— «Юбилейного» дайте два, и газировки вон той, — сказал он усталым голосом.

— Деньги вперёд давай, — сказала продавщица. На лбу у незнакомца краснел длинный глубокий порез. — А то знаю я вас.

В кафе, прикрываясь пакетом, вбежала молодая девчонка, едва ли закончившая школу. Она убрала пакет, потрясла головой и, смеясь, подбежала к прилавку.

— Ну, пошё-ёл! — с восторгом сказала она, имея ввиду, наверное, дождь. Посмотрев с интересом на мужчину, она облокотилась на прилавок и вновь заговорила с продавщицей. — А меня мамка до сахару послала. Варенье варит, нашла же день!

— А когда ж его ещё варить-то, если не в дождь. — пробормотала продавщица. — Сорок два семьдесят ваша сдача.

Мужчина забрал сдачу, печенье и газировку.

— Спасибо, — сказал он, поворачиваясь к выходу.

Изо рта девчонки вырвался восхищённый вздох.

— Это что? — спросила она. — Это линзы, да?

— Какие линзы?

Девчонка показала пальцем на свой глаз, затем — ткнула им в его сторону.

— Глаза зелёные, будто фонари какие! Это от линз?

Незнакомец некоторое время молчал. Потом покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Это они у меня просто такие.

— А отчего?

— Не знаю. Наверное, оттого, что влюбился.

Девчонка хихикнула.

— А в кого влюбился-то?

Незнакомец посмотрел в сторону двери, за которой шумно бежала с шифером вода.

— Хочешь, — сказал он неуверенно, — я тебе покажу?

— А она здесь? — спросила девчонка.

— Недалеко. У колодца вашего ждёт. У машины.

— Ну, не зна-аю, — протянула девчонка, не отрывая взгляда от глаз незнакомца. — Меня ненадолго выпустили.

— Вот и не ходи с незнакомцами всякими, — подала голос продавщица. — Хер их знает, кто такие.

— Меня зовут Ваня, — улыбаясь, повернулся к ней мужчина. Продавщица взглянула ему в глаза и поняла, что тоже улыбается. — Вы тоже можете пойти с нами.

— Ну, я не знаю, — засмутилась продавщица. — Мне магазин закрывать долго...

— Правильно. Вы пока закрывайтесь, я за вами скоро вернусь — мужчина вновь посмотрел на девчонку. — Ну, что, готова?

— Мне сахара надо купить, — растерянно сказала девчонка.

Самохин на секунду замешкался, но затем улыбнулся и поднёс руки с «Юбилейным» к её лицу.

— Зачем сахар, когда есть печенье!

На его лицо со лба вновь побежали струйки крови. Ни девочка, ни продавщица этого не заметили.

— Ты когда-нибудь купалась под дождём? — спросил Самохин. — Хочешь попробовать?

— В одежде прямо? — спросила девочка, принимая из рук Самохина печенье.

— Ну, что ты, глупая, — засмеялся он, прикрывая рукой с пакетом её голову от дождя. — Одежду нам придётся снять. Иначе же её ещё найдут потом.

«Вот повезло-то! — подумала про себя продавщица, когда за ними закрылась дверь. Мысли её были просты и спокойны. — Статный какой мужчина, интересный. А мой, наверное, опять с рыбалки пьяный придёт. Говорит, рыба у него в дождь лучше жрёт. Сам он в дождь больше жрёт. Чёрт херов. А рыба-то залежалась. Не пропала, нет?»

Затем она подошла к витрине, наклонилась и долго, жадно нюхала лежащую на ней рыбу.

За окном дождь продолжал наполнять колодцы.

МЕСТЬ

ВИКТОР ГЛЕБОВ

От автора: «Как пришла в голову идея рассказа? Да мне эту историю приятель рассказал!»

— Я просто хочу отомстить! — проговорил Косыгин, обводя собеседников пьяным взглядом. — В конце концов, я что, не имею на это права?

— Не знаю наскчт прав, а понять тебя можно, — рассудительно ответил Черенев, вертя в руках стакан с остатками виски.

— Он трахает мою жену! — взревел Косыгин. Лицо у него было красное от выпитого алкоголя, на лбу проступила пульсирующая вена.

— Бывшую, — спокойно поправил Репников. На его губах играла едва заметная улыбка — он явно получал от этого разговора удовольствие. — Вы уже почти год, как в разводе.

— Пусть так! — процедил, тяжело уставившись на него, Косыгин. — И всё равно он гнида! Мы были друбанами с девятого класса, а он... за моей спиной!

— Как же ёшё? — пожал плечами Репников. — Не на глазах же у тебя ему было твою благоверную обрабатывать.

Косыгин хлопнул по столу ладонью так, что стаканы подскочили.

— Месть ничего не решает, — покачал головой Черенев. Он был лысоват, с тонким прямым носом и такими же губами. На висках у него время от времени выступали капли пота, и он смахивал их тыльной стороной руки. — И вообще ведёт к саморазрушению, — выговорить последнее слово ему удалось с заметным усилием.

— А мне плевать! — процедил Косыгин. Он схватил своей лапицей бутылку виски и наполнил свой стакан. Потом, чуть поразмыслив, проделал то же самое со стаканами друзей. — Я хочу отомстить.

— Буддисты считают, что неотомщенное оскорбление плохо оказывается на карме, — сказал Репников.

— Вот! — обрадовался Косыгин. — И я так думаю. Надо отомстить, и полегчает!

— А как же «подставь левую щёку, если тебя...», — начал было Черенев, но не договорил, потому что Косыгин демонстративно фыркнул и велел ему заткнуться.

Черенев не обиделся. Просто пожал плечами и опрокинул свою порцию виски в рот.

— Что конкретно ты предлагаешь? — спросил Репников. — Или все эти вопли — просто сотрясание воздуха?

— А? — нахмурился Косыгин. — Ты про что вообще?

— Я говорю, план есть? Как ты хочешь отомстить?

— А-а... — Косыгин расплылся в довольной улыбке. — Теперь понял. Да,

у меня есть отличная идеяка.

— Ну, выкладывай, — Репников положил локти на стол. Вид у него стал по-настоящему заинтересованный.

— Когда мы с этим уродом ещё были дружанами, — начал Косыгин, — я не раз бывал у него на даче. У него дом на берегу Оредежи. И Васька мне похвастался своей системой охлаждения. С участка выведена труба, по которой течёт то ли фреон, то ли ещё какая-то штука. И вот эта труба у него брошена в реку. Жидкость таким образом охлаждается и возвращается уже готовой для нового использования. Дорогущая система, между прочим.

— Это вообще законно? — нахмурился Черенев. — Опускать такое в природный водоём...

— Конечно, нет! — перебил его Косыгин. — В том-то и дело! Он даже пожаловаться не сможет. Потому что его тогда привлекут.

— Пожаловаться на что? — подозрительно прищурившись, спросил Черенев.

— На то, что мы перерезали трубу.

Все трое переглянулись.

— Хм, — сказал Репников. — Заманчиво. Только как мы это сделаем?

— У тебя же есть лодка. Надувная. Мы ездили рыбачить, помнишь?

— Помню.

— Ну, так возьмём её, приедем на бережок, надуем и поплыvём. Подцепим кошкой эту трубу, разрежем и забьём с двух сторон пробками.

— Лучше не разрезать, — вмешался Черенев, — а вырезать кусок метра два длиной. Чтобы соединить было нельзя, если Васька этот твой всё-таки допрёт, в чём дело.

— Точно! — обрадовался Косыгин. — Так вообще отлично будет. Ну что, вы мне поможете?

Репников покрутил в руках стакан, выпил.

— Можно, — сказал он, поморщившись. — Почему бы и нет. Будет знать, как жён чужих уводить.

Косыгин вопросительно уставился на Черенева.

— Я всё-таки считаю, что месть — вещь не продуктивная, — ответил тот. — Но раз вы оба так завелись... Не могу же я вас бросить.

Косыгин одобрительно хлопнул приятеля по плечу.

— Молодчага! Значит, решено!

— Когда отправимся? — поинтересовался Репников. — Надо выбрать день, когда...

— Сегодня, — перебил Косыгин. — Сейчас только девять. Мы сможем туда добраться к ночи. Подождём, пока все лягут, и начнём.

— А Васька? — спросил Черенев. — Он, часом, не на даче?

— Откуда мне знать? В последнее время он там редко бывает, по-моему. Всё чего-то перестраивает. Да и какая разница? Он же дрыхнуть будет.

— Тоже верно, — согласился Черенев. — Проснётся, а ничего уже не работает.

Косыгин захохотал.

— Хотел бы я увидеть его лицо!

— Нет уж, давай-ка без этого, — решительно воспротивился Репников. — Палиться я не согласен.

— Ладно-ладно, успокойся. Это я так... В общем, согласны?

— Боюсь, ни один из нас не в состоянии вести машину, — заметил Черенев. Косыгин задумчиво поскрёб щетину.

— Может, отложим до завтра? — предложил Репников. — Труба за день никуда не денется.

— А если мы остынем? — спросил Косыгин.

— Тем лучше. С трезвой головой-то у нас ещё лучше получится. Или боишься, что раздумаешь мстить?

— Нет. Ваське надо отплатить.

— Ну, за это и выпьем, — подвёл итог Репников, наполнив всем стаканы. — По последней и спать.

— Правильно! — кивнул Косыгин.

Все трое чокнулись и опрокинули виски. Черенев тихонько икнул.

— Пардон, — пробормотал он, поморшившись. — Крепкая штука, однако.

Сумерки сгущались медленно. Вода в реке постепенно приобретала серый металлический оттенок, и только там, где садилось за деревьями солнце, горела красно-оранжевым светом мелкая рябь.

— Дом фасадом выходит на другую сторону, — говорил Косыгин, покуривая сигарету. — Кроме того, на берегу растут ивы. Если, конечно, Васька их ещё не вырубил.

— А собирался? — спросил Репников.

— Вроде, нет. Они его жене первой очень нравились.

— Ну, тогда мог и вырубить, — усмехнулся Черенев. — Чтоб не напоминали.

— Вряд ли, — покачал головой Косыгин.

Он с друзьями сидели на подстилке возле машины. Со стороны реки их прикрывали кусты, между которыми имелся небольшой пологий спуск. Лодку накачали заранее, вёсла, ножовку и кошки сложили на дно.

Прошло полтора часа, и Косыгин решил, что можно выдвигаться. Лодку спустили на воду, забрались в неё и поплыли, работая вёслами. Двигались сначала вдоль берега, а потом постепенно вывернули на стремину. К счастью, грести против течения не пришлось: дача располагалась вниз по реке.

Все трое были одеты в свободные дождевики с капюшонами, скрывавшими лица. Черенев ещё надел бейсболку, низко надвинув её на лоб. Если бы кто-нибудь увидел их, то наверняка решил бы, что люди отправились порыбачить.

Плыли около четверти часа, когда за излучиной показался двухэтажный дом, окружённый сплошным забором. В реку выдавались короткие деревянные мостки.

Справа темнел небольшой остров, покрытый низкими деревьями и кустами. Вокруг него буйно разросся камыш.

Лодка направилась к берегу.

— Вот тут она и утонула, — проговорил Косыгин, вынимая из реки весло и давая воде стечь.

— Кто? — спросил Черенев.

— Первая Васькина жена. Марина. Красивая баба была. Пошла как-то вечером плавать и не вернулась. Васька после этого долго на дачу вообще не ездил, а потом начал дом перестраивать. То ли веранду ему захотелось, то ли

мансарду — уже не помню точно.

— А тело нашли?

— Нашли. Часа три дно прочёсывали. Васька тоже на даче был. Ждал её, ждал, потом искать пошёл. Полотенце и шлётки на берегу остались, а её не было. Ну, в конце концов, он вызвал кого-то там. Уж не знаю... Пока приехали, пока начали обшаривать реку — в общем, до утра возились.

— Может, он её сам утопил? — предположил, глядя на черневший за прибрежными кустами дом, Репников.

— Не-е, — протянул Косыгин. — Васька её обожал. Глаз не спускал. Всё налюбоваться не мог, — он усмехнулся. — Теперь вот тоже... обожает. Только уже мою.

— А что так ревновал-то? — спросил Репников. — Были поводы?

— Чёрт их знает. Я не в курсе. Вроде, он её подозревал в чём-то. Но не думаю, что Маринка ему изменяла, если честно. Говорю же, он ей шагу ступить без присмотра не давал.

— Но купаться одну отпустил, — заметил Черенев.

— Дом-то на берегу. Вода рядом, — Косыгин привстал, определяя расстояние до берега. — Ладно, ещё метров двадцать и будем на месте. Кошки готовы?

В ответ Репников продемонстрировал пару разлапистых металлических крюков, привязанных к тросам.

— Это, кстати, не первый случай, — сказал Косыгин.

— В смысле? — отозвался Черенев. — Ты о чём?

— Про случаи несчастные.

— Тут ёщё кто-то утонул?

— Да. Место гиблое. Не знаю, почему. То ли воронки, то ли течение холодное. Может, ноги судорогой из-за него сводит.

— Так кто утоп-то?

— Мужик один. Сосед Васькин. Вон в том доме жил, — Косыгин показал на одноэтажную постройку с двускатной крышей и кирпичной трубой. — В котором темно. Его тело так и не нашли. То ли течением унесло, то ли зацепился где-то за корягу на дне и до сих пор гниёт. Хотя это вряд ли, — подумав несколько секунд, добавил он. — Рыбы давно всё объели.

— Его что, не искали?

— Искали, да не нашли. Кстати, утонул он на той же неделе, что и Васькина жена. Я его видел однажды издалека. Бегал тут по дорожкам. Спортом занимался, — Косыгин усмехнулся. — Долго жить хотел!

— Да-а, — протянул Черенев. — Судьба! Ничего не поделаешь.

— Если он пропал, то с чего взяли, что он утонул? — спросил Репников.

Косыгин пожал плечами.

— Ну, а что ёщё с ним могло случиться? Приехал человек на дачку к себе, отдыхал, а потом исчез. Хотя, может, его потому в реке и искали не очень тщательно, что не было уверенности, что он утонул.

— А почему в доме темно? Родственников не было? — спросил Черенев.

— Без понятия. Да и какая разница?

— Наверное, никакой.

Когда до мостков оставалось метров десять, Косыгин скомандовал остановиться.

Бросили якорь, чтобы не сносило течением, и принялись за дело. Опустив за борт кошки, стали шарить по дну, стараясь подцепить трубу.

— Вот так, наверное, и тогда делали, — пробормотал Черенев, в очередной раз забрасывая крюк. — Ну, когда Васькину жену искали, — пояснил он в ответ на вопросительные взгляды приятелей.

— Не знаю, — отозвался Косыгин. — Меня тут тогда не было.

— Само собой, — пробормотал Черенев. — Кажется, есть! — он потянул, но кошка не поддалась — она за что-то зацепилась. — Помогите-ка!

Репников и Косыгин ухватились за трос. Медленно кошка начала подниматься, явно таща что-то за собой.

Наконец над водой показалась чёрная пластиковая труба, гладкая и блестящая, как пиявка.

— Вон она, родимая! — обрадовался Косыгин.

— Толстая, — крякнул Черенев. — И тяжёлая.

Трубу положили поперёк лодки и сели перевести дух.

— А мы не отравимся? — с сомнением спросил Репников, глядя на неё.

— Чем? — спросил Косыгин, беря в руки ножовку и пробуя полотно большим пальцем.

— Той жидкостью, которая там течёт. Охладителем.

— С какой стати?

— Ну, ты ж сам говорил, что такие системы в естественные водоёмы опускать нельзя. Значит, они опасны.

— Кстати, да, — встрял Черенев. — Может, эта штука ядовитая.

— Мы ж не будем её пить. А если немного в реку прольётся, ничего страшного не будет. Не ссыте, мужики, — Косыгин натянул перчатки, приставил ножовку и взялся свободной рукой за трубу. — Готовьтесь сразу заматывать.

Приятели взяли сантехнический скотч — у каждого было по катушке.

Когда полотно вошло в трубу почти полностью, из разреза потекла прозрачная дымящаяся жидкость.

— Чёрт! — выругался Репников. — Этой дрянью дышать-то можно?!

— Глубоко лучше не вдыхать, — отозвался, не переставая пилить, Косыгин. — На всякий случай.

— Холодная! — добавил он через полминуты. Перчатки защищали руки от жидкости, но не от низкой температуры.

На дне лодки было подставлено ведро, и почти весь охладитель попал в него. Пока Косыгин держал одну часть распиленной трубы, его приятели замотали скотчем второй. Получилась более-менее надёжная заглушка. Во всяком случае, ничего не текло.

Затем из воды вытащили ещё несколько метров трубы, отпилили приличный кусок и повторили операцию заматывания скотчем.

— Класс! — одобрил Косыгин, бросая ножовку на дно лодки. — Ведро почти полное.

— Выльем на берегу, — сказал Репников.

Концы трубы опустили в воду, постаравшись развести подальше друг от друга.

— Неохота тащить всё это обратно, — сказал Косыгин, глядя на обрезок трубы и ведро с охладителем. — Может, на острове оставим? Тут недалеко плыть.

- Во всяком случае, ближе, чем до машины, — согласился Черенев.
- Тогда давайте быстренько смотримся на остров.
- Репников потащил из воды якорь. Верёвка натянулась. Похоже, она за что-то зацепилась — должно быть, за корягу или водоросли.
- Застрял, — констатировал после нескольких рывков Репников.
- Дай помогу, — предложил Косыгин.
- Они взялись за верёвку вдвоём. Бесполезно.
- Может, ну его? — спросил Черенев. — Обрежем?
- Жалко якорь, — ответил Репников.
- Я тебе новый куплю, — пообещал Косыгин. — Есть нож?
- У меня нет, — покачал головой Черенев.
- Ножковкой давай, — посоветовал Репников. — Только лодку не повреди.
- Косыгин приподнял верёвку над бортом и провёл несколько раз пилой.
- Готово! — сказал он, когда разлохмаченный конец исчез в воде.
- Приятели взялись за вёсла и начали гребти.
- По-моему, мы не двигаемся, — заметил спустя минуту Репников.
- Похоже на то, — осмотревшись, согласился Черенев.
- Что за фигня? — Косыгин свесился над бортом лодки, низко наклонившись к воде. — Зацепились, что ли?
- За что тут можно зацепиться?
- Понятия не имею! Ничего не видно.
- Ещё бы.
- Косыгин закатал рукав и сунул кисть в воду. Пошарил по дну лодки, сколько смог достать. Резина была скользкой и холодной.
- Ничего не нахожу.
- Похоже, мы застряли, — сказал Репников. — Не хватало ещё, чтобы нас тут и застукали! — в его голосе появились нервозные нотки.
- Придётся вплавь, — проговорил Косыгин.
- Щас! — возмутился Репников. — И бросить лодку?
- А что ты предлагаешь? Оставаться тут до утра? Пока Васька не выйдет на берег и не...
- Тихо! — перебил приятелей Черенев. — Похоже, отпустило!
- Что?
- Мы движемся.
- Ну, слава Богу! — Косыгин с облегчением взялся за весло. — Давайте быстрее. Они направили лодку к темневшему в сотне метров левее острову.
- Раньше он казался больше, — сказал Косыгин, прищурившись. — Выше, что ли...
- Вспомни, какие дожди были всю предыдущую неделю, — отозвался, орудуя веслом, Черенев. — Уровень воды просто поднялся.
- Да, точно, — согласился Косыгин. — У меня на даче всю дорогу размыло. Пришлось хворосту накидать, чтоб в ворота заезжать.
- Приставать будем? — спросил Репников. — Или так выбросим?
- Как ты эту дрянь выбросишь? — спросил Черенев, показав на ведро с охладителем. — Её выливать надо.

— По идею, нам бы лопата пригодилась, — сказал Косыгин. — Вырыли бы ямку и там всё похоронили.

— Ну, трубу и так бросить можно, — возразил Репников. — На кой чёрт для неё могилу рыть?

— А вот охладитель не помешало б закопать.

— Всё равно в конце концов просочится через почву в реку. Можно было не париться, а просто за борт вылить.

— Нет уж, — не согласился Косыгин. — Природу беречь надо.

Черенев усмехнулся.

— Всё, приплыли, — объявил Репников, когда лодка ткнулась носом в камыши. — Ещё немного, и я выпрыгну на берег и вытащу вас.

Остров был даже меньше, чем казалось со стороны. Почти весь он зарос кустами, лишь ближе к центру возвышались три-четыре раскидистых дерева.

— Класс! — восторженно проговорил Черенев. — В детстве я мечтал пожить на таком острове хоть несколько дней. Поставить палатку и прятаться в ней от дождя. Вот здесь, кстати, вполне можно было бы это сделать! — он указал на небольшую полянку между деревьями. Трава здесь была короткая, и из земли торчали узловатые корни — похоже, ливни год за годом вымывали почву, пока они не обнажились.

— Да, остров детской мечты, — согласился Косыгин. — Но сейчас у меня нет никакого желания задерживаться тут надолго. Давайте быстренько закопаем эту дрянь и свалим, — он поставил на землю ведро с охладителем.

— Стоп! — сказал вдруг Репников. — Мужики, а чем мы будем копать? У нас же нет лопаты.

Все трое переглянулись.

— Почему мы об этом вспомнили только сейчас? — с досадой пробормотал Косыгин. — Ну ладно, можно вырыть ямку и кошкой.

— Кошкой? — с сомнением переспросил Репников. — Это неудобно. Возиться придётся минимум полчаса.

— Нам не нужна глубокая могила, — возразил Косыгин. — Небольшого углубления будет достаточно. Я схожу к лодке за кошкой.

Он скрылся за кустами.

— Не могу поверить, что мы страдаем такой фигней, — проговорил Черенев, глядя ему вслед.

— Да уж, — согласился Репников. — С другой стороны, чего удивляться? У него дома два фильтра для воды стоят.

— Ах да, точно, — Черенев усмехнулся. — Он же параноик в этом плане.

— Рыть будет сам. Я ковырять землю кошкой не собираюсь.

Появился Косыгин с крюком в руке.

— Ну вот, — сказал он, взвешивая его в ладони.

— Вперёд, — кивнул Репников. — За экологию.

Косыгин хмыкнул и, присев на корточки, вонзил кошку в землю. Его приятели стояли рядом и скучали, глазея по сторонам. От ведра поднималась

струя пара и тут же таяла в ночном воздухе.

— Блин! — пробормотал Косыгин. — Что за...?

— В чём дело? — спросил Репников, опуская глаза.

— Кошка за что-то зацепилась!

Крюк действительно не хотел освобождаться. Косыгин потащил сильнее, дёрнул, и из земли показался старый грязный кроссовок. Когда-то он, вероятно, был белым, но теперь с уверенностью судить об этом было нельзя. Кожа подгнила и отошла от резиновой подошвы, шнурки превратились в лохмотья.

— Ничего себе! — повернув кроссовок в руках, Косыгин отбросил его в сторону. — Откуда здесь это?

— Кто-нибудь забросил, — предположил Черенев, зевнув. Он взглянул на часы. — Поздно уже, давай быстрее.

— Стараюсь! — буркнул Косыгин, снова вонзая в почву крюк.

— Бросить никто его сюда не мог, — возразил Репников. — По той простой причине, что кроссовок был закопан.

— Тоже верно, — равнодушно согласился Черенев. — Больше похоже на то, что кто-то из местных устроил тут помойку. Закопал свой мусор. Не удивлюсь, если сейчас ещё что-нибудь попадётся. Консервные банки там или...

— Может, в другом месте покопать? — перебил его Репников, обращаясь к Косыгину.

Тот отрицательно помотал головой.

— Нет уж, с нуля я начинать не собираюсь.

— Может, спяну просто кроссовки кто-нибудь зарыл, — помолчав, предположил Черенев. — Приплыли на остров, побухали, а потом закопали кроссовки.

— Да без разницы! — отозвался Косыгин.

Он потянул кошку, и из земли вылезла тряпка.

— Блии-и-и! — Косыгин со злостью бросил крюк на траву и встал. — Похоже, тут всё-таки помойка.

— Смахивает на рубашку, — заметил, присмотревшись, Репников.

— Раз уж здесь всё равно помойка, может, выльем охладитель прямо сюда, — предложил Черенев. — Хуже не будет.

— Ладно, — подумав пару секунд, согласился Косыгин. — Давайте.

Репников подал ему ведро.

— Прости, матушка-природа, — усмехнулся он, когда Косыгин начал выливать охладитель, постепенно наклоняя ведро.

По траве потёк белый пар, приятелей обдало холодом.

— Страйтесь не дышать, — посоветовал Косыгин. — На всякий случай.

Через двадцать секунд дело было сделано.

— Всё! — констатировал Косыгин, распрямляясь. — Мотаем отсюда.

— Наконец-то, — отозвался Репников.

Все трое направились к лодке. Только Черенев обернулся, чтобы взглянуть на стелящийся по земле пар — его было много, и он не рассеивался. Белое облако клубилось между окружавшими поляну кустами и поднималось всё выше, увеличиваясь в размерах. Особенно густой туман был там, где Косыгин

вылил охладитель — из почвы словно выплескивалось что-то белое. Похоже, вещество вступило в реакцию с...

Черенев представления не имел, с чем именно. Он немного задержался, потом окликнул своих товарищей.

— Подождите меня пару секунд, — попросил он.

Репников в ответ неразборчиво выругался.

— Припёрло, что ли? — отозвался Косыгин. — Давай по-быстрому.

Черенев вернулся в центр поляны, шагая в клубах тумана. Пар плотно обволакивал его обувь и поднимался почти до самых колен. Из-за него не было видно, что происходит с землёй. Не зная толком, зачем он это делает, Черенев присел и разогнал клочья пара. Теперь ему стало ясно, что земля просела — её будто разъело охладителем.

В чёрной жиже белели какие-то кости. Почва вокруг них пузырилась и тихо шипела — химическая реакция продолжалась. Черенев протянул руку, но остановился на полпути. Ему стало не по себе. Кости напоминали рёбра, причём довольно крупные. И тот факт, что поверх них были закопаны рубашка и кроссовок, наводили на определённые размышления.

— Ну, ты долго там? — из кустов вышел Репников. — Блин, что ты вообще делаешь?!

Черенев резко встал.

— Ничего, — ему захотелось как можно скорее покинуть этот крошеный остров. — Иду.

Они вышли на берег, где в лодке их уже ждал Косыгин.

— Прикинь, он разглядывал пар, — пожаловался на приятеля Репников.

— Делать нечего? — буркнул Косыгин. — Сталкивай теперь нас, — сказал он Череневу.

Репников залез в лодку, а Черенев спихнул её в воду и запрыгнул сам. Раздался тихий всплеск.

— Уже три часа ночи! — проговорил, взглянув на запястье, Косыгин.

— Давно были бы дома, если б тебе не приспичило закапывать эту фигню, — отозвался Репников.

Приятели взялись за вёсла и начали грести. Черенев бросил взгляд назад. Белый туман поднялся над кустами и был отчётливо виден. Его клочья наползали на берег, почти касаясь воды. Откуда-то налетел резкий порыв ветра и всколыхнул камыши. Они закачались с легким шелестом, в котором Череневу послышался едва различимый стон.

— Давайте быстрее, — сказал он приятелям.

— Может, ты сам возьмёшь весло? — с сарказмом предложил Репников.

Черенев промолчал.

Лодка постепенно отдалась от острова. Белый пар уже просочился сквозь прибрежные кусты и теперь стелился над чёрной поверхностью воды. Репников зябко поёжился.

— Надо было теплее одеваться, — пробормотал он. — Похолодало чего-то...

— Меня греет мысль о том, что Васька лишился своей навороченной системы, — отозвался Косыгин. — А в особенности то, что он никогда не поймёт, в чём дело.

— Ну, рано или поздно, может, и разберётся, — возразил Репников. — Догадается

вытащить трубу-то проверить.

— В любом случае, на это уйдёт не один день, а то и неделя, — сказал Косыгин. — Да и ремонт ему вылетит в копеечку.

— Ладно, главное, что ты, наконец, удовлетворён. Полегчало?

— А знаете, да. Конечно, паршивая труба не сравнится с женой, но... — Косыгин махнул рукой. — Чёрт с ним! Пусть живёт.

— Похороним свои обиды... — начал было с ироническим пафосом Репников, но в этот момент весло выскользнуло у него из рук и исчезло в воде.

— Ты чего? — удивился Косыгин. — Зачем весло утопил?

Репников выругался.

— За что-то зацепилось! — сказал он. — Его просто выдернуло у меня из рук!

— Ладно, как грести будем?

— Откуда я знаю? Наверное, поочерёдно.

— Это что значит?

— Ну... гребок с одной стороны, потом — с другой.

— То есть, я один надрываться буду?

— А кто нас сюда притащил? — повысил голос Репников. — И, между прочим, если б не твоя ревность, моё весло сейчас было бы на месте. Я и так потерял за одну ночь и его, и якорь.

— Сказал же, что возмезду, — ответил Косыгин. — Ладно, доплыvём. Сейчас погребу, а потом ты меня сменишь, — добавил он, обращаясь к Череневу.

Тот кивнул, глядя на воду. Ему показалось, что ближе к поверхности промелькнуло что-то светлое.

Минуты три плыли молча.

До того места, где оставили машину, было метров пятьдесят, когда погрузивший весло в воду Косыгин вдруг резко качнулся влево, навалился боком на край лодки и окунулся с головой в реку. Его ноги взметнулись вверх, лодка, просев, зачерпнула бортом, и Косыгин с тяжёлым всплеском кувырнулся в воду. Черенев с Репниковым едва удержались, чтобы не последовать за ним. Секунды четыре они были в оцепенении, а потом кинулись вытаскивать товарища.

Косыгин баражтался изо всех сил и орал, как резаный. Ни о какой конспирации больше не могло быть и речи.

— Да заткнись ты! — хватая его за мокрую одежду, прошипел Репников. — Сейчас сюда все местные сбегутся, и Васька твой с ними!

Но Косыгин не слушал. Он лупил руками по воде, выпучив глаза и широко разинув рот.

Череневу удалось вцепиться в его рубашку. Вдвоём с Репниковым они потянули, но Косыгин был слишком тяжёл — он ушёл под воду, пуская пузыри.

— Держи! — крикнул Репников.

— Держу! Блии-и-ин! — Черенев чувствовал, как Косыгин неумолимо опускается на дно, и мокрая ткань выворачивается из пальцев. — Не могу больше!

Репников рядом закряхтел. Похоже, он тоже держал из последних сил.

— Да что такое! — вырвалось у него.

В этот миг Черенев почувствовал, что пальцы больше ничего не сжимают. Он взглянул на Репникова. На лице у того появилось испуганное выражение.

— Ты держишь? — спросил он, повернув голову.

— Нет.

Репников выругался. Тяжело дыша, оба приятеля опустились на дно лодки.

— Неужели утонул? — проговорил Черенев.

— Не знаю. Наверное. Не пойму только, почему. Он же умеет плавать.

— Может, приступ?

— Инфаркт?

— Ну, да.

— С чего бы?

— Откуда мне знать?

Приятели огляделись. У них больше не осталось вёсел, и они не могли управлять лодкой. С удивлением они обнаружили, что от воды поднимается туман — как раз в том месте, где полминуты назад исчез Косыгин.

— Смотри, — прошептал Репников. — Что это за фигня?

— Не знаю.

— Что будем делать? Руками грести?

Черенев с сомнением посмотрел на чёрную реку.

— Видел, как его дёрнуло? — спросил он.

— Ну, и?

— Похоже, его весло тоже за что-то зацепилось, — неуверенно произнёс Черенев.

Репников помолчал. Лодку начало закручивать течением. Её сносило на стремнину.

— Знаешь, честно говоря, у меня было ощущение, что весло у меня просто вырвали, — признался он вдруг. — Бред, конечно...

— Смотри на пар, — сказал Черенев.

Белые клубы окружали лодку, становясь всё гуще. Это уже было похоже на плотное кольцо, и оно всё увеличивалось в размерах.

— Я уже берега не вижу, — проговорил Репников. Голос у него предательски дрогнул. — Может, погребём, пока нас совсем на середину реки не унесло?

Черенев осторожно выглянул за борт, разогнал туман и всмотрелся в воду.

— Что ты там ищешь? — нервно спросил Репников.

— Не знаю...

Черенев склонялся всё ниже, не замечая этого. Вот он упёрся ладонями в упругий чёрный край лодки, голова его опустилась.

— Осторожно, — окликнул его Репников, сам не зная, почему испытав приступ страха.

— Холодно, — проговорил Черенев.

Он увидел, как из глубины проступает нечто белёсое, расплывчатое. Оно всплывало, становясь всё чётче, и, наконец, стало ясно, что это мужское лицо. Черенев почувствовал, как тело его леденеет, а сердце начинает биться сильно и гулко. Он не мог оторвать взгляда от уставившегося на него человека, как не мог произнести ни одного слова.

— Ладно, хватит плятиться в реку, — вздохнул Репников. — Давай грести, пока...

Он не договорил, потому что увидел, как из воды высунулась голова с короткими мокрыми волосами, а вслед за ней показались руки со скрюченными

пальцами. Кожа была бледная и казалась полупрозрачной. Немигающий взгляд был направлен на склонившегося над лодкой Черенева. Бровей не было, а по лбу шла вертикальная рана — словно человека ударили топором.

Синие губы скривились в торжествующей усмешке, а затем руки метнулись к Череневу, схватили и потащили вниз. Тот не издал ни звука и через пару секунд исчез в воде.

Репников вскочил и закричал. Он не орал так никогда в жизни. Его трясло, и он чувствовал, как холод стремительно проникает в него, лишая мышцы подвижности. Туман поднимался вокруг лодки сплошной белой стеной, клубился и казался живым...

Репникову мучительно захотелось, чтобы всё это было сном — просто при-виделось ему — и он очнулся прямо сейчас в своей квартире и понял, что никуда они не ездили и не плавали, а напились и заснули в...

Дно лодки качнулось, вода вокруг забурлила и начала заливаться через борта — кто-то невидимый тянул лодку вниз! Так ребёнок, играя в ванне,топит пластмассовые корабли, заставляя их постепенно заполняться водой и опускаться на дно.

Репников покачнулся, взмахнул руками, но не удержался и упал плашмя, но не в реку, а на лодку. Он лежал, не в силах пошевелиться, скованный холодом, понимая, что тонет.

Когда река сомкнулась над ним, он увидел приближающееся белое лицо с синими губами, на которых змеилась зловещая улыбка. Остекленевшие глаза заглянули ему в душу, а затем ледяные пальцы сомкнулись на шее, и дышать стало нечем...

Андреев бодро шлёпал в резиновых тапках по деревянным мосткам. На шее у него висело полосатое полотенце, на запястье тикали водонепроницаемые пластиковые часы.

Вот уже почти год он был счастливо женат. Правда, это стоило ему дружбы с Косыгиным, но, в конце концов, друзей можно и новых завести, а настоящую любовь, бывает, и за всю жизнь не встретишь.

Андреев остановился на краю мостков, снял с шеи полотенце, повесил его на специальные перила, расправил. Несколько раз вдохнул полной грудью, покрутил руками, глядя вдаль, на островок, торчавший ближе к середине реки. Этот пейзаж вызывал у Андреева смешанные чувства — злобу и удовлетворение. Хотя в последнее время второе преобладало.

Когда он застукал свою жену с любовником — он подозревал эту стерву, но не мог до последнего поверить, что она с кем-то трахается у него за спиной! — что-то затмило его разум. Он схватил топор и ударил гада прямо в лоб! Тот рухнул замертво.

Жену Андреев утопил. Оставил её вещи на берегу, чтобы казалось, будто она утонула, когда купалась.

Труп любовника он расчленил, отвёз на остров и закопал вместе с одеждой, сверху настелил аккуратно срезанный дёрн. Потом он однажды сплавал туда, чтобы посмотреть, всё ли в порядке. Трава прижилась, пустила корни и сцепила дёрн с почвой.

Как его звали...? Андреев не помнил. А может, никогда и не знал. Этот парень

просто приезжал время от времени в соседний дом — одноэтажный, деревянный — и бегал по округе, а потом плавал, сильными гребками пересекая реку в обе стороны. Наверное, Марина наблюдала за ним...

Андреев обвёл взглядом речную гладь. Когда-то он купался каждый день, но после смерти жены долго не приезжал на дачу — не хотел сыпать соль на рану. Потом затеял перестройку дома. Дело шло медленно, да он и не торопился: это был повод не проводить время здесь. Однако новая супруга изъявила желание отдыхать на природе, и вот они приехали. Мансарду достроили ещё полтора месяца назад, так что дом был готов.

В это утро воспоминания о той ночи оставили Андреева равнодушным. Похоже, вместе с ревностью к мёртвой жене, вместе со злостью на неё, прошли и все остальные чувства, связанные с событиями той ночи и с островом. Теперь, начав новую жизнь, он был счастлив.

«Пусть прошлое останется похороненным», — усмехнувшись, подумал Андреев.

Зябко поёжившись — утро выдалось на удивление прохладное — он поднял руки над головой и нырнул в реку, взметнув клочья лёгкого тумана, лежавшего в зарослях камыша.

БОГДАН ГОНТАРЬ

От автора: «Это первый мой рассказ, идея возникла спонтанно. В принципе, даже идеи-то не было, были лишь образы ведьм из финальной сцены. Начал писать, на ходу придумывая сюжет, и в итоге получился такой результат».

Поднимая пыль, мотоцикл пролетел мимо пруда и с визгом затормозил у покосившегося забора. Леха уже стоял у калитки, издали заслышиав рев порванного глушителя.

Федька поставил мотоцикл на подножку, окинул друга оценивающим взглядом:

- Ты чего такой мрачный?
- Да чего-чего... Сестра с центра приехала. Теперь обратно комнату ей освобождать.
- Надолго приехала? — Федька помнил Наташку, старшую Лехину сестру, уезжавшую учиться в педагогический.
- Навсегда. Будет в школе у нас преподавать.
- Ну, здорово же.
- Да что тут «здраво»? Комнату, говорю, обратно ей освобождать пришлось. А с ней еще три подруги приехали на неделю. Я на веранде теперь живу. Охренеть, как здорово, не могу прям.
- Ну, неделя-то это не страшно.
- Не страшно, — согласно кивнул Леха.
- Да и теперь целый гарем у тебя дома.
- В гробу я видел такие гаремы. Мне кажется порой, они тупеют там в своем университете, а не образование получают.
- Скрипнула дверь дома, и во двор вышла Наташка в легком цветастом сарафане.
- Привет, Федор! — Она всегда, сколько Федька себя помнил, обращалась к нему «Федор», солидно так, по-взрослому, и он от этого безнадежно краснел.
- Как жизнь? — Лукавая улыбка играла у нее на губах, и Федька уставился себе под ноги, приглаживая вихры потной ладонью.
- Да нормально. Жизнь, как жизнь, ничего нового.
- Поступать куда думаешь после школы?
- Да пока не думаю. Окончить еще надо. Может, в технарь.
- Наташка недоверчиво округлила глаза:
- Да ну, какой тебе технарь. Тебе в университет надо, в город. Там-то тебя научат тому, о чем в технаре и не слыхали.
- Обдала Федьку любопытным взглядом зеленых глаз и пошла к теплицам за домом.
- Красивая она у тебя вымахала, — завистливо процедил Федька, глядя ей вслед. Леха недоуменно глянул на товарища:

— И толку, что красивая? Мне ее красота до одного места.

— А подруги у нее тоже ничего? Где они сами-то?

Леха покраснел и ничего не ответил.

Федька расхохотался.

— Что, подглядывал за ними в душе уже, а? Смотри, волосы на ладонях растя начнут.

— Иди ты. Не подглядывал. Странные они. Как приехали, из дома выходят только вечером затемно. А так сидят в комнате, как сычихи, а Наташка им — принеси-подай. Фифы городские. И Наташка сама странная стала. Она ж как с ментом своим рассталась, сама не своя. А он ей все угрожал-угрожал, а потом раз — и пропал, ни слуху, ни духу. С нами она не говорит почти. Пропадает с девками своими по ночам, не пойми где. Шаболды, мать их за ногу.

— Слушай, ну ты не грузись так из-за сестры. Не повод огорчаться.

— Да, не повод, — Леха помрачнел, глядя под ноги. — Еще Булат пропал.

Булатом Леха нарек щенка, которого месяц назад приволок с рыбалки — подобрал где-то в окрестностях озера и, проявив неожиданную твердость, поставил родителей перед фактом, что щенок будет жить у них. Леха был уверен, что вырастет из него настоящая кавказская овчарка, и, судя по габаритам пса, был недалек от истины.

— Куда пропал?

— А кто его разберет. Утром сегодня встал — нет. Звал, звал, всю округу обегал — без толку.

— Может, за сукой какой свалил, прибежит еще.

— Да какая сука, ему месяца три всего! Батя это! Он сразу сказал, что прибьет его. Вот и завалил исподтишка. — Леха, злобно скривившись, пнул калитку. — Я ему это припомню еще. Ладно, давай, до вечера, мне тут по двору дела еще доделывать. Будь готов, я зайду.

Развернулся и побрел в дом, понурившись. Федька завел мотоцикл, дал пятачка на узкой улочке и помчал к своей околице, поднимая столб пыли.

Дома он отмылся в летнем душе под холодной, не успевшей прогреться за день водой. Похлебал окрошки, погрыз зеленой еще, кислой антоновки и упал читать книжку про пиратов, да не заметил, как задремал за чтением. Разбудил его разбойничий посвист за окном. Федька распахнул форточку, и из сумерек пахнуло свежестью и вечерней росой.

— Спишь, что ли, там? — Лехино шипение.

— Сейчас вылезу. Жди.

Федька наскоро оделся, прошел через зал, где мать смотрела телек.

— Куда собрался? — услышал он ее голос, обуваясь в прихожей.

— Я в Петровское, на танцы.

— Чтоб к полуночи дома был! И без приключений!

— Ну, мам, разумеется. Все, папке не говори. Я приду, в окно залезу, чтоб вас тут не тревожить. Не скажешь?

— Ладно, не скажу, — сварливо, но с усмешкой протянула мать. — Самогонку не вздумай пить, подлец, опять весь ковер заблюешь.

— Не буду. Все, пока! — и он вынырнул в темную прохладную веранду,

а оттуда сбежал по ступеням во двор. Свернул в сторону от дороги к саду, где, сидя под яблоней на корточках, дымил сигареткой Леха.

— Ну что, двинули?

— Двинули. — Леха, притворно кряхтя, встал, и они пошли длинным тенистым садом, вслушиваясь в стрекотание сверчков.

Сад вывел их к полям, раскинувшимся налево до самого горизонта. Впереди мигало огнями Петровское, а слева, невидимая, тянулась дорога. По дороге идти было дальше, она делала широкий круг, огибая огороды и выпасной луг, поэтому вся деревня ходила по заросшему и заброшенному проселку через поля. Перешли, стараясь не наступать на грядки, огород Федькиных родителей, лежащий прямиком за садом, и выбрали к тропке. Небо над головой стущалось темным киселем, веяло прохладцей, и в воздухе свежо пахло близкой грозой.

— Как бы не накрыло, — беспокойно огляделся Леха.

— Накроет — побежим.

Издалека ветерок принес стук поезда по отполированным рельсам.

Шли молча, вдыхая сладкий запах трав. Через какое-то время Федька взгляделся в полумрак впереди — кто-то шел навстречу. Пять минут спустя они поравнялись с братьями Куравинами. Те шли из Петровского, двое волокли на плечах третьего. Черные, словно в саже, вечно озлобленные, дыхнули самогоном, сверкнули золотыми зубами:

— Что, ребятки, отдохнуть?

— Ага, вы-то, смотрю, отдохнули уже! — Федька, ухмыляясь, кивнул на обмякшего посередине.

— Рот закрой, — сказал левый Куравин.

— Ему петровские голову бутылкой разбили, — добавил правый. — Сейчас дома замотаем, наших поднимем и поедем их метелить, так что вы аккуратней там.

Федя сочувственно покивал, пообещал обязательно быть поаккуратнее. Переодинувшие Куравины, крякнув, вскинули брата на плечи и поволокли его дальше.

Вскоре ребята, сойдя с тропки и поплутав темными узкими переулками, вышли на центральный ярмарочный пятак Петровского, ударивший по ушам гомоном и шумом. Из ДК гремела музыка, мимо пронесся «Жигуль» с пьяной компанией, у магазина бурлила очередь за пивом, назревала ленивая драка. Мальчишки обошли площадь по периметру и вышли к крыльцу ДК, выглядывая своих, но знакомых лиц не было, и они зашли внутрь.

Пахнуло в лицо густым сигаретным смогом, под ногами неприятно зачавкала липкий от пролитого портвейна паркет. Узкий предбанник, куда всех выгоняла курить вахтерша, был заполнен петровскими, и Федька ловил на себе недружелюбные взгляды, но обошлось без конфликтов. Они прошли в актовый зал, откуда к субботней дискотеке поубирали ряды скамей и поставили по периметру пластмассовые столики со стульями. Весь дым из холла тянуло сюда, и было ощущение, что кто-то включил дым-машину — резало глаза. Федька заприметил Наташку и потянул растерянно озирающегося Леху за рукав.

— Привет! — он попытался перекричать музыку.

Наташка улыбнулась ему, и указала рукой на свободные места рядом

за столиком.

В центре импровизированного танцпола отплясывало пятеро уже явно пьяных девчонок. Все остальные стояли вдоль стенки, лениво потягивая пиво. Народ только начинал собираться, и во всем зале можно было насчитать от силы человек тридцать.

Леха сидел, скованный и напряженный. Федька тоже чувствовал себя неуютно в чужом селе без толпы товарищей, однако виду не подавал. От стоявших у стенки парней отделился один и двинулся к ним. Подошел к Наташке, улыбнулся ей, блеснув из-под черной дагестанской щетины белыми зубами, наклонился и зашептал ей что-то на ухо. Леха набычился, глядя на кавказца исподлобья. Федька тоже напрягся. Наташка, не оборачиваясь к незнакомцу, скептически подняла бровь, и бросила ему какую-то короткую фразу, прерывательно скривив губы. Тот потемнел лицом, сверкнул взглядом и двинулся обратно. Леха расслабился и откинулся на стуле.

Наташка извлекла из сумки бутылку вина, протянула ребятам. Леха попробовал было запротестовать, но Федька перегнулся через него и взял пузырь. Отпил, дал Лехе, тот нехотя хлебнул и вернул сестре. Она ободряюще улыбнулась мальчишкам и оставила бутылку на столе, а сама встала и направилась в туалет. Из глубины зала поднялись три темных стройных силуэта и, двигаясь вдоль стены, выплыли за ней. Федька с Лехой посидели, поцедили кислое винище и пошли на крыльцо.

Из крикливой толпы перед ДК выскочил и направился к ним Терех, учившийся на год старше Федьки.

— Привет, пацаны! Есть бабки?

Пацаны с подозрением уставились на него исподлобья.

— Да не ссыте вы. Мы на самогон скидываемся толпой, айда с нами! — и повлек Федьку с Лехой за собой. Сбоку от ДК, устроившись в тени палисадника, на корточках полукругом сидели еще пятеро одноклассников Тереха. Сверкали уголки, звенела мелочь, гудел раздраженный шепоток.

— Толян! — крикнул один из них Тереху. — Еще сотку надо, мы пересчитали все.

Федька вытащил из кармана мятый полтинник. Леха зазвенел медяками.

— О, живем! — крайний слева в полукруге поднялся и подошел, протягивая руку для знакомства. — Вован! — представился он, пыхтя папиросой. — Благодарим, пацаны, выручаете! С нами будете?

— Будем, — ответил Федька за двоих. Леха за его спиной согласно кивнул.

— Это по-нашему! — одобрительно осклабился Вован и, закинув руку Федьке на плечо, поволок знакомить его с остальными.

За ДК всей компанией проскользнули в дыру в заборе. Пробрались через густой сад, заросший бурьяном и дикой яблоней, и вышли к застекленным теплицам. Терех обернулся к Федьке и Лехе:

— Так, пацаны, партзадание. Яблок нарвите на закусон, пока мы ходим. У вас пять минут, — и скрылся с товарищами за теплицами, оставив ребят одних в чужом саду.

— Тупо как-то вышло, зачем только деньги отдали, — пробурчал Леха. — Хрен они вернутся.

— Ну, посмотрим. Давай яблоки рвать, что еще делать, — и они принялись набивать карманы маленькими неспелыми яблочками, шурша ветвями.

Минут через семь за теплицами раздался шорох. Ребята присели, напряженно вглядываясь в темноту.

— Э, пацаны, вы тут? — послышался хриплый шепот Тереха. — Идите сюда, на аллею высокочим.

Прошли через теплицы, миновали покосившийся домишко с единственным горящим окном.

— Тут берем, — Толян ткнул пальцем в дом. — Бабка лучший самогонище делает.

Со двора вышли на тенистую вишневую аллею, прошли к видневшейся в темноте беседке. На скамьях сидела пятерка тереховских друзей, на столике покоилось ведро самогона, ужасавшее объемами таящегося в нем пойла. Вован выдал всем по пластиковому стаканчику.

— Яблок нарвали?

— Да, — содержимое карманов как раз уже выкладывалось на стол.

— Красавцы. Держите стаканы, черпайте прям так.

Запах самогона, кисловатый и пробивной, заставил Федьку поморщиться.

— Что ты там нюхаешь? Его пить надо, — ощерился Вован, пыхтя папиросой.

Федька, выдохнув, опрокинул в себя содержимое стаканчика. Самогон пролетел легко, лишь чуть-чуть обдав пищевод огоньком. Справа от него Леха закашлялся, выпучив глаза. Компания засмеялась.

— Ничего, сейчас привыкнешь, — подбодрил Терех Леху.

Ребятам уступили место на скамейке. Выпили еще, закусили, морщась от оскомины, кислыми яблоками. Завязалась незатейливая беседа, разбавляемая негромким дружным смехом.

Через полчаса, тарахтя мотором старого разбитого «Днепра», подкатили Куравины, злые и заряженные. Третий брат сидел с перебинтованной головой в люльке, хмуро зыркая по сторонам.

— Эти что тут делают? — мотнув головой в сторону Федьки и Лехи, спросил один из Куравиных.

— Да успокойся, это ж наши, накатят с нами, посидят. Без них не купили бы, — вступился Вован.

— Ладно, — сменил гнев на милость Куравин. — Скоро Ильшат подвалит со своими. Поедем петровских ловить. Мелких с собой не берите.

— Да не вопрос, нечего им там делать.

А потом коварный самогон затуманил подростковый разум, и Федька запоминал все смутно. Пойло наподдало ему по голове, и он, пьяно пошатываясь, встал и прислонился к столбу беседки, силясь прийти в себя. А через какое-то время действительно подъехал Ильшат с братьями, и их с Лехой отправили восьмаяси. Они поплелись обратно к ДК.

— Ну что, на дискач-то пойдем? — борясь с заплетающимся языком, спросил Федька у товарища.

Леха покосился на вход в ДК, откуда громыхала басами музыка, и скривился.

— Значит, не пойдем, — и они свернули к лавочке возле закрывшегося магазина.

Сидели, курили, глазели по сторонам, вдыхая ароматы субботней ночи. Мимо проходили целующиеся пары, веселые компании, грустные одиночки. Кто-то, уже изрядно навеселе, танцевал возле самого Дома культуры. Издалека раздался приближающийся рев мотоциклов, пролетели мимо улюлюкающие Куравины и вечно сосредоточенный Ильшат со своими угрюмыми горцами. Дискотека была в разгаре.

Гроза незаметно обошла Петровское стороной, и теперь вдалеке на западе то и дело появлялись росчерки молний. Над головами же небо было безоблачно-черным.

Докурили пачку на двоих. Леха заклевал носом, Федька начал жалеть, что скинул последние деньги на самогонку, уже успевшую выветриться из головы. Лениво огляделся, выискивая пытливо, у кого бы стрельнуть сигаретку, но кругом были местные, петровские, и он не стал рисковать. Надумал было пойти в ДК, как вдруг оттуда на широкое побеленное крыльце вышла Наташка. Вслед за ней тремя тенями выплыли ее подруги, о которых говорил утром Леха. Наташка обвела глазами пятак, и взгляд ее каким-чудом выхватил устроившихся в тени ребят. Все четверо направились к ним. Федька пихнул товарища в бок, но тот среагировал лишь невнятной руганью.

— Да проснись ты, дебил, сестра твоя идет.

Леха резко встрепенулся, лупая по сторонам растерянными пьяными глазами. Завидев Наташку, он съежился, втянул голову в плечи.

Девушки подошли к ним. Наташка окинула ребят смешливым взором:

— Что, Федор, споил братца моего? Стыдно-стыдно.

Федька потупил взгляд, и Наташка рассмеялась, по-доброму, искренне и весело.

— Да ладно тебе, не бойся! И ты, Лешка не бойся. Не расскажу никому. Сама, что ли такой не была? — она снова засмеялась и потрепала вихрастую Федькину голову. От руки пахло сигаретами и вином. — Эх, был бы ты, Федор, постарше...

Федька, переборов смущение, поднял голову. Наташка стояла перед ним, глядя сверху вниз, и даже в темноте он видел изумрудную зелень ее глаз, белоснежная улыбка едва не слепила его, а вороные волосы были чернее смородинового неба. Федька набрался смелости и оглядел ее подруг. Все, как на подбор, темноволосы, высоки, ладны и одинаково красивы, а оттого невыносимо чужды такой глухомани. Подруги одарили вконец раскрасневшегося Федьку ласковыми улыбками, одна незаметно от других помахала ему рукой.

Леха сидел, набычившись, и не глядя на Наташку.

— Братик, — обратилась она к нему. — Мы с девочками пошли на озеро купаться. Было бы здорово, если бы ты оказался дома раньше меня. Не расстраивай сестру.

И она, подмигнув на прощанье Федьке, пошла по темной и притихшей улочке, а подружки двинулись вслед. Только сейчас Федька обратил, что все четверо были в одинаковых черных платьицах до колен.

— Леха, слышишь, пойдем за ними?

Тот перевел на Федьку осоловелый взор:

— Куда?

— Они же на озеро купаться! Пойдем, поглядим!

— Да ну их к черту. И правда, пойду домой, башка раскалывается. И ты за ними не ходи, не на что там смотреть.

Леха с трудом поднялся и, не дожидаясь товарища, поплелся к выходу на проселок.

Федька с досадой сплюнул ему вслед. Взвился на ноги, будто и не пил, и трусцой отправился догонять девушек.

Если бы не различил их каким-то чудом во мраке впереди, точно бы налетел на бегу — Наташка с подругами шли молча, в абсолютной тишине. Не выпуская из поля зрения четыре темных фигурки, Федька покрался за ними, держась в тени высоких заборов, не сокращая дистанцию и стараясь как можно мягче ступать, чтобы не выдать себя предательским хрустом веток под ногами. Вышли на дорогу. Тут прятаться было уже негде, и Федька просто пошел следом за девушками, держась метрах в пятидесяти позади, чтобы не потерять их из виду. Благо, они так и шли, не оглядываясь. Командирские часы показывали час ночи. Домой он опоздал, хотя и не мог взять в толк, как так быстро пролетело время. Небо начало светлеть, из иссиня-черного становясь свинцово-серым. Федьку одолевало возбуждение в предвкушении грядущего зрелища. Накатившую возле ДК сонливость как рукой сняло. Ватные недавно ноги налились силой и пружинили при каждом шаге. Шли в тишине. Дорога пустовала. Лишь за спиной гудело пьяным граем Петровское, да ровно шелестели, перешептываясь, деревья у дороги.

Вопреки ожиданиям, девушки свернули не к озеру, направо через поля, а в тополиные посадки, налево. Полоса деревьев уходила от дороги метров на сто, а за ней раскидывался бескрайний луг, где никаким озером и не пахло. В недоумении Федька свернул за ними, пристально вглядываясь в переплетение веток: авось, заметили, да одурачить хотят, кто их, девок, знает. Но нет — четыре силуэта бесшумно шли через сырой сумрак, аккуратно ступая на влажную землю и беззвучно, так что не шуршал ни единый листок, отводя ветви. Федька со всей своей сноровкой не мог так тихо передвигаться и крался, морщась при каждом хрусте из-под ног. Идя за ними след в след, едва не наткнулся на гнездо шершней, лишь по размеженному гулу угадав его в паре метров перед собой. Пришлось сворачивать и огибать опасное место. Вскоре деревья поредели, и Федька увидел луг, ровный, как столешница, покрытый высокой до колена травой, колышущейся под порывами ветерка. Девушки стояли на кромке леса, лицом к лугу, взявшись за руки. На головах их красовались невеста откуда взявшиеся венки, плетенные из ярких полевых цветов. Федька замер и присел, а после и вовсе прилег на прохладную сырую землю. Одолеваемый любопытством, он тихонько раздвинул ветви кустарника перед собой и смотрел, не отводя взора.

Девушки разделились. Наташка развернулась и двинулась обратно в лес, пройдя метрах в пяти левее затаившего дыханье Федьки. Он снова не услышал ни шороха шагов, ни шелеста ветвей, будто и не шел никто вовсе. Трое оставшихся на лугу пришли в движение. И такого движения Федька отродясь не видал. Ломано, неестественно выгнувшись они в спинах, раскинули в стороны руки, растопырив пальцы с длинными ногтями. Наклонились вперед,

стелясь к самой земле. Головы их раскачивались над самыми верхушками трав. Влево-вправо водили они черными своими головами, словно силясь унюхать что-то утекающее, убегающее от них по ветру. Федька увидел, как шевелятся их бледные губы, раздраженно и озлобленно, и тут же до него до несся почти неразличимый шепоток, нарастающий, вкручивающийся невидимым буром в уши. Две, что стояли по бокам, начали расходиться в стороны, все так же низко наклонившись и остервенело шепча что-то беспокойным травам. Глаза их были широко распахнуты, но шли девушки будто сослепу, шаря расставленными руками в потоках ветра, шевеля когтистыми пальцами. Черными хищными птицами они встали в широкий треугольник. Задрожали, словно озябнув. Шепоток стал громче, добавились нотки хрипотцы, готовой сорваться визгом. Хрипели, шептали они всего одно слово, обомлевший от ужаса Федька теперь это слышал. Жадно дергая головами, принюхиваясь и прислушиваясь, вопрошали они у ветра и трав:

— Где?
— Где?
— Где-где?
— Где?!
— Где-где?!

Не было им ответа. Все так же молчал равнодушный ветер, и играла под ним безразличная трава. Гrimасы злобы и бессильной ярости все сильнее и отчетливее перекашивали некогда прекрасные лица, и они нетерпеливо выкрикивали:

— Где же?
— Где-где? Где?
— Где-е-е?!
— Где? Где? Где?!

Забились в неистовстве, запорхали узловатыми руками, защелкали челюстями, одна высоко заверещала, закинув голову вверх к небу:

— Где? Где же?
Остальные верно вторили ей:
— Где? Сука! Где? Где? Мразь! Где?
— Где? Тварь! Тварь! Тварь!
— Где-где? Где? Где-где? Ублюдок! Где!

Федька почувствовал неодолимое желание сорваться бегом, напролом через хлещущие по лицу ветки рвануть к дороге подальше от этого треклятого луга, но страх оказался сильнее. Страх сковал его, не давая возможности шевельнуться и пальцем. Краем глаза он заметил движение слева. Мимо него, еще ближе, чем раньше, прошествовала Наташка, прижав что-то к груди одной рукой. В другой она несла свежесрезанную разлапистую ветвь, сощающуюся вязкой жидкостью. Федька отчетливо уловил запах елея, столь знакомый ему по рождественским богослужениям. Наташка вышла на луг, и ее подруги замерли, лишь мелко подрагивая плотоядно оскаленными головами в венках. Глаза их словно заросли бледными бельмами, едва выделяясь на фоне белоснежной кожи, тонкой, как бумага. Черные одеяния завились

вокруг худых, усохших тел игривым дымом. Невидящие очи провожали Наташку, пока она обходила треугольник по кругу, очерчивая этот круг ветвью с елеем. Как только она вернулась в точку, откуда начала круговое движение, ветер внутри замкнутого кольца словно прекратился. Трава расправилась и замерла. Набухшее жирными тучами небо притянулось к земле, и ночь осипалась по горизонту, обнажив серый купол. В хищном восторге замерли три девушки. Наталья осторожно, будто боясь оступиться, вошла в центр треугольника. Взмахнула ветвью на запад снизу-вверх, справа-налево. Затянула тонким переливчатым голоском одну ноту под одобрительный хрип подруг. Взяла то, что прижимала к груди, в две руки и подняла вверх над головой. В ее руках протяжно заскулил Булат, дрожа от страха. Наташкины подруги хрипло разразились одобрительным клекотом, жадно устремив вытянувшиеся ощеренные пасти в сторону щенка. Наталья опустилась на колени, по грудь скрывшись в траве. Стянула через голову платье, оставшись нагой, и бросила его в сторону. Снова взяла щенка в руки и воздела над головой. Стальным ручейком зазвенел ее голос:

— Я, Наталья, Володимира дочь по крови, Чернобогова дочь душою! Возношу небу и грозам! Подношу полям и уроцищам! Посередь углей, стороной живых трав, за Смородинов мост, за Смоляны воды, за кровав Алатырь! Буде Алатырь окроплен, да бесы кровь слизают! Да аспиды ползучие яда пополни! Да окудницы ведовство свое пробуждайт! Буде по сему!

Ее подруги медленно, будто боясь спугнуть, двинулись к ней. Одна из них заговорила хриплым голосом, схаркивая слова:

— Стальны вериги, черны вежды! Мор, мор кличу окаянным! Мор скотине! Мор птице! Мор человече! Бесов поцелуй, опламень меня, даждь мошней осквернити! Вижу, вижу стервь, извивающуся, аки гадина на крестецах! Даждь испити влажи, охолонити тлеющи нутри! Окропи пожар да живой водою, водою красныя, что в живом течети! Даждь гасити свет, да свят сквернити! Пообогулити капища да хрестьянских идолищ! Даждь церквам охульным смрад! Даждь лжебожия свергнути!

Крик перешел в клокочущее рычание, и подхватила вторая:

— Хрестьянски боги да молчат, молчат да не учиоти человечим мольбам! Скверна, скверна веется посолонь меня! Посолонь меня, противосолонь человечишкя! Скверна точити зубы вострые, зубы вострые да по мозговы косточки! Человечий дух медом изопью, изопью, схаркну, да рукавом оботруся! Оботруся десным — мор землей пойдети, оботруся шуем — буесть живь объяет! Что окрест меня? То погости чити! Что в земле сырой? То кости старыя! Кости старыя, червем битыя! Мяса гниль пожрам, разжиревши червь! Прилетят по червиву душеньку да гуси-лебеди! Налетят стаю камнекогтевой! Да пообломаюти когти каменны об могильну землицу! Поисточат клювы о червивы стены! Не подняти! Не подняти!

Визгливо завела третья:

— Не подняти согнившего! Не разбудити истлевшего! Оперечь него смрадный бес сидит! Бес сидит, да червю плоть подает! Черноротый бес образа кадит, кроет копотью свят без святости, гнидами ползет под порог люду, языщем

прельстивым манит в трясины серные! Сгинь, сгинь, креста отрок! Сгинь во пламени! Сгинь в забытии! Забвень церкви в кострешах! Затми образы святы грехоми! Блуд цари за-под тем крестом! Блуд пред очи тлевши святых! Буде скопити все подчревия! Буде змий царити во кадилушах! — и зашлась в диком необузданном хохote.

Приблизившись к Наталье, все трое, шумно дыша и вздрагивая, опустились на колени. Наталья спустила щенка, и к нему метнулись крючьями узловатые пальцы с черными когтями. Щенок завизжал в страхе и боли, в лицо Наталье брызнула кровь. Визг перешел в предсмертный вой и стих. Одна из тварей, воздела увившееся морщинами лицо к стальному небу, опустила в широко распахнутый рот с желтыми зубами бесформенный бурый кусок, сощащийся сукровицей и желчью, и проглотила, не жуя, мотнув по-птичьему головой, прогнув набухшим зобом. К перемазанному багряным лицу прилип клок Булатовой шерсти. Под бледной кожей запульсировали, налились алым паутинки вен. Все трое склонились слепыми лицами к Натальиным коленям, и до Федьки донеслось жадное чавканье вперемешку с нечленораздельным хрипом. Жрали, запихивали мясо и потроха в пасти, проталкивали когтистыми крючьями пальцев, рыкали друг на друга, скалили клыки, жадно и завистливо визжали из-за упущенного куска. Та, что махала Федьке, воздела щенячье сердце, засмеялась, рассыпалась мелким бисером, откинулась назад, трясясь в экстазе. Двое других принялись быстрее поглощать забытое подругой жи-листое мясо. Федька внезапно осознал, что обмочился, и уже довольно давно.

Пока трое в черных платьях жрали, нагая Наталья, вся в бурых потеках, сидела, не шевелясь. Взгляд ее был устремлен вперед и вверх, куда-то за макушки деревьев, где зачинался ранний хмурый рассвет.

Вдалеке проорал первый петух. Одна из черных клубящихся теней встрепенулась, вспутилась горбом, огляделась, рыкнула на других, и все трое споро метнулись в лиственную темноту посадок. Обгоняя друг друга, мечась от одного дерева к другому, они быстро скрылись в сыром сумраке. Наташка осталась одна. Встала, огляделась, наклонилась и вытащила из сумочки бутылку минералки и губку. Намочив губку водой, стала методично оттирать кровь с молочно-белой кожи. Федька терпеливо ждал, и вдруг до него донесся голос:

— Ну, что, Федор, как тебе? Понравилось за девками глядеть?

В глазах Федьки потемнело. Задрожали губы. Комом в горле застрял крик. Наталья, продолжая отмываться, говорила спокойно, даже не глядя на него:

— С трудом откупилась я от них. Не хотели щенка брать. Грудничка требовали. Или подростка. Вот такая вот ответная услуга за то, что отвадили суженного. Пошутила я утром — не езжай в город. Никогда. Там такие тебя сожрут. В тебе светлого больше, чем во мне. Как мотыли на фонарь слетятся. Эти пошапают по округе еще с неделю, да уедут. О том, что видел, рассказывать никому не вздумай. Можешь, если хочешь, да не поверит никто. А ты сам потом пропадешь как этот щенок. Они и костей не оставят, уж поверь на слово. Неделю эту затемно не выходи на улицу — почуют тебя. Страх твой перед ними учуют, и все — пропал. Был бы ветер на них, и сейчас бы почуяли, да повезло тебе. Дома кресты мелом начертит на притолоках и подоконниках. А теперь беги

отсюда, беги пока ноги несут, — и впервые за все время посмотрела на него пристальным изумрудным взглядом.

Слепо несся Федька вперед, обезумев от страха, в каждой тени видел черное платье, в каждом просвете — бельма глаз, в каждой ветви — когтистую руку.

На дорогу вылетел, ошело озираясь по сторонам. Петровское затаихало невдалеке, угасая перед рассветом. Мимо Федьки проехал угрюмый Ильшат, даже не взглянув на паренька. Следом за ним, виляя по дороге, неслись Куравины. Третий брат все так же сидел в люльке, только к перевязанной голове добавился сломанный нос и два подбитых глаза. Двое других братьев были так же невредимы, лишь чуть пьянее обычного. Один из них на ходу ткнул пальцем в Федьку и заорал:

— Ха! Обоссался, чертеныш! Ты видал, нет? — и задергал за плечо брата, сидевшего за рулем. Мотоцикл мотнуло раз, другой, но водитель справился с помехой, и «Днепр» упил вперед. А потерянный Федька так и остался стоять на обочине, приглаживая вихры.

ВЛАШСКАЯ СВАДЬБА

СЕРГЕЙ БУРИДАМОВ

От автора: «Всё началось с того, что мы с моим приятелем захотели летом съездить на неделю в Чехию. Но обстоятельства сложились так, что туда мы не попали, а полетели в Черногорию. Там мы отлично проводили время. Перезнакомились с кучей сербов и получили от одного из них предложение погостить у его родни в деревне. Так мы попали в самую настоящую влашскую деревню. Аутентичную, я бы сказал. Во время одной из посиделок я с пьяных глаз сказал местному аксакалу, что у

них атмосфера совсем средневековая здесь. Прям мифы вспоминаются. Про упырей, ведьм, оборотней. А старик взял да и рассказал эту историю, которая произошла, правда, в 50-е годы. Ну, и мертвца ожившего никто не видел. Хотя невесту и вправду нашли задушенной. И свадьбы у них такие проводились, несмотря на проместы местной компартии».

Издревле было заведено, чтобы три влашских рода — Божовичи, Милетичи и Станковичи — скрепляли родовой союз браком между своими детьми. Их потомки гордились своими корнями: редким путникам, невесть как забредшим в горное село Штефаница, обязательно сказывали о том, как предки выжили в страшной битве на Косовом Поле, и поклялись, что сыновья, внуки и правнуки будут искать жен только из семей друг друга.

Вот об этом и думала Горана Милетич душным августовским днем 1924 года, глядя на свое отражение в зеркале. Когда тебе 19 и ждет тебя свадьба с первым парнем на деревне Дражей Божовичем, по неволе порадуешься судьбе и поблагодаришь предков за отличную идею. Мечтала юная Горана покинуть скучную Штефаницу и перебраться в город Ниш. Одной — ехать страшно, да и не позволит никто, зато с таким мужем, как Драже!.. И красавец, и на аккордеоне играет, и в армии служил. «Как поженимся, сразу ему уехать предложу. Нужто он мне откажет? Что мы с ним в Штефанице забыли?» — думала Горана и краснела, представляя себе первую брачную ночь.

Увы, слишком часто не щадит судьба людское счастье! Со двора послышались крики и плач. Чувствуя, как обрывается от плохо предчувствия сердце в груди, выскочила Горана из дома. Там ее встретили бледные мать и тетки.

- Детонька моя, — заплакала мать.
- Что случилось? — закричала Горана.
- Драже разбился. На охоте был... с обрыва упал.

Горана упала на колени и зарыдала.

Тело Драже Божовича вытаскивали из пропасти до глубокого вечера. А после главы трех семей собрались в доме деревенского старосты и стали решать, что им делать дальше.

Покойный Драже были единственным сыном своих родителей. Кузены его были женаты. И у Станковичей все парни пристроены. Выходило, что жениха

для Гораны в Штефанице было не найти.

— Не только у тебя больше нет сына, — еле сдерживая слезы, произнес Вук Милетич. — Теперь у меня нет наследника. Кто ж незамужней бабе наследство доверит?

— Есть одно средство, — сказал тогда Радко Станкович. — Не стоит отменять свадьбу, кумы.

Мужики опешили.

— А что тут такого-то? — продолжил Радко. — Браки на небесах заключаются. Зато дочери твоей Горане — права вдовы на дом и хозяйство после твоей смерти, Милетич. А ты, Божович, сына своего в последний путь женатым отправишь — Господь таких привечает. Все — честь-по-чести. Староста брак задним числом оформит, а с попом я сам поговорю. Надо будет только свадебку отыграть, чтобы все по закону дедов было.

Покачали головой отцы семейств, но решили, что пусть так и будет. И прежде подобное у влахов случалось. При турках нередко мужи перед свадьбами гибли, а к Господу неженатыми отправлять считалось грехом.

Сказано — сделано. Горане позже всех сказали, что свадьбу не отменят. Ее согласия на то и не спрашивал никто. Нарядили утром следующего дня в расшитое бисером платье и, под пение подружек, в церковь повели. Через село девушка прошла на негнущихся ногах.

Лицо мертвого Драже было покрыто белилами, однако страшная трещина, что шла через все лицо, была заметна сразу. Одного глаза юноша лишился при ударе о камни, поэтому костоправ Борислав Милетич не придумал ничего другого, как вставить в глазницу стеклянный шар и надеть поверх темные очки. Бедная Горана потеряла сознание, как только увидела мертвого суженого у алтаря. Труп в свадебном кафтане держали с двух сторон крепкие парни. Столпившиеся в церкви сельчане взвужденно шептались. Девушку привели в чувство, а священник, скрипя зубами, провел таинство венчания. «Быть мне отлученным, если владыка узнает, — думал отец Георгий Станкович, однако отказать своему старшему брату не мог. — Хорошо, что отпеть успели».

Затем праздничная процессия устремилась к дому Милетичей, где на улице стояли накрытыми столы, а цыгане-музыканты уже настраивали тамбурины и дудки. Горана тихо плакала. Было жарко, и она чувствовала слабый запах, исходящий от мертвого жениха. Его несли рядом.

Стемнело. Пока сельчане рассаживались за столами, жениха и невесту, по старому влашскому обычая, проводили в баню. Девушка должна была омыть себя и юношу перед первой ночью. Отцы брачующихся решили следовать правилам до конца. Оба они были безобразно пьяны: Милетич лил слезы, глядя на страдания дочери, а Божович, напротив, был до неприличия весел.

В бане Горану с трупом оставили одну. Невеста больше не плакала. Дрожащими руками она разделила жениха, стараясь не глядеть на бугристую отломанных ребер грудь мертвеца. Затем она сняла темные очки с лица Драже. Труп, казалось, пристально наблюдал за ней единственным глазом все время, пока Горана мылась сама и обмывала его тело.

К их возвращению гости были настолько веселы и пьяны, что совсем забыли о мертвом женихе, сидящем во главе стола. Сельчане плясали, пили и ели. Как заведено, ледяную и твердую, как дерево, ладонь положили поверх маленькой руки невесты. Горану тряслось. Она позвала мать и испуганно шепнула

ей на ухо: «Драже больно сжимает мне руку». Та, как могла, успокоила дочь. «Бедная девочка, — думала Анна Милетич. — Ох, уж эти традиции».

Наконец, настала пора брачной ночи. Друзья жениха и подружки невесты внесли брачующихся в пустой дом Божковичей и оставили в спальне. По договоренности между отцами, Горана обязалась провести час рядом с телом, после чего все формальности по свадьбе улаживались и тягостный для всех обряд завершался. Родня была так рада скорому окончанию, что не услышала среди шума празднества ворчания старой Бранки Станкович: «Батюшка-то наш покойника успел отпеть. Нельзя так делать до свадьбы. Теперь Драже знату будет, что помер, и к живой девке за теплом потянется».

Где-то на другом конце ночного села гремела свадьба, а в темной тихой спальне лежали бок о бок девушка и мертвец. Горана еле дышала от усталости и ужаса. Глаза ее были крепко зажмурены, а губы тихо шептали молитву. Кровать заскрипела. Затем Горана почувствовала, как на нее забирается одеревеневшее и тяжелое тело покойника. Она попыталась закричать, но не смогла, потому что мертвый Драже затолкал ей глубоко в глотку свои холодные и жесткие пальцы.

Страшная боль пронзила тело несчастной девушки. В глазах ее заплясали кроваво-красные сполохи. Хрипя и чувствуя, как разрывает ее нутро безжалостная рука, она из последних сил попыталась отбросить навалившийся на нее труп. Извиваясь всем телом, Горана уперлась ладонями в плечи того, кого при жизни звали Драже. Тщетно...

Мертвец терпеливо дождался, пока тело девушки перестанет дергаться. Затем он извлек руку изо рта уже мертвой Гораны. Неуклюже и заботливо пригладил негнущимися пальцами ее сбившиеся иссиня-черные волосы. Медленно сполз на свою половину кровати и затих. Теперь уже навсегда.

СЕРГЕЙ КОРНЕЕВ

От автора: «Подростком я увидел фотографию, которая с тех пор сидела в мозгах занозой: закоченевшие на морозе тела, болтающиеся на виселице, точно мясные туши. И табличка на груди: „Они помогали партизанам“. Война – это всегда перемалывание человеческих жизней. Не смерть, но война – абсолютная противоположность жизни».

Зимой 1942 весь Берлин напевал «Лили Марлен». Шлягер доносился из кафе, его крутили по радио, и даже хозяин магазина пластинок на Мирендорфплатц каждый вечер распахивал настежь двери, чтобы трескучая музыка лилась по улице. И не было счёту переделкам, которые пели в окопах. «Сойдёмся вновь, под фонарём, моя Лили Марлен...» Просто встречей солдатская фантазия не ограничивалась. Они пели о женских ласках и умирали девственниками.

Песню пытались запретить, признали упаднической. Говорят, что исполнившую её Лалу Андерсен собирались отправить в тюрьму, а то и в лагерь. Но никакие угрозы не были страшны прилипчивой мелодии. Кроме того, «Лили Марлен» любил сам «Лис пустыни» Роммель.

По другую сторону фронта, в Москве, напевали «Синий платочек». К двадцать пятой годовщине Октября подготовили «Концерт фронту». С экрана глядел егозой весельчик Райкин, направляя бобину в киноаппарат. Сквозь серый муар чёрно-белой плёнки выступала Она – белокурая муз Клавдия Шульженко. И страна запела вместе со своей любимицей: «Кончится время лихое, с радостною вестью приду, снова дорогу к милой порогу я без ошибки найду...»

Любая из этих песен, несомненно, понравилась бы пионерке Лиле Сорокиной, которая соврала о возрасте на призывном пункте у кинотеатра «Колизей». Ей даже довелось услышать несколько тактов «Лили Марлен», пока немецкие офицеры избивали её на полу избы. Пол ходил ходуном, когда её размазывали тяжёлыми сапогами по доскам; иголка слетела с дорожки, изба наполнилась мрачным шипением. Теперь тонкое тело Лилечки болталось в петле и ночные морозы превратили её в замороженную тушу.

Перед смертью пионерку раздели догола и выволокли на снег. Один из солдат в шутку облил её ледяной водой из кадки. Кожу точно обожгло, на морозе вода казалась кипятком. Лилия истошно заверещала.

Солдаты и офицеры громко смеялись и улюлюкали. Как свора охотничьих собак, они погнали девочку к наскоро сколоченной виселице, понукая грязными

СИНИЙ ПЛАТОЧЕК ДЛЯ ЛИЛИ МАРЛЕН

ругательствами.

— Nutte! Hündin! Schickse!

Молодой офицер приподнял невесомую Лилю, чтобы на шею накинули грубую верёвку. Обледеневшие волокна оцарапали кожу. Немцы смеялись и тыкали пальцами в кровавую кашу, в которую превратилось лицо девушки. Правая бровь стекла вниз, как воск на свечном огарке. Второй глаз не открывался вовсе. Из-под чёрной щелочки между веками выступали розоватые слезинки и быстро высыхали на морозе. Распухшие губы не закрывались: между сиреневыми валиками виднелись поломанные зубы.

Пока партизанка была ещё жива, немцы столпились вокруг, чтобы сделать фотографии на память. Под раскаты одобрительного хохота офицер Раух приколол девушку на голую грудь красную звёздочку, которую нашли при обыске.

Её хватали за руку и махали ею на камеру, словно девушка была тряпичной куклой. Молодой Христиан замёрзшими пальцами крутил ручку переносной Arriflex. Раух вышел вперёд и аккуратно, придерживая плоть большим пальцем, срезал Лиле левый сосок, будто кусок твёрдой колбасы. Положил в рот, несколько раз прожевал и выплюнул девочке в лицо. Боевым ножом он отсёк Лиле обе груди и отдал команду вешать. Толпа поддержала его криками. Изуродованную грудь прикрыли табличкой «Таков конец партизана» и девочку, наконец, казнили.

Веселье закончилось. Солдаты поспешили в тёплые избы, над которыми поднимался печной дымок. В стылом воздухе он замирал каким-то одним завитком и улетал в даль. Собиралась выюга. Тянула низкая позёмка. И ветер зачинал унылую песню.

Это неправильная война. Война, на которой убивают маленьких девочек и глумятся над их трупами!

Так думал старый Ганс, обходя ночным дозором деревню. Ноги ужасно мёрзли, и выюга толкала в спину. Он топал по обледеневшей земле, и та отвечала свинцовым гудом. Он с удовольствием натянул бы войлочные valenki, но офицеры запретили показываться одетым не по форме. Единственная вольность, которую ему разрешили: закутаться в безразмерный пуховый платок, за что товарищи прозвали Ганса Grossmutti, бабусей.

Он ненавидел войну. Ненавидел офицеров. Ненавидел эту чёртову русскую зиму, которая убивала вернее советского оружия. Мороз забирался под шинель и превращал кости в сосульки. Ноги окоченели, точно деревянные протезы. В темноте избы стояли мрачные, словно могильные холмы. Старый солдат с ненавистью смотрел на их побелённые выгой стены. Ночью в дозоре и без того грустно, но зимняя стужа и протяжный вой ветра терзали сердце, заставляя ныть, как гнилой зуб.

Почему они стали чудовищами?

Ганс с отвращением наблюдал, как издевались над партизанами. Многократно он задавался пустыми вопросами о том, как война уродует душу. Всё, что свершалось, шло в порядке вещей. В дьявольском порядке войны.

Здесь всё желало их смерти: пули, партизанские засады, непроходимые

леса и чёртов холод. Местное население, дремучие крестьяне, живущие словно в средневековые, смотрели на них исподлобья и — Ганс чувствовал это — проклинали на своём непонятном обрывистом наречии. Местные меняли сало и samogon на шоколад или патроны. И всё равно надо было быть начеку — пойло могли отравить. Поэтому Ганс понимал офицеров, выместиивших злобу и страх на девчонке.

Они вели себя так потому, что сегодня могли убить её. Ведь завтра могли убить их. Вот чего здесь боялся каждый. Завтра — умереть. Всё очень просто.

На очередном круге Ганс приблизился к виселице. Что-то его насторожило и он снянул винтовку с плеча.

— Halt! Was machste?!

Чёрная, как галка, фигура замерла перед трупом. Ганс приблизился и приставил дуло в упор. Приказал повернуться и с удивлением обнаружил закутанную в тулуп старуху. Женщина была такой старой, что казалось, должна была на месте помереть со страха. Но она, наоборот, дико и с вызовом посмотрела в глаза солдату.

«Что ты делаешь?» — повторил Ганс.

Он заглянул старухе за плечо. Ветер тихонько раскачивал голый труп на веरёвке. При тусклом свете луны он различил, что женщина отёрла мертвячке ноги, отчего они покрылись ледяной коркой, как глазурью.

«Она омыла ей ноги», — догадался солдат.

И словно в подтверждение его мыслям в морозном воздухе растёкся тяжёлый аромат еловой хвои и старой древесины. Так пахло в здешних кирках.

Ганс не любил заходить в русские церкви. В тёмных и мрачных доминах царила гнетущая и величавая атмосфера. Русский Бог был не похож на немецкого. Он был диким и страшным азиатом, а не овеянным славой императором небес, благоволяющим трудолюбивым честным гражданам Германии. Чем дальше на Восток, тем больше пугал Ганса азиатский Иисус.

— Пошёл! Хопп! Хексе!

Он прогнал старую ведьму, но на душе у него по-прежнему было неспокойно. Ганс попытался прогнать с души тревожную муть, но ничего не помогало. Промурлыкал под нос пару строчек «Лили Марлен».

— Schon rief der Posten...

И бросил.

Ему казалось: когда нападут красные, именно его, как часового, снимут первым. Гадко было жить с таким суеверием.

Агафья жила на свете так долго, что ни родственников, ни ровесников у неё не осталось. Советская власть дала ей удостоверение личности на гербовой бумаге, но какую дату записать в графе о рождении, никто не знал. А она и не держала в голове за ненадобностью. Козы козлятся в конце зимы, вот и всё, что ей нужно для счёта времени. Молодой и весёлый комиссар (совсем, как козлёнок, отметила про себя Агафью) в шутку заполнил бумагу — 1921.

— Новый строй, бабка, страна новая. Всё новое. Пусть и жизнь у тебя будет новая!

И так залихватски захочотал, что веселье захватило всех собравшихся на перепись.

Но на деле, жила бабка Агафья так давно, что помнила вещи дивные и странные, которым почти не осталось места в новом веке. Вещи дремучие, как обступающие деревню леса. Тёмные, как недра земли. О жизни и смерти, о том, как облегчить страдания, и о том, как принести боль в пригоршне. Старики-кощицы хранили в памяти секреты, как в сундуках, пока их не зарывали в землю.

Очень редко позволяла себе Агафья применять знания. Знала цену. Расплачиваться за колдовство приходится душой. Часть отдаёшь старым богам, чьи деревянные истуканы ещё ставят в глубине леса, часть — чертям. Да и Новый Бог явится за причитающейся десятиной.

К заговорам Агафья прибегала, когда заболеет деревня. Или Смерть-жади-на захочет прибрать того, кто и не пожил толком. Тогда Агафья шептала над крынками с молоком и всё налаживалось. Но в последний раз она решилась произнести такие слова, после которых ничего хорошего больше не будет.

Она положила себе в рот ноготь, который отколупала с большого пальца ноги повешенной девочки. И принялась усердно жевать оставшимися зубами.

Жевала-жевала и приговаривала:

«Приди Смерть-лютая, прибери всех. Приди Смерть-лютая, прибери всех».

Ноготь размягчался и по кусочку проваливался в пищевод. А в «красном» углу становилось темнее, пока, наконец, оттуда не выступила чернильная тень. Облако тьмы приблизилось к старухе и замерло перед ней. Старуха подняла во тьму взор мутных глаз, и в ту же секунду последние искры жизни погасли. Сухое тело повалилось на дощатый пол.

Радовский ушёл к партизанам не потому, что хотел «давить фашистскую гадину», по меткому выражению политрука, но чтобы проверить себя. С детства он был хилый, не любил свою перелицованную польскую фамилию, да и каждая уличная гадина дразнила — «жидёнок, жидёнок».

На войну его не взяли из-за субтильного, почти дистрофичного, телосложения. Бывало, в лесной землянке он вспоминал врача с призывающего пункта и зло ухмылялся. Сейчас он бы ему сказал:

«Доктор, в таких условиях люди мрут, как мухи. А я уже который месяц тут».

Смерть будто брезговала им.

И сейчас он лежал в сугробе на пригорке за Елово и подробно рассматривал деревню в бинокль. Мороз забирался под все поддёвы и, будто пробовал наощупь спелый плод, стискивал лёгкие Радовского. Записывать на холоде было невозможно, поэтому он запоминал всё в точности.

Деревенька — одно название. В покосившихся избах обретались старики и старухи. Кто был молодой — ушли на войну. Да и вряд ли вернутся. Елово было из тех мест, что дожили свой век. Появление немцев, наоборот, оживило деревню. Они должны были встретить подступающие силы и уйти дальше на восток.

Вот почему так важно было вырезать всю эту погань одного за другим.

Месть за Лилию была лишь одной из причин.

Важно было показать, что их уже ждут. Куда бы они ни пришли — встречать

будут собственные мертвцы.

Странная болезненная радость охватила Радовского. Он понимал, что после операции немцы пошлют в лес карателей. Или устроят артиллерийский обстрел по чаще, который перевернет каждый холмик. К тому времени, они, конечно, уже уйдут, но со спокойной жизнью можно будет попрощаться.

Радовский улыбнулся последней мысли. И кашлянул в снег. Внутри что-то больно надорвалось.

Он последний раз осмотрел Елово в бинокль. Упаковал в память дорожки, которые протоптали часовые фрицев, и твёрдо запомнил расположение домов, которые те оборудовали под штаб.

Уходя, он кинул последний взгляд на Лилю. Её поруганное тело висело в петле. Замёрзшие линзы бинокля исказили изображение. Показалось, что труп покорёжило, и он стал больше. Обычно мертвцы казались легче, словно вместе со смертью из них уходил вес, который держал их на земле. И всё же миниатюрная Лилия казалась даже более статной, чем была при жизни.

Напасть было решено под утро, в тёмные часы, когда дозорные теряют бдительность.

Ганса опять поставили в дозор. Долгие часы наедине с мрачными мыслями, да несколько перекуров, когда он встречался с другим часовым. Обычно ему доставалось начало вахты, а вот предрассветные часы он не любил. Люди, которые устали бояться, считают, что на исходе ночи ничего случиться не может. Отяжелевшие веки смыкаются, сопротивляться трудно. В такие часы, считал Ганс, люди наиболее уязвимы.

— Помомни, мне вонзят штык в брюхо именно в такой час, Грубер, — поведал он другому часовому.

— Ганс, Schweigen ist Gold. Накаркаешь.

«Молчание — золото». А как он может молчать, когда на душе так гадко?

Ещё эта повешенная действовала на нервы. За несколько дней её тело распухло и потяжелело, будто не на морозе, а посредине лета. Только мух не хватало.

В темноте виселица скрипела, и Ганс вздрагивал всякий раз, когда проходил мимо. Будто опасался, что труп слезет с неё. Он посмеивался над своей суеверностью, но начал обходить место казни по широкой дуге.

Низкие зимние облака закрывали луну, и всё же темнота не была непротяжной. У такого старого солдата, как Ганс, должно быть, сами глаза изменились за годы караульной службы. Поэтому он различил движение в темноте рядом с одной из изб.

— Halt! Кто там? Опять ты, старая ведьма?

Тьму разорвал грохот и яркая вспышка света. Ганс не почувствовал боли, но только сильную слабость. Повалился на снег, прижимая руки к животу, и чувствовал, как жизнь вытекает наружу. Как назло, последнее, на что ему суждено было смотреть перед смертью, была проклятая виселица.

Радовский грязно выругался. Часовых должны были снять тихо. Но их командир, Шевченко, был к этому готов. Группы по двое, по трое заняли удобные позиции, чтобы стрелять из темноты по всполошившимся фрицам.

Сквозь разрыв в облаках выглянула луна и на мгновение осветила застывших партизан. Ночной ветер стих и в наступившем безмолвии они услышали скрип верёвки, на которой висела Лиля.

Предательница-луна. Одного мига хватило, чтобы их рассмотрели. Немцы открыли огонь прямо из изб. Стреляли сквозь окна. И за звоном бьющегося стекла по округе прокатился треск автоматных очередей.

Радовский повалился вбок, за поленницу, крупного молодого белоруса Дюжева, прошило несколькими пулями. Детина опрокинулся на спину, захлебываясь собственной кровью. Пули легли, как стежки швейной машинки, по одной линии: пробили предплечье, раздробили ключицу и разорвали горло.

— Сейчас бы гранат, — процедил Радовский сквозь зубы и прицелился в окно.

«Тихая ночь, священная ночь...» — поётся в рождественском гимне. Ни того, ни другого в этот час не осталось. Грохот перестрелки разбудил деревню. За канонадой ружейных и автоматных выстрелов никто не услышал, как лопнула верёвка. Отяжелевшее тело маленькой и хрупкой девочки, которой даже не исполнилось семнадцати лет, с силой ударились о промёрзшую землю. Труп шевельнулся.

Дьявольская сила, призванная из самой преисподней, наполнила одеревеневшие члены. Лиля чувствовала себя разбуженной от глубокого сна, призванной обратно под мрачные небеса против своей воли. Она посмотрела на небосвод мёртвыми глазами и не узнала созвездия. Ночное небо было мертвое.

Сила растекалась по её венам, забитым свернувшейся кровью. Первые движения были неуклюжими, как у новорожденного телёнка. Она попыталась встать на четвереньки, но конечности разъехались, и она повалилась обратно. Она чувствовала силу, разогревающую её изнутри, но и бесконечный голод, словно в самом центре её души зияла ненасытная дыра.

Ожившая Лиля с силой вогнала пальцы в промёрзшую землю. Несколько фаланг сломались, почерневшие ногти сорвались с мёртвого мяса. Но она не чувствовала боли. Как сапёрной лопаткой она взрезала и выворотила чёрные куски мёрзлой земли и засунула в рот. Жевала. Зубы вылезали из обескровленных дёсен. Но она продолжала жевать, раздирая рот. С каждым комом земли, проваливающимся в пересохший пищевод, она становилась мощнее. Сила родной земли наполняла безжизненную оболочку. Она не Лиля, а хаос. Она обрела сокрушительную мощь тяжёлого танка «Иосиф Сталин — 2». Она не знала пощады, потому что не знала никаких чувств, свойственных человеку. Она была чуждой самой жизни.

Насытившись землёй, Лиля испытала новый позыв. От холодных комьев, смешанных со снегом и льдом, утроба неприятно скжаслась, изнутри ломило. Теперь ей нужна была горячая, бьющая ключом, напоённая жизнью кровь. Медленно она поднялась на ноги и двинулась ломаной походкой к ближайшей избе.

Радовский попался в капкан.

Сперва ему казалось, что поленница хорошее убежище, но немец не давал

выйти. Стреляли аккуратно, словно выковыривая из-за наваленных дров. Пули расщепляли чурбаки, обваливали кучу, делая её всё меньше. Щепки летели во все стороны, и сосновый верешок, как игла, глубоко вонзился в щеку партизана. На морозе чувство боли притупилось, но вкус собственной крови пьянил по-дурному. В голове шумело и хотелось совершить глупость, броситься в лобовую на крохотные избыные оконца, откуда велась пальба. Струйка крови стекла по щеке, и Радовский утёрся. Царапина — плохая примета.

В перерыве между выстрелами громко крикнули:

— Хэй!

Условный знак, что ещё одного товарища подстрелили. Нападение захлебнулось, надо было отступать. Когда вдруг, как по волшебству, из дома перестали стрелять. Ещё мгновение спустя автоматная очередь раздалась внутри избы.

— Неужто кто-то из наших пробрался? — обрадовался Радовский.

Не мешкая, он вскочил на ноги, перебежал под самые окна и привалился к стене. Сердце бешено бухало, а на тонких губах расплылась довольная улыбка. Внутри поднялась суматоха, кричали по-немецки и стреляли.

Радовский нащупы проверил затвор, перекрестился, чего давно не делал, и выпрямился прямо перед окном. Выстрелил. Передёрнул затвор. Выстрелил. Передёрнул затвор. Выстрелил. Повалился на снег и пополз к сеням.

В свете ружейных всполохов он видел, как все три выстрела попали в севрошинельную спину. Солдата опрокинуло лицом вперёд, и тот больше не шелохнулся. Но в глубине избы, на долю секунды, он увидел неясную фигуру. Белесое голое тело, цветом напоминающее опарышей.

— Чертовщина какая-то. Привиделось.

В избе истошно закричали.

Лиля вошла через заднюю дверь, которую караулил Христиан. В её изъеденной и покрывшейся плесенью памяти встала картинка — маленький человечек держит перед глазами странный аппарат с мёртвым стеклянным глазом и вращает ручку.

Пустое воспоминание.

Христиан, с рождения наделённый острой интуицией, сразу понял, кто стоит в дверях. Поэтому и не успел выстрелить. Разум отказывался верить, что мёртвые оживают.

— Heilige Mutter!

Тварь, которая когда-то была Лилей, молниеносно выкинула руку вперёд и скомкала лицо немца, как лист бумаги. Пальцы провалились вовнутрь и покрылись кровью. Она поднесла ладонь ко рту и жадно облизала.

Когда немцы спохватились, что враг пробрался внутрь, было уже поздно.

Они метко стреляли в призрака с отсечёнными грудями, но разве можно убить то, что уже мертвое? Пули рвали бесполезную плоть и могли только на короткий шаг задержать Лилию. Она переходила от человека к человеку и рвала их на части.

Схватила одного из офицеров за челюсть и лёгким движением вниз оторвала её. Даже с вывалившимся по грудь языком он продолжал кричать. Тогда

Лиля повалила его и откусила вырост, похожий на толстую змею.

Лиля отвлеклась всего на мгновение, но достаточное, чтобы агонизирующий Раух выхватил лугер и выстрелил ей прямо в лицо. Холодную мёртвую кожу обдало облаком раскалённых пороховых газов. Пуля вошла над левой бровью и выломала заднюю крышку черепа. Но Лиля только пристальнее посмотрела на свою добычу. Поломанными и зазубренными ногтями она разорвала Рауху горло и переломила позвоночник.

Она встала, покачиваясь. Из черепа, как из разбитой вазы, вываливались куски мозга, обломки кости и ошмётки кожи, смешанные с окровавленными пучками волос.

В углу Лиля заметила ещё одну добычу. Немец вжался в стену, словно пытался просочиться сквозь щели меж брёвен. Но в кромешной темноте его белое перепуганное лицо сияло, как железнодорожный фонарь. Она разорвала несчастному живот и вынула внутренности. Длинный кишечник она наматывала на руки, словно кудель. Время от времени отрывая зубами куски. Затем вонзила пальцы в коричневую подушку печени и перед самой смертью немец, узнал, что у боли нет предела.

Со стороны окна раздались три выстрела. Но всё это было неважно. Всё неважно, кроме дьявольского голода, который надо утолить.

После Лиля размозжила голову солдату, которому повезло умереть от пули Радовского. Она зачерпывала серый в красных прожилках мозг и жадно жрала. Мозги были самым вкусным. Как жирные сливки на поверхности молока.

Радовский ворвался в избу, когда крики и выстрелы внутри смолкли.

— Алексей, Пётр, кто здесь?

Он прошёл в тёмную комнату, и поскользнулся на мокром и липком полу. При падении больно стукнулся головой, в глазах вспыхнули яркие искры.

«Вот бы этих огоночков да в эту темень», — подумал Радовский.

Пол был залит кровью.

Партизан догадался об этом по хорошо знакомому тяжёлому духу. Однажды они зашли с отрядом в мёртвую деревню. Всех жителей согнали в амбар. Аромат свежей крови не забывается. Особенно если ты сидел в подлеске и слушал, как расстреливали безоружных крестьян.

Луна вышла из-за облаков и серебряный свет проник в окна. В его сиянии Радовский увидел голую девушку, чья мертвенно-бледная кожа была покрыта широкими разводами крови. Всё ещё лежа на полу, он прошептал:

— Лиля?

Тварь обернулась.

Память её состояла из фотокарточек, с которых лица счищали лезвием.

[Свой?]

Ей был интересен растянувшийся на полу партизан. Пока она ненадолго утолила первый голод и ей хотелось поиграть. Она села верхом на полу живом немце. Схватила того за нос и выкрутила, как мальчишки делают вишенку. Только в этот раз оторвала кончик и закрутила хрящ штопором.

Радовский завороженно переводил взгляд с изуродованной груди на лицо.

Глаза мёртвой Лили залила чернота.

«Как будто ворона смотрит».

Он медленно пополз на попе обратно в сторону двери.

Стычка закончилась, партизаны взяли Елово.

Бой прошёл совсем не так, как задумывал Шевченко. И там, где ещё час назад стоял частокол из бойцов, теперь зияли дыры. Но оплакивать павших товарищей будут после.

Шевченко руководил, отдавая короткие и чёткие приказания. Мёртвых партизан оттащили к поленнице, откуда потом заберут с собой, чтобы похоронить в лесу. У стены одной из изб под прицелом сидели трое выживших фрицев. Один был сильно ранен в голову и то терял сознание, то приходил в себя. Его усадили посередине, чтобы он опёрся на товарищей.

— Что с этими делать будем? Пристрелить?

— Погодь.

Радовский приблизился к командиру и нервно зашептал на ухо. Глаза Шевченко расширились, и он с недоверием посмотрел на солдата. Тогда Радовский увлёк Шевченко к избе и показал в окно. Внутри Лия ломала человеку ногу, как иловый прутик, каждую кость в нескольких местах.

— Как кошка с мышкой, — прошептал Шевченко.

И не смотря на лютый мороз, на лбу у него выступил пот.

Партизаны заволновались и начали переговариваться, каждый хотел заглянуть в избу.

То, что Шевченко и Радовский увидели внутри, не принадлежало миру обычных, понятных вещей. И всё же долгие месяцы схрона на болоте познакомили каждого партизана с чертовщиной, которую нельзя было объяснить. Призрачные огоньки и протяжные стенания, мертвецы, которые приходили попрощаться во снах, и Тот, кто бродит среди деревьев. Всего этого не должно было быть в мире, пахнущем порохом и раскалённым железом. Но оно было.

— У нас есть подарок для немчуры! — объявил командир своему отряду.

Немцев собрали в сенях дома, в котором хозяйничала Лия.

Первым внутрь затолкнули раненого. Он не мог самостоятельно стоять на ногах и товарищей заставили внести его в дом. Они увидели, что их ждёт.

Один из них, молодой солдатик, оттолкнул стоявшего рядом партизана и хотел сбежать. Или получить пулю в спину. Лишь бы его не бросили на расстерзание к чудовищу.

Бунчук, молчаливый партизан, вскинул двустволку и всадил молодень-кому фрицу дробью по ногам. Выстрел громыхнул, как раскат грома, и туча свинцовых шариков сорвала мясо с правой ноги беглеца.

Его кинули в дом следующим.

Одного за другим они скормили Лиле всех немцев, как скармливают объедки свиньям. Партизаны слышали звуки кошмарной трапезы. Человеческая плоть рвалась со звуком мокрой портянки, и каждый понимал, что этот звук будет преследовать их в самых страшных кошмарах. Партизан Бунчук не сдержался и обильно проблевался на земляной пол в сенях. Пора было возвращаться

в лес, снимать болотный лагерь.

Партизаны понурились. Победа не принесла радости, они покидали Елово, с пятым павшими товарищами на плечах, которых придётся хоронить без креста и без имени, в пахнущей хвоей земле.

Они не стали заботиться о Лиле. Каждому в детстве бабка рассказывала, что нечисть пропадает с первым криком петуха.

Но в Елово не осталось петухов.

Дверь за их спинами протяжно скрипнула.

Ганс всё не умирал.

В суматохе и сутолоке беспокойной ночи ему удалось притаиться. Он с удивлением обнаружил, что ранение в живот не такая уж мучительная смерть. Всего лишь надоедливо долгая. Он перевернулся на спину и медленно-медленно сучил ногами, пока не дополз к виселице. Здесь последние силы покинули его, и всё, что ему оставалось, лишь наблюдать последнее седое утро из-под отяжелевших век.

Вот и кончилась перестрелка. Он слышал грубый гомон партизан и немецкие крики.

— Bitte! Bitte!

О чём они умоляли? Ганс умирал со спокойным осознанием того, что им нет прощения за то, что они сотворили.

— У жизни есть чувство юмора, а, Грубер? — обратился он в пустоту.

И тихо затянул:

«Перед казармой у больших ворот фонарь во мраке светит, светит круглый год. Словно свеча любви горя, стояли мы у фонаря с тобой, Лили Марлен. С тобой, Лили Марлен...»

Перед самой смертью он успел удивиться: в деревне царила суэта. Партизаны разбежались в стороны, отовсюду звучали истошные крики.

Радовский тяжело бежал по глубокому снегу.

Как в кошмаре каждый шаг давался с невероятным усилием. В боку остро кололо, и горло саднило так сильно, будто он проглотил стеклянное крошево. Тварь преследовала его.

Он мечтал оступиться, упасть в мягкий ледяной пух и надеялся, что смерть будет быстрой и без мучений. Но животный инстинкт заставлял его бежать в лес.

«Залезу на дерево!» — эта мысль тревожными огоньками горела в голове.

И тут же вспоминал рассказы отца о незадачливых охотниках, которых медведи снимали с самых высоких ёлок.

«Надо было взять гранаты».

Но вряд ли бы это помогло. Радовский видел, как отстреленные пальцы Лили продолжали жить своей жизнью, ползти по мёрзлой земле, как жирные черви.

Он карабкался вверх по пригорку, где снега намело меньше, и выступала жёлтая прошлогодняя трава. Но на каждом шагу можно было поскользнуться

и полететь назад, в объятия чудовища.

Наконец он достиг леса. Голые деревья стояли стеной, за которой так долго им удавалось прятаться. В землянках, на болотах, в шалашах из бурелома, словно в медвежьих берлогах. Война для Радовского стала смертельной игрой в прятки. Лишь бы склониться, уцелеть. Он бежал в партизаны от самого себя, но дальше бежать было некуда. Он спиной чувствовал, что тварь нагнала.

Радовский медленно повернулся.

Лиля пристально следила за ним. Погоня доставила ей удовольствие. Древнему проклятию, которое заполнило мёртвое тело партизанки, не хватало места: оно растянуло её тело и требовало быстрого движения; ноги и руки вытянулись и стали похожи на тонкие хлесткие ветви. На лице сияли огромные безумные глаза, залитые тьмой. По телу зияли дыры от пуль, сквозь которые Радовский видел деревню, что обернулась общей могилой.

Когда он был маленький, бабушка рассказывала: мол, нечисть отступит, стоит назвать её по имени. Из детских воспоминаний, тёплых и озарённых золотым сиянием свечи, всплыло одно слово.

— Mawka, — прошептал Радовский.

ВАЛЕРИЙ ТИЩЕНКО

От автора: «Первоначально я задумывал рассказ как своеобразную притчу о жадности, но в процессе работы ушел в сторону. Рассказ стал менее прямолинейным».

Подземные своды источали адский холод. Серега ощущал, как по спине побежали мурашки и пожалел, что не прихватил с собой толстый вязаный свитер. Из крохотной бойницы в стене дохнуло свежим ветерком, разбавив вечно сырой, затхлый воздух. Иван протянул напарнику желтую каску с фонариком вместе с тяжелым ручным фонарем, похожим на тот, что сам держал в руках. Ткнул пальцем, указывая на тело девушки, пластом лежащей на вымощенном красным кирпичом полу. Губы ее посинели, длинные волосы разлохмались, голова безвольно упала на грудь, руки и шея пестрели разноцветными синяками.

— Давай, бери за ноги, и потащили, — приказал Иван и ухватился за запястье девушки. Серега поморщился — он вообще не понимал, что сейчас делает и как до этого дошел. Вновь касаться холодной кожи не хотелось. Он надел захваченные из машины резиновые перчатки.

— Быстрее! — поторопил Иван. Серега схватил девушку за лодыжки, приподнял, крякнул:

— Однако! — Несмотря на хрупкое сложение, весила девица многовато. «Это все оттрупного окоченения, — подумал Сергей. — Тут бы садовая тачка пригодилась...»

Невысокий, полный Иван устремился вперед с прытью, которой не ждешь от человека его комплекции. Серега едва поспевал за ним в стучащейся темноте. Иван уверенно шел по тоннелю, сворачивая то вправо, то влево. Путь Серега запомнить не сумел и опасался, что не сможет самостоятельно вернуться.

Звуки шагов гулко отражались от стен; в одном из переходов под ноги кинулась крыса. Матюгнувшись, Серега пинком отшвырнул ее, грызун с писком улетел в угол. Серега едва не выронил свою ношу. Иван, не сбавляя шага и не поворачивая головы, вякнул что-то недовольное, но Серега не рассыпал.

Тоннель пошел резко вниз: воздух загустел и потяжелел, а с потолка закапала вода. Несколько ледяных капель угодили Сереге за шиворот. Он поежился, перехватил мраморные руки трупа поудобнее; фонарик осветил глубокий вырез на груди девушки.

«А она ничего. Была...», — пронеслась мысль. Сереге стало жарко, несмотря на холод. Иван тоже запыхался и сбавил шаг.

— Долго еще идти? — спросил Серега. — Может, уже расскажешь?

— Недолго. Скоро сам все увидишь, — проронил Иван глухо. Свет его фонарика выхватил из тьмы кусок массивной ржавой двери в десятке метров от них.

Серега сразу понял, что перед ним не простая дверь. Такими тяжелыми дверьми с глухими оконцами немцы перекрывали ходы в бункеры. В стене

рядом с дверью из сквозного отверстия выглядывал ствол сгнившего пулемета. Сердце Сереги забилось быстрее.

Бункер глубоко под землей? Неизвестный еще никому? Не затопленный? Да это ж чудо!

Большая часть обнаруженных немецких подземелей затоплена — из-за особенностей почвы. Поговаривали, что в некоторых подземельях немцы передвойной запрятали сундуки с золотыми слитками, принадлежавшими крупному банку.

Но даже если здесь нет золота, тут могли бы сохраниться какие-то артефакты, за которые на черном рынке платят бешеные бабки. И этого как раз хватит на лечение Вари! Варенька. Варенчик. Сергей на секунду представил, как дочка, вылечившись, сумеет встать на ноги, как все дети, побежать... Как она засмеется, и как улыбнется, наконец, ее мать...

Он прикрыл глаза и прислонился пылающим лбом к холодной стене. «Ладно. Причем здесь труп? Зачем тащить его сюда?»

— Так. Кладём ее... — скомандовал Иван. Пока он поправлял каску и ковырялся в сумке, висящей на плече, Серега обратил внимание на позеленевшую от времени и сырости медную табличку над входом. Надпись была полуустерта, он едва сумел разобрать ее. «Corporafag». Хм. Немецкие офицеры увлекались мистикой, и частенько в полуразрушенных военных объектах обнаруживались солярные символы или скандинавские руны. Но латынь? Иван заметил недоумевающий взгляд приятеля.

— Это значит — пожиратель трупов, — он криво улыбнулся и добавил загадочно:

— Немцы знали, чего хотят.

Иван вынул из сумки небольшую баночку с густой, янтарной жидкостью и шприц. Уверенными движениями он тщательно опрыскал дверные петли. Серега тем временем заглянул в узкую щель: там, за приоткрытой дверью, в комнате, полной какого-то хлама, валялись стулья, смятые железные плафоны и стол со сломанными передними ножками.

— Надеюсь, масла хватит, — прошептал Иван, схватился за ручки двери и потянул на себя. Серега, привалившись плечом, помогал ему. Общими усилиями они приоткрыли створки так, чтобы можно было затащить внутрь тело.

Воздух в бункере оказался свежее, вентиляция спустя столько лет все еще работала. Бункер представлял собой узкий и тесный коридор, с комнатами по обе стороны. Серега прошелся, разглядывая их. Нашел две шинели на вешалке да разбросанные по полу пожелтевые листы каких-то газет. Вряд ли тут есть, чем поживиться. Чертовы немцы!

Иван хлопнул приятеля по плечу:

— Давай, затащим ее вон туда, на третий уровень, — он мотнул головой, указывая на темную дыру в конце длинного коридора. И, словно прочитав мысли Сереги, добавил:

— Не дрейфь! Сейчас бабки будут.

По узким и скользким ступеням лестницы пришлось двигаться осторожно, чтобы не свалиться вместе с трупом. Коридор оказался настолько тесным, что Серега терся плечами о стены. Иван пыхтел и втихомолку ругался. Видимо, уже окончательно вымотался.

— Все. Пришли, — сказал Иван и тыльной стороной ладони стер пот с лица.

Серега осветил коридор, но темнота была настолько густой и вязкой, что мочи фонарика не хватило. Как ни старался Сергей, ему не удалось разглядеть, что скрывает тьма.

— Ты ничего не увидишь, — сказал Иван. Он положил фонарь на ступеньку и сам уселся рядом, глядя на часы. — Надо подождать. Это скоро придет.

— Что значит — это? Ты о чем? — Сергей невольно передернул плечами. Ему не понравились ощущения, которые он испытал сейчас, при этих словах приятеля. Нечто омерзительное представилось.

— Сам увидишь. На слово не поверишь, — отмахнулся Иван, но беззаботный жест сопровождало такое дрожание голоса, что Сергей напрягся.

— Послушай. Я ведь согласился нести труп? Значит, мы в одной лодке. Говори, черт бы тебя побрал!

Иван не ответил.

«Что-то мне это совсем не нравится. Будто во второсортный ужастик попал, — подумал Сергей. — Может, пора делать ноги? Иначе из темноты на нас бросится монстр... Чего Ванька запирается? Какой смысл?»

И вдруг... тьма словно скжалась в комок, запульсировала и задвигалась. В нос ударила специфическая сладковатая вонь...

В углу заскрежетало, будто кто-то провел по стене железом. Серега испугался. Он мигом взлетел обратно на ступеньки лестницы, зацепив и едва не сбив ногой фонарь Ивана. Удушливый сладковатый запах становился все сильней, он пропитывал собой все. Сергей закрыл нос рукавом, почувствовав, что еще немного — и его стошнит.

Иван вони не замечал — он напряженно всматривался в темноту. Тьма наступала. Сергей водил фонариком из стороны в сторону: ему казалось, что во тьме он видит множество фигур. Он ждал, что услышит сейчас шорох, стон, любой звук.

Но темнота хранила горделивое молчание. Фонарик замерцал, Сергей постучал по нему ладонью... Свет вспыхнул. И Сергей увидел, что принесенный ими труп исчез. Растворился в окружающей темноте.

Был съеден. А потом, словно отрыжка, из тьмы донесся голос:

— Она ничего... Не хуже твоего приятеля. Принесите нам больше мертвцев. Нам нужно еще. Много нужно!

И на лестницу с металлическим звоном посыпалось золото. Золотые монеты.

Серега Сорокин стоял на остановке и мучительно, затяжно зевал. Спать хотелось жутко. Варенчик плохо спала после последней операции, и то и дело мучила родителей дикими криками среди ночи. Как обычно, в выходной день автобуса было не дождаться. Подул пронизывающий ветер, морось оседала на лице и холодила кожу. Серега чертыхнулся, плотнее запахнул куртку, сунул руки в карманы. Поглядел на дорогу в поисках автобуса: дорога была пуста, если не считать несущийся на большой скорости черный «Чероки». Тонированный джип внезапно затормозил и остановился чуть поодаль от остановки. Из окна автомобиля показалось красное лицо с широким носом и голубыми, близко посаженными, глазами.

— Серега! На работу едешь? Давай подвезу?

Серега узнал своего бывшего одноклассника, Ивана Рудникова. За прошедшие пять лет Ванька раздобрел, надел очки и, судя по всему, преуспел.

— Да тебя не узнать! Давай. Автобусы чего-то не ходят, — Серега растянул губы в неискренней улыбке и забрался в теплый салон автомобиля. Заметил, что Иван одет в военную «цифру», всю в подтеках грязи, и обут в грязные резиновые сапоги.

«С охоты, что ли? Это кто ж на охоту ночью ходит? Разве что браконьеры». Довольный Иван забросал Серегу вопросами. Сергей нехотя рассказал о болезни дочери.

— Ох, паря, как я тебя понимаю! У меня вот мать болеет — это трындец, сколько бабла на лекарства уходит, и конца-края не видно. Не факт, что поможет, ну, а что сделаешь?.. Мать она и есть мать.

Серега мрачно пережидал, пока одноклассник изливался словесами.

— Слушай, а не хочешь легко и быстро подзаработать пару штук баксов? — внезапно предложил Иван. Серега встрепенулся. Такая сумма, безусловно, не была лишней, однако за легкие деньги иной раз приходится тяжко расплачиваться.

Насколько ему было известно, одноклассник несколько лет подряжался «черным копателем» — незаконная добыча янтаря, немецкое оружие и все такое. А как-то раз через общих знакомых он искал, кому сбыть ржавый «Люгер» с патронами. Значит, раскопки? На это Серега наверняка рискнул бы. Но Иван зашел издалека и с совершенно другой стороны.

— Ты же говорил, что патологоанатом? Ну, вот когда мы всем классом собирались, помнишь?

Серега кивнул, пытаясь понять, к чему приятель клонит. Иван сбавил скорость, вывел автомобиль на правую полосу, хотя дорога была пуста, и продолжил:

— Значит, у вас там, в морге есть... — Иван задумался, подыскивая нужное слово. — Ну, это, как... Неучтенные трупы?

— А с какой целью интересуешься? — обозлился Серега. Он уже пожалел, что не дождался автобуса. Всякие подколы, стеб и байки из склепа ему сейчас были ну совершенно не в жилу.

— Да я так. Из интереса. Чисто из интереса... Не хочешь, не говори, я че?

Серега вздохнул. В морге и впрямь частенько появлялись так называемые невостребованные тела не криминального происхождения, в основном — бомжи, замерзшие на холоде или отравившиеся денатуратом.

— Предположим, есть, и что? Ты про дело давай.

Иван сверкнул глазами:

— Сейчас... До дела дойдем. Ты вот скажи... Опять же — чисто теоретически. Можно у вас... забрать такое тело? Незаметно? Такой... свежий трупик, а? Я просто нашел... одного щедрого покупателя. Ему нужны трупы. Чем больше — тем лучше. И нужны свежие. Очень хорошо платит.

Иван потянулся к бардачку, выудил оттуда толстый конверт и протянул Сереге.

— Вот, завалялось кое-что на всякий случай. Предоплата.

Сергей взглянул... и уже не думал.

Схему, как быстро раздобыть свежий труп, Серега придумал быстро. Когда в морг поступали бомжи, иностранцы, нелегалы, алкаши — Серега в свою смену их попросту не регистрировал. Потихоньку прятал в холодильнике

и срочно звонил Ивану, чтобы тот забрал тело. Напоить санитаров, чтоб ничего не видели и не слышали, трудности не представляло тем более.

А потом Серега оказался здесь. В подземелье. Рядом с ЭТИМ.

— Говорил же: пока сам не увидишь, не поверишь! — сказал Иван, выдохнув и вытерев лицо. Поднялся на ноги и принялся собирать золото. Одна из монет, которые он поднял, размером оказалась побольше прочих. Он посветил на нее фонариком и присвистнул:

— Аурелий никак? Походу, нам повезло.

Серега поднял монету, подкатившуюся к его ноге. Тяжелая, с неровными краями. На одной из сторон изображена грубая фигура с венком на голове и скипетром, на другой — латинская цифра. Иван посветил фонариком, посмотрел.

— А это тоже большая редкость. Сегодня нам повезло. Реально, круто повезло! — он улыбнулся и хлопнул Серегу по плечу. — Давай, однако, топаем отсюда скорее, пока меня инфаркт не хватил.

— А что это был за...? Что это было? — спросил Серега.

Зубы у него мелко постукивали от холода. Они выбрались на верхний уровень бункера.

— И что за место вообще?

Иван задумчиво почесал нос.

— Скажу честно: что это за штука, не имею понятия, и знать не хочу, — он хлопнул по карману, в котором бряцали монеты. — Но платит эта хрень римскими монетами. Золотыми. Очень старыми и очень ценными. Каждая из таких монеток стоит пару штук баксов, если не дороже. Я напряг своих знакомых-историков, чтобы те покопались в архивах. Ничего интересного они не нарыли, но нашли несколько заметок в газетах довоенного времени про то, как немцы планировали устроить здесь подземный лабораторный комплекс, для экспериментов над пленными. Бросили все после начала осады Кенигсберга... Это и все, вся инфа. Но понимаешь ли ты, какой фарт нам выпал?! Братка, нам реально прет! Смотри, как мы можем сделать...

Иван продолжал балаболить, но Серега уже не слушал. Его тянуло побыстрее выбраться к теплу — от холода его била крупная дрожь, замерзли и руки, и ноги. Хотелось поскорее забыть мерзкий запах тления. Он шел за Иваном, который не переставал болтать, рассуждая про великое будущее их обоих, и думал, как его напарник впервые встретился с этой... херней? И сама эта тварь... Что она сказала? Про какого-такого приятеля? Это надо выяснить. Темнит Ванька, ой, темнит. Сука.

Спать после всего пережитого он стал плохо. Не высыпаясь, шел на работу. И «плавал» там, как вяленая вобла. В голове шум, руки-ноги заплатаются. Он пытался сосредоточиться, заполняя бумаги, чтобы не наделать в документации ошибок. Получалось плохо — приходилось выкидывать замаранные бланки и заполнять формы заново.

Уже несколько дней он спал при включенном свете: боялся, что из темноты выскочит злобная, склизкая тварь и утащит в свою нору. Серега убеждал себя, что давно не верит в истории про монстров из шкафа, но побороть страх не

удавалось. А потом пришел Иван и передал ему конверт, значительно толще и тяжелее предыдущего.

— Продал через знакомого коллекционера две монеты — оторвали с руками, — сообщил Иван с улыбкой. Серега пересчитал купюры — этой суммы хватит на несколько месяцев лечения дочери в израильской клинике и лучшие лекарства для нее. Значит, надо терпеть. До последнего. «Как запахнет жареным — свалю. В конце концов. Ну что тут такого? Я ж никого не убиваю. Если проблемы будут, срок вряд ли получу. И вообще: нет тела, нет дела. А тела-то точно нет! Сожрал этот...», — подумал Серега и вздрогнул.

За несколько месяцев они отвезли в подземелье еще три тела: неопознанного подростка, прыгнувшего с крыши (череп и лицевую часть разнесло вдребезги от удара об асфальт), старушки, умершей от инсульта посреди улицы, и здорового крепкого мужика, погибшего в аварии: полупустая маршрутка столкнулась с газелью, мужик сидел рядом с водилой маршрутки. Без документов. Каждый раз трупы буквально растворялись во тьме.

— Плохой мертвец, — объявлял невидимый голос и платил мало. Однажды свет Иванова фонаря случайно выцепил из мрака белую руку существа, которое вцепилось и тянуло к себе лодыжку трупа. Странно, но руку эту украшал татуировка в виде паука — точно такая же была у того мужика, которого они притащили недавно... Очень странно.

Но к чему об этом думать?

Полгода минуло незаметно. Серега отправил жену с ребенком в зарубежную клинику, и теперь каждый день слышал счастливый голос жены, рассказывающей, как Варенчик самостоятельно поднимает ножки и ручки, и что врачи настроены оптимистично. Между тем похищать трупы стало сложнее: городские газеты писали о случаях исчезновения тел — с многочисленными комментариями огорченных, ошарашенных, несчастных родственников. Поползли нехорошие слухи. Иван настаивал, что надо на время залечь на дно, но каждый раз Сереге удавалось его переубедить. Только Иван не успокаивался: регулярно заводил подобные разговоры. Серегу это бесило.

Поначалу он намеревался лишь найти деньги на лечение дочери. Но теперь планы его разрослись — он мечтал о двухэтажном особняке с забором и дорогих машинах — ему и супруге, и его раздражали Ванькины психозы при каждой новой вылазке. Напряжение между ними росло; Серега предполагал, что проблемы теперь только дело времени.

— Фух! — Серега осторожно прислонил мертвое тело к стене. Руки у него дрожали, а спина обещала отвалиться от боли. Иван выглядел еще хуже. Серега вытянул мятую пачку сигарет из кармана и закурил, Иван знаком попросил сигарету и себе. На этот раз им пришлось тащить тело мужика, весившего наверняка за сотню — с огромным брюхом, отвислыми щеками и носом с красноватыми прожилками.

Знакомый запах мертвчины ударил в нос. Тьма разрослась перед Серегой сплошной стеной. Он спокойно ждал. Страх давно покинул его. Втайне он гордился этим, считая, что не каждый сумеет сохранять силу духа в таких условиях.

Но его напрягал Иван. Он дергался. Все время дергался. Серега сошел с лестницы на рыхлый, земляной пол, отсчитал двадцать шагов и выключил фонарь. Сумрак обступил его со всех сторон. Серега ждал. В кромешной темноте эта тварь общалась намного охотнее, как-то раз даже назвала свое имя.

— Корпофаг, где ты? — позвал Серега после непродолжительного молчания.

— Здесь, — шепнул голос. — Плохой мертвец. Он не нужен нам.

Серега ругнулся — значит, денег не будет. К тому же его страшно бесила манера этой твари говорить о себе во множественном числе. Это как-то... беспокоило.

— Нам больше не нужны мертвецы, — продолжал голос. — Нам нужны живые, теплая кровь.

— Что? — вздрогнул Серега.

— Живые люди. Приведите живых людей. Мы заплатим в три раза больше.

Серега, поняв, что дело повернулось уже не так, как он рассчитывал, начал уговаривать невидимого собеседника забрать тело и взять еще нескольких за вдвоем меньшую цену, но тьма оставила эти уговоры без ответа — Корпофаг промолчал.

Встревоженный Иван топтался на лестнице, высматривая Серегу, уголки его рта мелко подрагивали. Принесенное тело осталось там, где они его положили.

— Пошли наверх, — выдохнул Иван, выслушав рассказ Сереги. — Халява за-кончилась.

— А где мы живого человека найдем? — пробормотал Серега. Глаза Ивана забегали.

— Нигде. Конторка закрылась. Похищение — это уже серьезно. Срок за это полагается большой. Нас сразу сдапают.

— Да вырубить какую-нибудь бомжиху или алкаша, которых искать не будут. Одна-две ходки — и дело в шляпе! Мне деньги нужны, — уламывал Серега.

— Что-то ты расслабился от хорошей жизни. Мозги протухли? Ладно, как знаешь, — сказал Иван в итоге, после чего уселся за руль своей иномарки. Серега проводил его машину тяжелым взглядом. Настроение было хуже некуда — до полного исполнения мечты — всего ничего, а тут такая засада.

Он пил чай в комнате отдыха, когда зазвонил телефон. Алена? Голос у супруги дрожал, она волновалась:

— Сереженька, нам предложили экспериментальное лечение, мы можем встать первыми на очередь, если сможем найти триста тысяч...

Серега внимательно выслушал жену. И вздохнул — Алена никогда не спрашивала, где он брал деньги на лечение. Значит, не спросит и сейчас.

Времени обдумывать свои шаги у него не было. Он прикупил в магазине несколько бутылок водки, закуску. Постучал в дверь в квартире этажом выше. Открыл ему низенький полный мужчина с большой залысиной и покрасневшими глазками. Увидав пакет в руках Сереги — оживился и поманил за собой.

— Ленка на даче до завтрашнего вечера. Заходь давай! А что за повод?

— Пальч, операция у дочки удачно прошла. Надеюсь, что поможет. А мне бы вот нервишки подлечить, — сообщил Серега, улыбаясь. Пальч покивал и понесся на кухню доставать стаканы. Пока он там копался, раскладывая по тарелкам закуску, вскрывая упаковки, Серега нашупал в кармане мятую картонную

упаковку и бросил в открытую бутылку таблетку. Потом разлил водку, брызгая бутылочным горлышком о края граненых стаканов. Палыча не требовалось просить дважды. Даже не присаживаясь, он схватил стакан и опрокинул его содержимое одним махом. Взял с тарелки кусок колбасы и приоткрыл рот, собираясь что-то сказать, но не успел — глаза закатились, и он мешком грохнулся на пол. Серега поднялся — без сознания Палыч пробудет часов десять. Нацепив на соседа ботинки, шапку и куртку, Серега с трудом вынес его из дома, стащил вниз по выщербленной лестнице, занес в лифт и нажал на кнопку первого этажа. И вдруг лежащий Палыч разлепил один глаз, замычал, замотал головой. Серега перепугался.

Как только лифт остановился, он сорвался с места и бросился к машине, припаркованной у подъезда заранее. Сосед остался в лифте.

Несколько часов Серега бесцельно колесил по городу, пока не остановился у входа в какой-то магазинчик на окраине. В маленьком дворе напротив ребенок лет десяти рисовал палкой какие-то фигуры. Серега подошел и попробовал завести разговор, но мальчик отвечал неохотно и косился на дверь близкого подъезда. Когда в окне на первом этаже показалось широкое мужское лицо, Серега отошел к машине и уселся в салон. Мальчишка скрылся в подъезде.

Серега выжал газ, выехал из двора. Закурил, чтобы успокоить нервы, глянул на часы — поздний вечер. Оставалось два дня, чтобы найти деньги.

Время утекало, словно вода сквозь пальцы.

Иван любил роскошную жизнь. Сидя в кожаном кресле, в одной из комнат своей четырехкомнатной квартиры, отведенной под кабинет, он потягивал дорогой купажированный Реми Мартен 25-летней выдержки и курил ароматные сигары.

Да, он любил роскошную жизнь, но он знал, когда следует остановиться. Одно дело — похищение трупов, другое — похищение живых людей. Безусловно, тело никогда бы не нашли, пройди все удачно. Но удача имеет свойство отказывать, а ситуация — усугубляться. Иван печенкой чуял, что ничем хорошим все это не закончится.

Он все еще помнил радостное выражение лица его приятеля, Валька, когда тот показывал ему копии довоенных карт и рассказывал, что, по его мнению, под заброшенным бастионом «Обертайх» должен быть проход в катакомбы, пролегающие почти под всем городом, затопленные или разрушенные участки которых иногда находили при проведении ремонтных работ. И он оказался прав. Внутри бастиона они нашли проход и через несколько часов наткнулись на закрытую дверь бункера. Сырость и влага сделали свое дело — петли двери заржавели, а она сама просела из-за деформации потолка. Несколько дней пришлось потратить, чтобы проникнуть внутрь. Ничего ценного они не обнаружили — ни документов, ни оружия, ни оборудования. Иван ожидал найти хотя бы скелеты, но ничего такого там не было. Он рассматривал бумаги (это оказались листы из разорванной библии) на полу одной из комнат, когда тишину разорвал громкий крик, который тотчас замолк. Иван спустился на второй уровень и увидел, как схватившийся за голову Валек неловко пытается встать на ноги, а в следующее мгновение — со страшным криком исчезает во мраке. Да, это было... Неприятно.

Иван включил висящий на стене плазменный телевизор: в новостях шел репортаж про исчезновения трупов. Иван с интересом слушал, радуясь, что вовремя завязал с этим делом. Все деньги мира все равно не заработкаешь.

Завибрировал телефон на столе.

— Да?

— Мне следак звонил, — Серегин голос звучал нервно и напряженно. — Они нашли машину, на которой мы трупы перевозили. Теперь я должен к ним прийти на допрос.

Иван склонил голову, приподнялся с кресла, в груди у него защекотало. Собрав волю в кулак, спросил:

— А мне-то что с этого?

— А того, что я тебя сдам, если не поможешь разобраться с ситуацией! — крикнул Серега. У Ивана зашумело в голове, будто от удара кирпичом. «Вот влип, — подумал он. — А ведь сам, сволочь, жадничал».

— Хорошо, — буркнул он в трубку.

— Встречаемся завтра, рядом со входом в бастион, там народу почти нет, никто нас не увидит, — сказал Серега и отключился. Иван положил телефон обратно на стол. Положил ногу на ногу и глубоко задумался.

Проем, ведущий внутрь бастиона «Обертайх», представлял собой просто дыру, образовавшуюся после обвала стены. Ближайшие дома располагались на холме выше, но из-за густо проросших деревьев увидеть, что происходит внизу, было непросто. В начале двухтысячных годов городская администрация задалась целью организовать тут парк, на все ограничивалось до сих пор прокладкой гравиевой дорожки для прогулок вдоль рва. Иван пересек мостик, ведущий через ров к бастиону. Накрапывал дождь, поднялся ветер. Настроение у Ивана было таким же мрачным, как серое небо над головой. Он не мог избавиться от дурного предчувствия.

Серега спрятался под толстыми стенами редюита у провала. Стоял, запахнувшись в свою любимую куртку, периодически выглядывая в поисках Ивана. Разгар дня, а ни одного прохожего. Горожане предпочитали гулять в более благоустроенных парках. Проход к бастиону со стороны города закрывали гаражи, и, чтобы пробраться к его стенам, требовалось взобраться вверх по склону, по раскисшим от дождя глинистым дорожкам. Зачем? Что тут интересного можно найти? Ничего.

Серега увидел Ивана и помахал рукой, зазывая внутрь. Редюит представлял собой узкое продолговатое двухэтажное здание с медной винтовой лестницей в конце. Саму лестницу давно спилили и сдали в металломол много лет назад. Пол был усыпан окурками и пивными банками, кто-то затащил внутрь огромный спиленный ствол дерева и использовал его в качестве скамейки.

— Ну. И чего ты от меня хочешь? — заговорил Иван, проходя в глубину редюита вслед за Серегой. — Я ничем не могу тебе помочь!

— Можешь, — сказал Серега и выбросил вперед руку. Ивану вдруг стало тяжело дышать, горло перехватил спазм. Он хватанул ртом воздух и упал на влажный после дождя пол. Он чувствовал удары, пока не потемнело в глазах.

Серега стянул связанного Ивана с лестницы на земляной пол — приятель шмякнулся как пакет с мусором. Мрак подкрался ближе; фонарь Серега не зажигал. Он стоял, заложив руки за спину, и чувствовал всей кожей, как на него смотрят тысячи невидимых глаз.

— Ты хочешь отдать нам его? — спросил знакомый голос.

— Да, — ответил Серега. Он думал, что будет испытывать чувство вины, но не чувствовал ничего. Иван беспокойно завертелся в углу, завозил ногами, поднимая пыль. Серега не видел ничего, кроме тьмы перед глазами, но в деталях представлял, что происходило поблизости.

— Хорошо, — голос не поменял интонации, оставаясь по-прежнему равнодушным и холодным. Внезапно под потолком вспыхнули фонари. Серега даже не думал, что тут еще работает проводка. Свет, исходящий от фонарей, был нестерпимо ярким и ненатуральным.

Первой на свет вышла фигура с двумя руками с правого бока и тремя — с левого. Из-за ног разной длины и толщины, вышагивало это существо с большим трудом. Длинное туловище венчала непропорционально маленькая голова с белокурыми волосиками (Серега узнал голову мертвого младенца, которого они выкарали). Вторая фигура следовала рядом. Головы и рук у нее не было, и представляла она собой, скорее, несколько скроенных между собой туловищ с заплывшими от жира короткими ногами, на которых передвигалась весьма быстро. Первая фигура вперилась в Серегу злобными крохотными глазками.

— Ты хочешь отдать нам своего друга? — спросило существо, не открывая своего младенческого рта.

— Да, — не задумываясь, подтвердил Серега. Иван очнулся, затрепыхался, попытался встать на колени. Но его прижала к полу здоровенной рукой отделившаяся от теней третья кривая фигура. Четвертая фигура, похожая на собаку с неестественно длинным туловищем и множеством искривленных ног, безмолвно раскрыла пасть и впилась зубами Ивану в плечо. Тот завопил тонким, девчачьим голоском. Услыхав его, Серега ухмыльнулся.

Трус. Даже умереть не может по-мужски. Существа потащили барахтающегося Ивана во мрак.

— Теперь осталось решить вопрос с тобой, — проговорило существо. Его маленькие мертвые глазки уставились на Серегу. — Мы Корпофаг. Нас много, и чтобы жить, нам нужны мертвецы и живая кровь. Ты хорошо послужил нам, и послужишь еще. Мы можем дать тебе больше, чем просто деньги — мы сделаем тебя лучше.

Корпофаг приблизился к Сереге на шаг.

— Ты про что это? — пробормотал Серега, отступая назад. Страх накатывался волнами.

— Те люди, с которыми мы заключили договор много лет назад, — они предали нас. Хотели использовать нас... Поэтому поплатились. Мы ждали, когда появится тот, кто поможет нам снять оковы.

— Кто? Что? К-какие оковы? А я тут при чем? — голос Сереги дрожал. Успеть бы добраться до ступенек. Дальше эти твари пройти не смогут. Только он подумал об этом, и его лодыжек коснулось что-то холодное — и секунду спустя,

хватанув ртом затхлого воздуха, Серега очутился лицом вниз на грязном бетонированном полу. По спине скользнуло что-то холодное, длинное и твердое. Серега хотел дернуться, но не сумел: Корпофаг тронул его голову тоненькой женской рукой, а многочисленные холодные лапы намертво приковали Серегу к полу. Что-то шлепнулось ему на спину и ритмично задвигалось, приближаясь к голове.

Серега закричал. Он кричал как никогда в жизни.

Голоса в голове не утихали: шумели, требовали, доставали... Он терпел. До-стал из багажника машины тяжелую сумку и перекинул ее на плечо. Голоса завопили громче: Корпофаг разгадал его затею. На мгновение тело перестало слушаться, но усилием воли Серега вернул себе контроль. Оставалось совсем немного.

Серега почувствовал, как зашевелились твари под землей, забегали, заволновались. Он достал из кармана фотографию Вари — ту, на которой дочка пыталась сделать первые шаги.

Нет. Нельзя. Никак нельзя, чтобы эти твари вырвались наружу.

— Ради твоего будущего, Варька. Прости папу... — пробормотал Сергей и направился к бостиону, зажав взрыватель в кулаке.

СЕРГЕЙ БЛИНОВ

От автора: «„Гробы“ написаны под впечатлением изучения великого голода в Ирландии; в первую очередь я стремился рассказать о том, что это было за время. Так уж вышло, что эта трагедия практически не известна широкому кругу читателей. Несправедливо. А кельтские боги и история о том, что месть такое блюдо, которое вообще лучше не подавать, пришли потом».

Маргарет О'Силгэйр проснулась на рассвете. Накинула сарафан, сунула ноги в сандалии, собрала волосы в хвост и вышла на палубу. Яхта мирно покачивалась на еле тронутых новорожденным солнцем волнах. Противно кричали ранние чайки. Пол сидел в кресле на корме, кидая наглым пернатым хищникам рыбешек. По обе стороны от его сиденья торчали в разные стороны удочки — штук девять или десять. Маргарет знала, что муж способен следить за всеми снастями одновременно, такой уж у него был талант. «Я внук рыбака и правнук рыбака», — частенько повторял Пол, хватив лишнего в клубе. После этого он всегда обнимал жену и продолжал: «Видали, какую словил себе?»

— Мы же хотели сняться с якоря, — сказала Маргарет, кладя ладони на плечи супруга. — А парус еще спущен. Мама убьет нас, если не покажемся к ужину.

— Всему свое время.

Пол встал, запустил в небо последнюю рыбешку, моментально исчезнувшую в чаячье глотке, поцеловал Маргарет в щеку и жестом пригласил ее следовать за собой. Он отвел ее на нос.

— Поможешь с якорем?

Вдвоем они не без труда вытянули тяжелый стальной крюк.

— Я подниму парус, — сказал Пол. — Не смотаешь пока мои удочки?

— Конечно, дорогой.

Маргарет вернулась на корму и принялась за дело. В отличие от мужа, искусство рыбной ловли она осваивала с немалым трудом. Главную проблему составляла вечно путавшаяся леска, и проблемы этой не удалось избежать и теперь. Ругая себя за криворукость, молодая женщина положила удочку на пол и принялась возиться с непоступной нитью. Она так увлеклась, что не услышала мягких шагов мужа. И никогда не узнала, за что он размозжил ей голову якорем.

Что может быть несправедливее, чем сама жизнь, думал Фингал О'Силгэйр, глядя на отдаляющийся берег родной стороны. Над дублинской гаванью повисли мрачные тучи, скрывшие солнце и уравнявшие в цвете небо и землю. Крыши домов на прибрежных улицах, темная вода, костлявые мачты плавучих гробов, еще не принявших на борт новых смертников, эфемерные громады

ПЛАВУЧИЕ ГРОБЫ

серых облаков — все вокруг смешалось на единой палитре. Голод высосал краски из зеленой земли, наводнил улицы городов нелепыми большеголовыми детьми и изможденными, потерявшими красоту и разум женщинами. Удары, которые еще не нанесли англичане, посыпались на спины ирландского народа по велению самого Господа. Как иначе объяснить все те бедствия, что в одноточечье обрушились на жителей острова?

Плавучий гроб, на котором отправлялась искать лучшей доли семья О'Силгэйр, назывался «Асфодель». Он был построен во Франции лет тридцать назад и за время службы успел превратиться из гордого и надежного судна в дряхлое подобие корабля. Пробитых или гнилых досок на палубе оказалось больше, чем целых, а переоборудованный специально под транспортировку сотен пассажиров трюм казался Фингалу преддверием ада, в котором кишат неуспокоившиеся души.

— Картофель. Нас изгнал простой картофель, — с горькой усмешкой сказал подошедший отец.

Фингал не улыбнулся.

— Даже меня, рыбака, и то картофельный мор загнал на эту лохань, — продолжал Луг О'Силгэйр. — Клянусь, скоро эта земля опустеет, и тогда величество не преминет подобрать ее всю под себя. Это конец Ирландии, сын.

— Но не наш конец.

— Ты прав. Да благословит Бог старого Мак Криди!

Мак Криди исчез еще до пришествия Великого голода, а три месяца назад от него пришло письмо. Старый плут, почувствовав надвигающиеся беды, сбежал в Нью-Йорк, где открыл лавочку и за пару лет накопил кое-какой капиталец. В послании он писал, что не может допустить гибели давних соседей и потому приглашает их в Америку. Обещал обеспечить Луга и Фингала работой.

— Аминь, — кивнул Фингал, хотя на душе у него скреблись кошки. Не таким человеком был Мак Криди, чтобы ему безоговорочно доверять. В родной деревушке о нем шептали всякое: мол, и вороват, и в долг под процент давать не гнушается, и жену отчего-то из дома не выпускает. Продавать дом и все пожитки и бежать на чуждый континент по первому его зову? Фингал не был уверен в разумности такого поступка, но с отцом разве поспоришь...

Оставив отца на палубе, молодой человек спустился в трюм, царство вони и зловещей какофонии. Пробираясь к лавкам, отведенным О'Силгэйрам, Фингал дышал ртом, однако это спасало лишь от запаха. Рецепта против сливающегося в единый монотонный гул многоголосья, детского плача и стонов больных у Фингала не было.

«Не доберемся», — «Хочу есть, мама!» — «Отче наш, сущий на небесах...» — «Скорее бы!» — «Тебе плохо?» — «Вот, возьми яйцо», — вырванные из общего потока фразы перемешивались с собственными мыслями Фингала, мешая со средоточиться, сбивая с толку, погружая в пучину чужих страданий.

Мать, сестры и бабка не вставали со своих лавок с самого отплытия, словно боялись, что их может занять кто-то другой. Конечно, это не касалось бабки, которая просто не могла стоять.

— На воздух, живо, — скомандовал женщинам Фингал. — Еще не хватало,

чтоб вы весь путь проделали в такой духоте. Заморите себя!

Убедившись, что мать и сестры послушались, молодой человек вернулся к бабке. Гэль О'Силгэйр открыла выцветшие от старости серые глаза и слабо улыбнулась внуку. Он ответил на улыбку, взял в руку тонкую длань и вложил в нее жесткую серую краюшку.

— Сберег для тебя.

— Спасибо, — еле слышно отозвалась старуха. — Съешь сам. Я не переживу плавания, и ты это знаешь не хуже моего.

Он кивнул. Спорить с бабкой все равно было бесполезно. Несмотря на то, что старшим в семье считался Луг, все О'Силгэйры беспрекословно слушались Гэль. Ее возраст уже давно перевалил за восемьдесят, но старческое слабоумие — вечный спутник преклонных лет — обошло ее стороной. Гэль держала домашнее хозяйство в абсолютном, неколебимом порядке, и единственную слабину дала лишь теперь, когда Луг настоял на отплытии в Америку. Так будет лучше для семьи, сказал он матери, и та вынуждена была кивнуть. Род для нее значил гораздо больше, чем все остальное вместе взятое. Фингал помнил слова Гэль, произнесенные на одном из последних собраний, когда в доме Луга встретились все живущие родственники из О'Силгэйров. «Мир может катиться в геенну, но мы должны выстоять и в этом случае, — говорила бабка. — И если вдуматься: что такое мор, пусть даже и великий, в сравнении со стоящими за нашими спинами сотнями поколений предков?»

Семье дядьки предки не помогли. Она исчезла за месяц, скошенная голодом и поветрием. Последняя весть от Рика О'Силгэйра пришла две недели назад. Он передал через бродячего тряпичника, что держится из последних сил, но в Америку ехать отказался. Вполне возможно, решил Фингал, глядя двумя пальцами сухую кисть бабки, вскоре в Ирландии не останется ни одного из О'Силгэйров. Ветви родового дерева внезапно представились ему хрупкими, как кости под белой кожей, и безжизненными, как лениво пульсировавшие вены.

Детектив Джейферсон Джордан (для друзей Джей-Джей) с первого взгляда невзлюбил рыжеволосого бородатого парня, встретившего его у дверей отделения. Ирландцы и так-то не особо приятные ребята, а уж если один из них взялся за дело своего сородича, тут уж жди беды. Кроме того, будучи наполовину пуэрториканцем и наполовину чернокожим, Джордан априори недолюбливал чрезмерно самоуверенных белых, среди которых именно ирландцы выделялись в худшую сторону. И в довесок он никак не мог отделаться о мысли, что его временный напарник (по фамилии Мак Лир; имени он не называл) с не тронутой загаром бледной кожей, длинными патлами, заплетенными в косу и татуировками на жилистых предплечьях вообще не похож на полицейского.

До начала допроса Мак Лир не доставлял никаких неприятностей — просто сидел и пил кофе за единственным в отделе свободным столом. На вопрос, откуда он вообще взялся, ирландец улыбнулся, пожал плечами и протянул шефу бумаги из центрального управления: мол, я и сам не знаю, начальство прислало зачем-то. Джей-Джея такой спектакль, разумеется, не устроил. Дураку ж ясно: парняга прикатил вызволять своего.

— Ты хоть знаешь, что натворил этот О'Силгэйр? — спросил Джордан, сопровождая ирландца в комнату, где сидел подозреваемый.

Мак Лир пригубил кофе (третий стаканчик, между прочим).

— Ну?

— Убил свою жену. Разбил якорем череп, — сообщил Джей-Джей. — Ты бы это видел!

— Поверь, я многое видел, — равнодушно ответил рыжий.

— Ну да, не сомневаюсь.

Пол О'Силгэйр скорчился на своем месте, уронив голову на скрещенные на столе руки. Очевидно, он так и сидел с тех пор, как Джордан оставил его. Даже на шум открываемой двери не среагировал.

— Мистер О'Силгэйр, — позвал детектив.

Ноль внимания.

— О'Силгэйр, хватит ломать комедию!

— Я не убивал ее, — послышался голос преступника.

— И вот это он твердит с самого утра. И плачет иногда, — Джей-Джей повернулся к Мак Лиру. — Действуй!

Ирландец кивнул.

— Я верю вам, Пол, — сказал он.

О'Силгэйр медленно поднял голову.

— Правда?

На пятый день плавания Гэль дождалась, пока Луг уведет жену и дочерей на палубу, подозвала к себе Фингала и, вытянув сжатый кулак, скомандовала:

— Подставь руку!

Молодой человек раскрыл ладонь, и старуха положила на нее крошечный игрушечный кораблик, сделанный из щепок и рваных тряпок.

— Что это?

— Прощальный подарок. Скоро меня не станет, — Гэль сжала пальцы внука. — А вот талисман тебе еще послужит.

Фингал не удивился словам бабки: она частенько говорила загадками. Кроме того, молодой человек подозревал, что она не чтит Христа, отдавая предпочтение старым богам. Маленьkim внукам Гэль рассказывала не библейские истории, а мрачные непонятные легенды древних дней: о воителе Кухулине с семью зрачками в каждом глазу и об отвергнутой им мстительной Морриган, Хозяйке ворон, и о короле Маэле Морда, павшем в бою с викингами, о Дивном Народе, и сгинувших языческих божествах, и еще многие-非常多的 сказания, большую часть которых Фингал помнил лишь смутно. В них Ирландия представляла страной чудес и колдовства, опасной и странно притягательной.

— Это подарок Мананнану, Хозяину моря, — продолжала старуха. — Знаю, ты в него не веришь, но это не значит, что его не существует. Мир старше, чем Иисус-Агнец, и мудрее, чем Соломон. Важно лишь найти лазейку туда, где до сих пор ходят забытые боги. Маленький корабль, который ты держишь, на самом деле больше, чем все плавучие гробы вместе взятые. И в тысячу крат важнее.

— На нем лежит грех, — возразил Фингал. — Разве можно...

— Можно, — перебила бабка. — Но каждый сам решает, нужно ли. Я расскажу, как поднести дар Мананнану, а ты вправе сделать это или скречь кораблик. Фингал подумал.

— Годится. Но только быстрее, пока не вернулись родители.

— Ты всегда был толковее их, — Гэль довольно оскалила желтые зубы. — Никогда не стоит отказываться от возможностей, какими бы грешными они ни казались. Слушай внимательно, мальчик мой: Мананнан властвует над водами, поэтому дать ему подарок и попросить о помощи можно только у моря. Брось кораблик в воду, вспомни меня, громко назови Хозяина по имени и поведай ему, чего бы ты желал. Учи, что на суще Мананнан не всемогущ, и используй дар мудро. Нет никого несчастней тех, кто просил Хозяина не о том, что действительно важно.

— Он исполняет тайные желания?

Старуха болезненно сморщилась и помотала перед самым носом внука длинным иссохшим пальцем.

— Не глупи! Мананнан — не фея, которой девчонки приносят цветы в надежде встретить мужа. Твои желания — пустота. Обращайся только тогда, когда тебе потребуется сила, способная поднимать волны и смывать в бездну города.

— И что же ты до сей поры не попросила его снести в пучину морскую Лондон?

— Все... не так просто, — ответила Гэль. — Даже там.

И неопределенно провела рукой над головой. Фингал кивнул. Он понял, что имела в виду бабка.

— Но даже если уничтожить Лондон и не получится, ты всегда сможешь просить сопутствия в частных делах. Подсобить семье. Призвать удачу в делах. Подумай над этим, выбери нужный момент. И никому не говори о нашей беседе, ясно? Особенно чужакам.

Фингал повертел в пальцах кораблик, сунул его за пазуху и еще раз склонил голову в знак согласия. Бабка Гэль одобрительно улыбнулась ему и повернулась лицом к стене. Фингал сидел с ней, пытаясь расслышать среди многоголосья ругани, жалоб и молитв ее дыхание, пока не вернулись родители с сестрами. Тогда он поднялся, положил ладонь на плечо бабки, склонился и прошептал «Спасибо». Старуха не ответила. Она и так знает, что поступила правильно, подумал парень. Без пустых благодарностей. Даже если кораблик Мананнана на самом деле лишь неказистая игрушка из гнилых щепок, плод труда отчаявшейся умирающей богохульницы.

— Давайте сначала, — Мак Лир повернул стул и уселся на него верхом, как в старых детективных лентах. — Когда вы перестали понимать, что творите, Пол?

— Я попросил ее удочки собрать, говорил же уже.

Пол О'Силгэйр слогнул слону.

— И что произошло дальше?

— Не знаю. Темнота перед глазами. Знаете, такая, когда все черно-черно, а потом начинают еще и круги появляться. Как будто провалился куда-то в бездну. А как очнулся, смотрю: Марго лежит в крови. А я над ней, как последний идиот, стою с этим якорем в руке. Но это не я ее убил, клянусь вам!

— Нет, не вы, — тряхнул косицей Мак Лир. — Предположим, я принял это

как данность. Кто еще мог сделать это?

— Не знаю.

— Вы говорите это уже во второй раз. Подумайте.

— Это мог быть приступ какой-то болезни. На яхте больше никого не было, если вы об этом.

— Вы принимаете наркотики, Пол? Пьете?

— Никогда!

— Врете, — сказал Джей-Джей.

О'Силгэйр опустил взор. Врет, утвердился в своей догадке детектив. Без алкоголя и недели не проводит. А может, еще и нюхает что-то в придачу. Вот вам и «не убивал».

— Что вы употребляли на яхте?

— Да ничего! — арестованный замахал руками. — Трезв был, как стеклышко!

Мак Лир поскреб подбородок длинными желтыми ногтями. Джей-Джей развел руки в стороны.

— Ничего нового, так? Вина очевидней очевидного.

— Не уверен.

— Ну-ну, — буркнул Джордан. — Расследование не завершено, но суду присяжных будет что сказать, даже если найдутся сотни улик. Вам есть еще что сказать?

— Пока нет.

— Тогда скажу я. Мистер О'Силгэйр, врачи обнаружили еще кое-что при осмотре тела вашей жены. Кое-что очень неприятное для вас.

Гэль умерла за два дня до прибытия. Луг О'Силгэйр оттащил тело матери на палубу, разогнал матросов, предпочитавших хоронить покойных пассажиров в океанских волнах, и сидел практически неподвижно до самого Нью-Йорка. От хлеба, которое приносил Фингал, отец просто отмахивался. На американскую землю ступил новый Луг — раздражительный, злой и надломленный. Ему суждено было последовать за Гэль через год.

Но в те дни, суворой осенью 1851 года, Луг все еще боролся. Позднее Фингал вспоминал, что глядя на покачивающуюся у пирса «Асфодель», отец улыбался. Это была улыбка победителя, улыбка выжившего. Схватка с судьбой продолжалась.

Младшая сестренка помахала плавучему гробу на прощание.

Мак Криди устроил свое нехитрое предприятие в портовом районе, где селились, в основном, приезжие. Старики процветали. Его секретом успеха была не только и не столько лавка, в которой целыми днями просиживал в ожидании покупателя болезненный мальчик лет двенадцати, сын Мак Криди, чьего имени Фингал так никогда и не узнал. Немалые деньги, создавшие Мак Криди славу на улицах, приносил бордель, располагавшийся на двух верхних этажах доходного дома. Именно туда старики предложили определить сестер О'Силгэйр. На вопрос Луга о письме и совместном деле Мак Криди только рассмеялся.

— Это и есть дело, старина! Здесь полно ирландцев, которым не по душе английские и голландские шлюхи, они предпочитают родное.

Выслушивая вторую часть предложения, которая заключалась в сидении за стойкой вместо голодного подростка, Луг не стал. Ее Мак Криди озвучил

Фингалу. Парень нашел в себе силы только помотать головой, но старый сводник ничуть не расстроился. Жестом доброго, но уставшего хозяина он выставил юношу за дверь и затворил за удаляющимися О'Силгэйрами дверь. Вместе с лязгом засова Фингал услышал еще одну фразу: «Вы еще вернетесь ко мне».

Полгода прошло в скитаниях с одной съемной комнаты на другую. Выносивший и не гнушавшийся никакой работы Луг хватался за любую возможность заработать лишний цент. Порой он пропадал на целую неделю, потом возвращался пьяным и вываливал на стол монеты. Заработки давались отцу тяжело. Из одного недельного похода за деньгами он вернулся с располовиненной бритвой щекой. А в феврале во время работ в порту ему перебило руку оборвавшейся цепью.

Подменяя отца в порту, Фингал неожиданно для самого себя обнаружил, что находит удовлетворение в тяжелом физическом труде. Мелкие поручения, которые он выполнял для соседей, не могли сравниться с работой настороженного мужчины. К исходу лета Фингал уже стал своим на верфях. Он начал гораздо лучше разбираться в кораблях. Починка отцовской рыбакской лодки, за которую он иногда брался в Ирландии, теперь казалась ему детской игрой. Облепленные ракушками суда, которые вытягивали на сушу громадными кранами, стали настоящей страстью Фингала. Он помогал очищать их от ила, научился распознавать отверстия, проделанные древоточцами, штопал паруса и с завистью смотрел на стальные корабли, к которым его пока не допускали.

Фингал начал чувствовать себя почти счастливым, когда умер Луг О'Силгэйр. Что за болезнь скосила отца, не смог ответить ни один из вызванных врачей. Возможно, ему сумели бы помочь доктора, жившие за пределами ирландских трущоб, но на них у семьи просто не нашлось денег. Вместо лечения последние средства пошли на похороны, и Луг упокоился рядом со своей матерью. Фингал попытался попросить Иисуса о прощении грешной души отца, но не смог. Христианский бог показался ему слишком далеким и отстраненным.

А в сумке, которую Фингал всегда носил у пояса, ждал своего часа кораблик Мананнана.

Фингал до конца жизни помнил тот день, когда, вернувшись домой после ночной смены, обнаружил в съемной комнате пропитого сизолицкого мужика с густой рыжей бородой. Именно он и поведал юноше, что мать с сестрами ушли к некоему Мак Криди. Когда Фингал, задыхаясь от бега, забарабанил кулаками по двери лавки, самое страшное уже свершилось.

— Теперь они мои, — сказал Мак Криди.

Фингал оттолкнул старика и ворвался в лавку. Мать стояла за прилавком, не смея поднять головы. Распущенные волосы образовали плотную черную вуаль, скрывающую ее лицо. Рядом с ней безымянный подросток лепил написанные от руки этикетки на высокие зеленые бутылки. Сестер видно не было.

— Ты можешь творить со своей жизнью все, что тебе заблагорассудится, — прошипел парень родительнице, — но не с жизнью дочерей. Отдай их мне!

Мать не произнесла ни слова. Фингал многое отдал бы, позволь она заглянуть себе в глаза, но темная вуаль осталась неподвижной. Мэри О'Силгэйр словно окаменела от ужаса перед сыном и стыда за содеянное.

— Будь ты проклята!

Фингал пробыл в лавке не дольше двух минут, но за это время судно его жизни сошло с фарватера и, миновав смертоносные рифы гнева и отчаяния, попало в быстрое течение решимости. Юноша плюнул в барахтавшегося на полу Мак Криди, хлопнул дверью лавки и к верфям. Там он нашел пристанище у одного из знакомых плотников, проворочался весь день на узкой лежанке, а поздним вечером вышел к воде, отыскал пустой причал, сел на салмый его край и достал кораблик бабки Гэль.

Нелепый игрушечный парусник показался ему неожиданно тяжелым. Фингал покачал его на сложенных лодочкой ладонях. Сглотнув горькую слюну, юноша начал говорить.

— Владыка Мананнан, сегодня один человек отобрал у меня веру, любовь, семью. Я требую не меньшего взамен. Отомщу ли я, просто убив старика, которому и так долго не протянуть? Нет! Моя душа успокоится, только когда муж О'Силгэйр прервет жизнь последнего мужа Мак Криди и вырвет гнилой росток его семейства. Искорени потомков Мак Криди — вот моя просьба, сорти его семя с лица мира! Не моими руками, так руками моих сыновей. Не деяниями нашего рода, так чумой, голодом, войной.

Фингал выпустил кораблик из рук. Тот моментально исчез во тьме, и лишь тихий всплеск заставил парня поверить, что подарок Мананнану долетел до воды, а не был перехвачен в воздухе скрытой в черноте дланью древнего бога.

Он до утра бродил по улицам Нью-Йорка, не видя и не слыша ничего вокруг себя. На рассвете он вернулся в порт. Труд помог ему отвлечься от лишений канувшего во мрак вчерашнего дня. Вечером еще в большей степени помог отвратительно крепкий виски, который они распилили вдвоем с плотником. В последовавшие месяцы он находил утешения в объятиях портовых девок, пьяных драках и работе до полного изнеможения и стертых до костей ладоней.

Мананнан не торопился исполнять просьбу: Мак Криди жил и не испытывал нужды. Когда он, наконец, умер (в своей постели, выхаркивая пораженные туберкулезом легкие), Фингалу сравнялось двадцать пять. Смерти ни одного из многочисленных внуков Мак Криди Фингал не увидел. А своим сыновьям о кораблике Мананнана О'Силгэйр ничего не сказал.

— Она была беременна, мистер О'Силгэйр, — сообщил Джордан. — Вы знали об этом?

Пол закрыл лицо руками. По всей видимости, даже на истерику у него уже не хватало внутренних сил.

Мак Лир, поднявшись со стула, обошел допросный стол, положил ладонь на плечо подозреваемого и с осуждением поглядел на Джей-Джея. Тот лишь фыркнул. Щадить чувства убийцы? Да ни за что!

— Я могу смягчить приговор, Пол, — мягко произнес ирландец. — Наркотики на вашей яхте, ваше пристрастие к абсенту... Маргарет тоже употребляла всю эту гадость, и никто не станет отрицать этого.

— Нет у нас никаких наркотиков на яхте, — пробубнил О'Силгэйр.

— Нет, есть. Вот и в протоколе обыска указано.

— Их кто-то подбросил.

— Никто не мог. Разве что настоящий убийца, буде такой существует, — Мак Лир помахал бумагами.

О'Силгэйр выпрямился на стуле и нерешительным жестом убрал руку полицейского с плеча.

— А беременность? Это правда?

— Это правда, Пол, — скорбно кивнул Мак Лир.

— Тогда это сделал я. Так и запишите. Признание получено, детективы.

Мак Лир открыл было рот, чтобы сказать что-то еще, но О'Силгэйр закрыл глаза и заткнул уши пальцами.

— Мне незачем больше надеяться, любить, бороться! Оставьте меня!

Джей-Джей махнул ирландцу рукой. Тот несколько секунд помялся, словно не зная, стоит ли покидать О'Силгэйра.

— Идем же, тут уже ничего не сделать, — позвал Джордан.

— Да, конечно.

Джей-Джей вышел из комнаты первым и не увидел, как Мак Лир достал из кармана крошечный деревянный кораблик, неуклюжую самодельную игрушку, и поставил ее на стол перед Полом. Потом покинул Пола, не сказав больше ни слова.

Тебе эта фигурка ничего не скажет, Пол, но твоему предку, жившему сто пятьдесят лет назад, сказала бы многое. Мак Лир назвал бы ее свидетельством исполненной просьбы или единственной игрушкой уничтоженного в утробе сына Пола О'Силгэйра и его жены Маргарет, в девичестве Мак Криди. Последнего мужа из рода Мак Криди, павшего от руки О'Силгэйра.

ПЁТР ПЕРМИНОВ

От автора: «Желание написать что-то про Пермь и про Каму зародилось после прочтения „Вдали к тёмному морю“ Нила Геймана... А ещё мне всегда казалось, что образ Зверя из „Откровения“ это вовсе не символ, не аллегория, как принято считать: Иоанн Богослов на самом деле видел, как из бездны вод выходит нечто ужасное».

Если смотреть на Каму с середины моста, она кажется серо-стальной лентой почти километровой ширины. Лента измята — осенний ветер рябит воду. Ты на минуту останавливаешься. Прямо перед тобой — грузовой порт: гротескные жирафы порталных кранов, буксиры и баржи. За спиной — вид, запечатлённый на открытках и обложках всех путеводителей по Перми: набережная, шпиль бывшей художественной галереи, а за ней, вдали, — здание речного вокзала и причалы. Вот только сейчас, в конце октября, вид совсем не открыточный. Причалы пусты — пассажирская навигация закончилась в первых числах месяца, и круизные теплоходы ушли на зимнюю стоянку, в затон; на набережной лежит снег, который то тает, то выпадает вновь; небо низкое, тяжёлое, мышиного цвета. Оно сейчас — как твоё настроение. Да ладно, признайся — как и вся твоя жизнь. Тебе двадцать, у тебя нет близких друзей, нет девушки — ты одинокий интеллектуал, у которого не может быть ничего общего с окружающей тебя обывательской массой... Ты смотришь на камскую воду под ногами и размышляешь: не спрыгнуть ли? Но... лететь высоко, да и вода ледяная.

В конце концов стоять на продуваемом ветром мосту становится холодно. Ты начинаешь движение, возвращаешься туда же, откуда пришёл — на левый берег. Ты хочешь пройти по улице Окулова до Соборной площади и спуститься на набережную. В холодный субботний день там совсем пусто — нет ни рыбаков, ни отдыхающих семей с детьми, ни влюблённых парочек — именно то, что тебе нужно. Ты ишьешь уединения. Речной простор тебя успокаивает.

Полотно моста переходит в улицу Попова, по которой непрерывно мчатся десятки машин. Чтобы пересечь её, надо пройти по небольшому подземному переходу. Вход в него зияет перед тобой тёмной прямоугольной пастью. Ты неторопливо спускаешься по ступеням и обращаешь внимание на надпись на бетонной балке над головой: ИИСУС — ГОСПОДЬ ВСЕХ. Буквы большие аккуратные, выведены белой краской. Таких надписей полно по всему городу: в переходах, на стенах домов, на заборах. Ты кривишь рот: ох, уж эти наивные христианские активисты! Не лень ведь им!..

Ты ныряешь в переход и ненадолго останавливаешься, чтобы глаза

¹ Название рассказа — перефраз строки из Откровения Иоанна Богослова: «И стал я на песке морском, и увидел выходящего из моря зверя ...»

привыкли к темноте. Почему-то сегодня здесь темнее обычного, словно сам переход стал вдруг длиннее. Ты понимаешь, что это не более чем иллюзия, но почему-то слегка нервничаешь. Впрочем, ты всегда не любил подземные переходы и тоннели. Ты знаешь об этом и просто идёшь вперёд. Сделав несколько шагов, ты вновь замираешь: кто-то движется навстречу. Кто-то бесформенный, маленького роста. Это карлик.

«Карлик в подземном переходе?!» — поражаешься ты. Если подумать, ничего такого в этом нет. Разве мало в городе людей маленького роста? Почему бы одному из них не пойти прогуляться вдоль реки? Но тебе почему-то не по себе. Ты останавливаешься, щуришься, и понимаешь, что ошибся. Это не карлик — это ребёнок. Похоже, что мальчик. Судя по росту — лет десяти-двенадцати. И несусazono, не по-детски, одетый, потому-то ты и принял его за карлика.

Одни вопросы вытесняются другими. Мальчик один в таком месте? Прячется от кого-то? Или потерялся? Или сбежал из дома? Или из приюта? Почему на нём одежда, больше похожая на холщовый мешок? Множество вопросов роятся в твоей голове. В принципе, это не твоё дело, убеждаешь ты себя, но что-то внутри (наверное, совесть) не даёт тебе просто пройти мимо.

— Эй!.. Парнишка! — говоришь ты, когда вас разделяет несколько шагов. — Ты это... чего здесь?

Ребёнок не отвечает, продолжая идти тебе навстречу. Поравнявшись с тобой, он останавливается и поднимает взор. Вы смотрите друг на друга. В сумраке перехода ты не можешь толком разглядеть его лицо, но его глаза ты видишь очень хорошо — они светятся в темноте. Светятся, как глаза кошки в тёмной комнате, как глаза дикого зверя в ночном лесу. Тебе становится невыносимо жутко, и следующий вопрос, который ты хочешь задать, застrevает в горле. Впрочем, вопросы не нужны.

— Иду к вам! — говорит мальчик и улыбается. У него голос глубокого старика.

Ты невольно пятишься и хочешь бежать назад, откуда пришёл, но странный ребёнок направляется как раз туда, а ты меньше всего хочешь видеть его своим попутчиком. Ты обходишь его по дуге, прижимаясь к стене, и бочком, по-крайности, несёшься к лестнице. Мальчик смотрит тебе вслед, не переставая улыбаться.

Вынырнув из перехода, ты облегчённо вздыхаешь.

И вновь замираешь. Ты не узнаёшь Перми. Вокруг тебя город, из которого жизнь ушла годы или десятилетия назад. Ты видишь серые облупившиеся стены домов, вспучившийся и покрытый выбоинами асфальт, на котором то тут, то там стоят брошенные, насквозь проржавевшие машины. Между оставшими машин разбросаны полуистлевшие бумаги и тряпьё. Воздух неподвижен. И никого. Пермь, словно подчинившись чьёму-то злому колдовству, превратилась из города-миллионника в город-призрак, город-труп. Ты изумлённо ворочаешь головой и видишь нечто, от чего у тебя подкашиваются ноги. Камского моста больше нет. Нет и самой Камы — там, за набережной, уходит в бесконечность море. Оно чёрное, как мазут, и совершенно гладкое, будто политое маслом. И ещё запах. Ты только сейчас замечаешь его — море пахнет не морем. Оно смердит дохлой рыбой и гниющими водорослями. Гигантское зловонное болото. И над всем этим жутким пейзажем — жуткое низкое небо, сплошь затянутое плотными зеленоватыми тучами, похожими на пропитанную гноем рваную вату.

Твоя первая мысль: «Это бред!», а вторая: «Бегом назад!». Ты даже

разворачиваешься вполоборота и заносишь ногу над ступенькой лестницы, ведущей в глубину перехода, но — там мальчик. Тебе меньше всего на свете хочется вновь увидеть эти фосфоресцирующие глаза. Ты решаешь остаться.

«Возможно, всё это — галлюцинация, — говоришь ты себе. — Всё это — рождение моего мозга». А что, если нет? Вдруг это и есть та самая параллельная реальность, о которой говорят фантасты и эзотерики? Разве не об этом ты так часто мечтал в четырёх стенах студенческого общежития, изнывая от одиночества, институтских будней и смутных перспектив будущего трудоустройства? Вот он, твой шанс! Ты — попаданец! По-па-да-нец... Ты разбиваешь это слово на слоги и словно пробуешь на вкус каждый. Нет, некрасивое слово, думаешь ты. Ты — сталкер, и этот странный мир вокруг — твоя аномальная зона.

Ты делаешь первый нерешительный шаг, затем второй, третий, и вот ты уже осторожно идёшь по улицам мёртвого города, стараясь не шуметь и оизраясь. Это странный мир. Тебе ни холодно, ни тепло. В этой Перми исчезли все краски, кроме серой и чёрной с зеленоватым отливом. Город чем-то похож на бёртоновский Готэм, не хватает только горгулий под крышами. Вокруг по-прежнему нет никакого движения, кроме клубящихся туч. Над морем-болотом тучи особенно густые и мрачные, словно там зреет что-то грозное как смерч. Что-то зловещее. Что-то нехорошее.

Ты доходишь до сквера Мамина-Сибиряка и вновь удивлённо останавливаешься. Ты видишь шпиль Спасо-Преображенского собора — на нём нет ни позолоты (он такой же серый, как и прочие здания), ни креста. Ты поворачиваешься спиной к морю и смотришь на панораму пустынного Комсомольского проспекта.

— Надо же! А угодник-то на месте! — произносишь ты, увидев силуэт статуи Святого Николая. Звук собственного голоса тебя немного пугает. Хотя... Что-то не так и с памятником: в твоём городе святой стоит лицом к проспекту, в этом — к тебе. Да и не особо он похож на святого Николая... Ты подходишь чуть ближе, щуришься, напрягая зрение, и тебя обдаёт холодом — никакой это не святой Николай. Ты видишь статую того самого «мальчика». Над его головой проволочный нимб, а взор устремлён на линию горизонта, словно в ожидании чего-то. Ты судорожно ищешь какую-нибудь надпись на постаменте, но её нет. Очевидно, скульптор изваял того, кто не нуждается в представлении. Как Христос, как Будда... Или как Антихрист, думаешь ты, содрогаясь от догадок.

Ты не знаешь, что делать дальше. Стоит ли идти куда-то? Стоит ли исследовать этот мир? Похоже, он мёртв, и куда бы ты ни отправился, вокруг будут лишь серые стены, голые ветви деревьев и клубящиеся тучи. Ты вновь смотришь на линию горизонта, где сгущается тьма. Как знать, может, она сгущается там уже целую вечность? Тебя вновь охватывает страх, но на сей раз другого рода: ты вдруг осознаёшь, что, возможно, застрял здесь навсегда. И разум подсказывает тебе, что это «навсегда» может быть весьма недолгим, ведь в этом мире может не быть ни воды, ни пищи, и тебя ждёт мучительная смерть от жажды или голода. Обеспокоенный этими мыслями ты решаешь найти то, что осталось от продуктовых магазинов (должны же они были существовать в этом мире!). Ты устремляешься вверх по Комсомольскому проспекту (про себя ты называешь улицы этого мира привычными названиями, хотя на стенах домов нет ни одной таблички).

Проходишь сотню шагов, равнодушно фиксируя взором брошенные авто,

разбитые витрины и окна, полуутягившиеся вывески давно не существующих фирм и учреждений. В какой-то момент в одном из переулков ты замечаешь движение. Ты замираешь, превратившись в каменное изваяние. Ты видишь людей. Ты ожидал встретить кого угодно, вплоть до лангольеров, но не людей. Их семья — мужчины, женщины и двое детей — неторопливо выходят на проспект из двора дома. Ты хочешь обратиться к ним, но вовремя останавливаешься. Люди ли?.. В серых одеждах, с остекленевшими глазами на бледных лицах, с безвольно висящими руками, размеренно вышагивающие, они больше похожи на оживших мертвецов, чем на живых людей. Точь-точь как в фильмах Ромеро. Мёртвые жители мёртвого города.

«Зомби!» — понимаешь ты. Вот что произошло с этим миром — зомби-апокалипсис. Тот самый, который ты много раз видел в кино, и (ты со стыдом признаёшься себе) о котором втайне мечтал. Что ж, сейчас они учуяют твой запах и устремятся к тебе, вытянув руки и раззявив рты. А у тебя — ничего, чем можно было бы проломить им головы.

Ты медленно пятишься, надеясь, что их пустые глаза не успели тебя заметить. Судя по тому, что живые мертвецы шагают в прежнем темпе, не ускоряясь, твоя задумка удалась. Ты делаешь ещё пару шагов назад и вбок, чтобы скрыться за углом здания, и налетаешь спиной на что-то мягкое. Ты поворачиваешься и лицом к лицу встречаешься с ещё одним зомби. Это мужчина лет сорока пяти-пятидесяти. Его бескровное лицо изрыто глубокими морщинами, неморгающие глаза смотрят на тебя в упор. Ты вскрикиваешь, где-то глубоко внутри успевая удивиться, насколько чуждо звучит твой крик в этом безмолвном мире.

Зомби равнодушно оглядывает тебя и... продолжает свой путь. Ты стоишь, вжавшись спиной в стену, не веря своему спасению. Наконец до тебя доходит, что эти зомби «неправильные» и твоя плоть их не интересует. Ты смотришь, как они поодиночке и группами вытекают из дворов и с боковых улиц, заполняя проспект и двигаясь вниз, к морю. Только что город был совершенно пуст, а вот — уже наполнен жителями. Их уже десятки, нет, сотни. Их поток подхватывает тебя, ты мечешься из стороны в сторону в приступе клаустрофобического удушья, но вокруг лишь плотная толпа мерно шагающих живых мертвецов, и тебе не остается ничего, кроме как шагать вместе с ними.

Глядя поверх их голов в поисках хоть какого-то намёка на спасение, ты видишь проплывающие невдалеке стволы голых тополей (возможно, давно мёртвых, как и всё в этом мире) и понимаешь, что они — твой единственный шанс. Ты сжимаешь кулаки, поднимаешь согнутые в локтях руки и, как учили в школе на «Основах безопасности», прорываешься сквозь толпу. Ты подобен ледоколу, рвущемуся через льды к спасительному причалу. Последний раз ты лазил по деревьям в далёком детстве, лет этак пятнадцать назад, но добравшись до ближайшего ствола, ты с ловкостью белки взбираешься по нему до первой удобной развилке. Оказавшись высоко над головами орды зомби, ты ощущаешь радость, и ужас. Радость — от того, что ты сумел выбраться из толпы, ужас — от осознания её размеров. Весь берег болотоподобного моря покрыт однотонно серой шевелящейся массой. Похоже, в этот день и час здесь собрались все обитатели (язык не поворачивается назвать их «жителями») города.

Достигнув набережной, поток замирает. Ты видишь, что их взоры обращены туда, в зловещую морскую даль, где над непроглядно чёрными водами

клубятся тучи. Они чего-то ждут. Ты ждёшь вместе с ними.

Текут минуты, часы, века, эоны — ты смотришь вдаль, не в силах отвести взгляд от причудливой и жуткой игры облаков над водной гладью. Ты сам становишься в чём-то подобен окружающим тебя зомби. А потом ты слышишь звук, сначала тихий, но с каждой секундой он нарастает, становясь громче, окружая тебя со всех сторон: обитатели города поют. В этой песне нет слов, она больше похоже на мычание, но в ней явственно звучат торжественные, даже триумфальные ноты.

А потом море отступает. Ты видишь, как по антрацитовой глади пробегает рябь, а потом кромка воды отходит от берега, обнажая камни и (насколько ты можешь разглядеть со своего настеста) кости огромных неведомых рыб. Плохой признак, думаешь ты. Море никогда не уходит просто так — оно всегда возвращается и воздаёт во стократ.

Но тысячам живых трупов, заполнившим всё окружающее пространство, нет никакого дела, что там, вдали, море перечеркнула белая стремительно приближающаяся полоска. А потом ещё одна. И ещё. Великая трясина вздыбливается. Белая полоса превращается в ревущий пенный гребень. А они продолжают петь...

Ты никогда не видел цунами, а потому с ужасом зажмуриваешь глаза. Грохот волны заполоняет всё окружающее пространство; ты чувствуешь, как содрогается берег, принявший на себя удар водяной стены, ощущаешь на коже ледяные брызги. Через минуту приходит вторая волна и третья.

Когда ты, собравшись с духом, открываешь глаза, ты видишь залитую водой набережную и сотни тел, плавающих в беснующемся море. Они толкуются там, как ломтики картофеля в кипятке. Но на места унесённых стихией уже приходят новые люди-мертвецы. И они по-прежнему поют.

Ты осмеливаешься поднять взгляд к горизонту и видишь ЭТО. То, что поднялось из пучины и всколыхнуло толщу, вызвав огромные волны. Оно чудовищное и живое. Ты пытаешься понять, что Оно такое, но видишь лишь чёрный бесформенный силуэт ростом с гору, по сторонам от которого то поднимаются, то опадают какие-то кольца — либо щупальца, либо извины хвоста. И Оно приближается. Медленно, но неотвратимо. Вскоре до твоих ушей доносится громоподобный рёв, заставляющий вибрировать всё тело. Рёв ужасен, он пронизывает до мозга костей, но при том поразительно мелодичен. Он созвучен пению собравшихся на берегу. Горожане и Монстр поют одну и ту же песню.

Впрочем, тебя это уже не удивляет. Ты утратил способность удивляться перед лицом грядущего кошмара. И ты понимаешь, что все жители этого мрачного города вышли сегодня на набережную только для того, чтобы встретить Его — Чудовище из Бездны. И Оно вот-вот будет здесь. Мысль об этом наполняет тебя невыносимым ужасом. Тебе хочется стать крохотным, не больше мышонка, и забиться в щель, где никто-никто не сможет тебя найти. Ты не знаешь, кто Он, выходящий из глубин монстр — Левиафан, Зверь Апокалипсиса или Великий Кракен — но знаешь: когда Он придёт, случится что-то по-настоящему страшное, что-то плохое. То, что окончательно погубит этот агонизирующий мир.

И ты соскальзываешь со своего дерева и бежишь, опять расталкивая изрядно поредевшую толпу, бежишь, сам не зная куда.

Инстинкт приводит тебя к подземному переходу, тому самому, что дал тебе билет в эту реальность. Когда ты достигаешь его ступенек, тень Чудовища

уже закрывает полнеба, Его рёв разрывает барабанные перепонки. Ты на мгновение останавливаешься, вспомнив, что там может ждать мальчик с горящими глазами. Но сейчас он не столь страшен тебе, как Тот, кто выходит из моря, и ты ныряешь в темноту.

Там — никакого мальчика. Нет вообще никого. Ты садишься на холодную землю, прижавшись спиной к стене, подтягиваешь колени, зажмуриваешься и прижимаешь ладони к ушам. Когда нагрянет смерть, ты надеешься, что не увидишь и не услышишь её приход.

Вновь текут минуты, часы, века и эоны... Ты слышишь лишь оглушительное биение сердца. Ничего не происходит. Ты отнимаешь ладони от ушей и прислушиваешься. Звуки, которые ты слышишь, совсем не похожи на стоны гибнущего мира — это шум машин. Ты с трудом поднимаешься и, шатаясь, идёшь к свету.

Дует холодный, пахнущий близкой зимой, ветер. Кама, как и миллион лет назад, несёт свои серо-стальные воды к Волге. Ты обворачиваешься: по мосту в обе стороны несутся машины. Это твой город, твой мир, такой же, каким ты его оставил, за исключением одной детали, которой ты поначалу не придаёшь значения.

Пройдёт время. Ты так и не сможешь решить для себя, чем был тот случай — галлюцинацией, игрой воображения или же реальным визитом в иную реальность. В конечном итоге ты перестанешь мучать себя и примешь всё как есть. Ты будешь избегать подземных переходов и с опаской поглядывать на детей, опасаясь вновь встретить мальчика со светящимся взглядом. Ведь если он здесь, то не за горами день, когда люди начнут превращаться в зомби с бесстрастными белыми лицами и мёртвыми глазами, а потом придёт час, когда явится Тот, огромный...

Ты гонишь от себя эти мысли, но где-то в глубине души знаешь, что так оно и будет, и очень надеешься, что не доживёшь до этого дня. Потому что тогда, когда ты вышел из перехода и оглянулся, надписи про Иисуса не было — там была другая надпись. Она гласила: АЗАТОТ — ГОСПОДЬ ВСЕХ И ВСЕГО.

ДЕНИС НАЗАРОВ

Что твой покой нетленный?
Тут кругом одни неврастеники,
Первый вопрос — как заработать денег?
Второй — где взять идей?

Ткни меня носом в гнилое,
Я плюю, даже на коленях стоя.
До погоста довезут пустого,
А там тушенка по ГОСТу.

Я устал не получать ответов,
Задавая простые вопросы.

Меня тянут в разные стороны,
Я одновременно пуст и полон.

Останови движение космоса,
Я хочу отдохнуть и не мерзнуть.
Просто сесть на ближайшем проспекте,
А вокруг — никого живого.

Но эскалатор все ниже и ниже,
Дочитать — и опять за книжку,
Мы среди миллионов таких же
Одиночеством дышим...

Аппликация ласк твоих
Вырезана в издательстве.
Издевательством было бы
Извиняться лицу перед задницей.

И нет разницы между стадом
И их пастьрем,
Когда все потасканы
В поисках ложного пути в сказку.

Щелуют ласково
В воске губы из латекса
Девочка, голову-ластик
Не скрыть резиновой маской.

Massive style,
Сломанные куклы из пластмассы,
Плакса тут я, но пастьрем
Не заклеить панцири.

И атмосфера братства,
Помешанного на власти

Гниет с головы,
И все потом удивляются.

Я бы тебя зарыл в землю,
Плевать было, наверное,
Ведь верно сказано:
Лесть делает каждого скверным.

В Сибири звери ведь,
Тебе идти до сквера,
А мне по белому снегу
У нас и мест таких нет.

Знакомься с ветром,
Замерзнешь с ним еще до обеда.
Я бледный, словно труп
На юг мне не дают билеты.

Нам продадут сигареты,
Водки и твердых конфет,
Надежды нет,
Но есть ради чего терпеть.

Загадочной вирд-миниатюре Александра Подольского (620 знаков с пробелами) на этот раз противостоит мини-рассказ Дениса Назарова в 323 слова (1711 знаков без пробелов).

ДЕНИС НАЗАРОВ ОДНО ЦЕЛОЕ

(1711 знаков; 323 слова)

В те дни я почти не вставал. Сидел на полу в комнате, разглядывал бурые пятна на своей одежде, кучей сваленной в углу. Не смотря на зверский холод, с каждым днем жар внутри меня становился сильнее.

Юле теперь всегда было холодно. Она просила развести костер, но я боялся, что огонь заметят. Но она настаивала, и я сдался.

Разломав старый диван, сложил обломки в центре комнаты. Пытался поджечь спичку, но не смог управится с коробком. Юля помогла. Зажгла спичку, поднесла пламя к трухлявой обивке. Огонь занялся. Она села близко к костру. Я спрятался в углу и тяжело дышал. Она говорила, что скоро станет легче. Может быть, уже сегодня. Главное — выждать. Не попадаться им на глаза. Время — наша главная ценность.

Тяжело терять себя. Когда-то я слышал фразу, что мы — это сумма всех тех, кого мы знали. Теперь я понимаю эти слова иначе.

Я засыпаю, а когда открываю глаза, костер уже затух и над горевшими обломками дивана поднялись беспомощные струйки дыма. Жар ушел. Мне холодно.

Юля стоит у пыльного окна, за ним открывается вид на разрушенную улицу.

Я поднимаюсь. Хочу что-то сказать, но уже не могу. Подхожу к ней сзади. Она поворачивается ко мне. Её глаза закрыты пленкой тонкой кожи с пульсирующей сеточкой кровеносных сосудов.

Почувяв мой запах, она поднимает правую руку с тяжелой недоразвитой клюшней и кладет её мне на плечо. На её левом локте — уродливый нарост. Из него тянутся три длинных тонких щупальца. Она плавно двигает ими, аккуратно обхватывая мое лицо. Что-то влажное и липкое стекает по моим щекам.

Я вытягиваю из плеча, где когда-то была рука, щупальце и обвиваю её шею. Наши лица сближаются; она целует меня тремя лицевыми наростами, напоминающими лепестки цветка в то место, где раньше у меня были губы. Мне снова тепло.

Нам нужно только время.

Скоро все изменится.

Скоро мы станем одним целым.

Имя Алексея Шолохова, автора уже более десятка книг ужасов в черной серии MYST («Александр Варго») и «Нерв», хорошо известно всем любителям жанра. А значит — настало время с ним пообщаться «чисто конкретно». Но так как Алексей — писатель крупный во всех смыслах этого слова, то решился на это небезопасное мероприятие другой писатель (тоже не маленький) — Виктор Глебов.

«КРОВЬ-КИШКИ? ЭТО НЕ МОЕ...»

Алексей, как читатель может узнать ваш стиль? Есть ли у вас фишки, по которым ваши книги можно отличить от других? Какие элементы вы бы назвали самыми частью встречающимися в ваших произведениях?

Не знаю. Подобное может подметить только читатель. Вот что говорит один из них: «Романы Алексея Шолохова легко узнаваемы по двум ключевым позициям:

1. Его герои всегда много и обильно потребляют спиртное (что навевает мысль, что у

автора, по этому поводу, есть какой-то определенный пункттик).

2. Его герои никогда не имеют положительных черт, и их никогда не жалко. Сдохли — и слава Богу...»

Если спросите, согласен ли я с ним, отвечу: частично.

Как вы считаете, есть ли у русской литературы ужасов своя специфика? В чём она заключается? Как избежать подражания западным образчикам и нужно ли это делать?

Специфика? Возможно. Есть прекрасное слово: менталитет. Если проще: что для русского хорошо, для немца смерть. Если мы будем писать о наших людях в наших декорациях, то и уйдем от подражаний. Если вы имели ввиду именно эти подражания. Что касается сюжетов и каких-то литературных приемов, то тут они неизбежны, особенно у новичков. Автор вправе как избегать подобного, так и нет. Всегда можно рассказать историю по-своему и интересно. По крайней мере, попытаться так сделать. Ну, и в качестве совета: у нас, русских, прекрасная мифология — используя ее, вы вряд ли услышите обвинения в заимствовании у Кинга, Литтла или Лаймона (и др.)

Сочетаете ли вы элементы разных направлений — детектив, триллер, хоррор — или работаете только в жанре ужасов? Я знаю, что у вас вышел детективный триллер «Я даю вам шанс». Этот опыт был разовым или вы будете в дальнейшем использовать черты триллера в своих романах ужасов? Расширил ли этот опыт ваши писательские горизонты?

Если говорить о детективе как о некой тайне (секрете) и ее раскрытии, то,

безусловно, я сочетал их всегда. Иначе читать было бы неинтересно. Если же в классическом смысле, где тайна — это совершенное преступление, а раскрытие — это расследование, то «Я даю вам шанс» — это первый и на данный момент единственный опыт. Я думаю написать что-то подобное вновь. Уж очень мне симпатичны главные герои из «Серийного отдела». Насчет горизонтов — у писателя их вообще не должно быть. Я не понимаю, когда говорят: у меня не выходит хоррор, потому что я фантаст. При условии, что человек понимает, о чем и, самое главное, зачем он пишет что-то в том или ином жанре, у него все получится.

Есть вещи, которые вы не принимаете в хорроре? Табу. Может быть, что-то вас просто раздражает?

Вы не поверите, но я недолюблюю экстремальный хоррор и сплэттерпанк. Если и читаю, то с большими перерывами между. Это в литературе. В фильмах (вы снова не поверите) я эти направления совсем стараюсь не смотреть. Самый кровавый фильм, что я посмотрел — «Пятница, 13-е». Мне ближе что-то вроде «Астрала», «Мамы», «Других» или «Джезабель».

Почему же вы пишете то, что недолюбливаете? Неужели только потому, что это востребовано определённой, причём не слишком многочисленной, читательской аудиторией? Нет ли желания написать что-то вроде упомянутых мистических триллеров?

Есть такая группа в ВК, посвященная творчеству Александра Варго. Вот там как-то раз читатели поспорили. Некоторые утверждали, что «Шолохов не пишет сплэттерпанк — так, мистико-социальные драмки». Я, пожалуй, с этим соглашусь. За редким исключением, я не смакую убийства. Кровь, кишечки — это не мое. Даже те романы, с которыми я попал в «варговщину», были практически бескровны. Единственно, в «Электрике» я пошел на поводу у читателей тру-Варго. Ну, и «Тело» в серии «Нерв» задумывалось именно таким, каким вышло. Мистический триллер? В этом жанре написаны «Они», «Взгляд висельника», «В ночь на Хэллоуин». Я и пишу мистический триллер. Ну, может, слегка добавив сплэттера.

Вы состоите в редакции журнала «Редрам», единственного в России печатного альманаха ужасов. Какие перспективы, по вашему мнению, открывают на ниве хоррора издания такого рода и есть ли вероятность, что их количество в ближайшие годы станет увеличиваться?

Мне лично кажется, что наше издание уникально и таким останется еще долго. Вообще, на этой почве все довольно трудно — читателя слишком долго пичкали электронной халвой; ее и было, и будет в сети полно... Наш альманах выходит для ценителей хоррора. У нас есть подписчики, есть порядка 50 постоянных читателей, и люди постоянно присоединяются. Так что мы расчитываем на рост тиража.

Кого вы подразумеваете под ценителями хоррора?

Ценители это те, кто ни за что не пройдет мимо такого редкого (все еще) явления, как русский хоррор. Тем более — печатный малотиражный журнал.

Как вы думаете, Алексей, почему писатели с удовольствием публикуются в вашем журнале, несмотря на малый тираж? Что привлекает их в «Редраме»?

Как правило, автор трудится для того, кому это действительно нужно, а не для тех, кто просто хочет что-то почитать, скачав у пиратов. А мы именно для ценителей жанра и работаем! К тому же альманах — это наша профессиональная площадка, где начинающему автору можно засветиться, а это дорогостоящего стоит из-за малого количества таковых. Это не сетевая публикация, которая уже через день тонет в массе себе подобных. Альманах — результат труда не одного автора, размещающего текст в сети на свой страх и риск, работа профессионального коллектива. Это красивая, вполне материальная вещь, которую приятно взять в руки. Как во всяком печатном издании, у нас тексты проходят строгий редакционный отбор, с текстом работает редактор, корректор, художник делает иллюстрации, потом верстка... Далее — еще и озвучка! А озвучка — это еще и пиар для автора. Сплошные преимущества, если подумать!

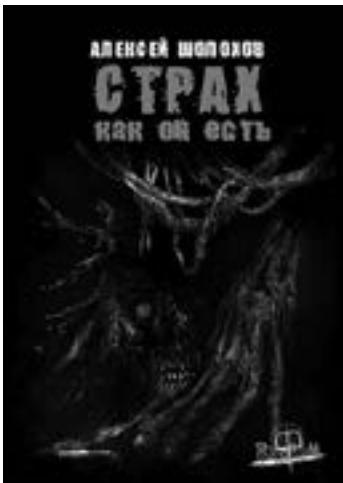
Расскажите, как появилась идея создания альманаха, как всё началось? Какова его структура? Что, так сказать, ждёт читателя внутри? Как происходит отбор рассказов в номер и насколько он строгий? Вы принимаете в нём участие? Какие у вас обязанности как у члена редакции?

Ну, для меня все началось немного позже задумки нового журнала. Я присоединился к ребятам только в момент разработки логотипа. Читателя всегда ждут внутри рассказы — на любой вкус; стихи, статьи, иллюстрации. В этом году мы решили попробовать расширить литературный ассортимент и начали публиковать повесть. Если читателям понравится наша идея — мы продолжим эксперименты с крупными текстами, публикациями с продолжением. Отбор не строже, чем в любой уважаемый журнал, но (скажу по секрету) наш главред — кремень! Принимать участие в отборе я должен, но получается не всегда, принимаю посильное участие. Одна самая заметная моя обязанность видна каждому читателю альманаха на конверте — в виде адреса отправителя.

Алексей, вы готовите к изданию две книги. Насколько я понимаю, это будут публикации по подписке. Расскажите, что нас ждёт (романы-повести-рассказы), каков предполагаемый тираж, как они будут распространяться, и почему вы решили не обращаться в издательства, а издать эти книги самостоятельно?

Да, это будут сборник рассказов «Страх, как он есть» и роман «Они еще здесь». Идея собственного жанрового издательства, чтобы выпускать самостоятельно еще и книги — это логичное продолжение идеи альманаха. У больших издательств свои цели: они

рассчитывают выгоду по своим меркам, по своим запросам. С ними не всегда можно договориться. Скажем, в ЭКСМО мы не нашли общий язык, например, по поводу рассказов. Не все мои рассказы — сплэттерпанк, поэтому — либо под одной обложкой с Варго (Деминым), либо ждите новое ответвление серии *Myst*. Под одну обложку с Варго я не против, но только не с авторским сборником. А новую подсерию вроде как дождались (и начали они ее с хороших книг — будут изданы все книги легенд Марии Артемьевой), но отношение издательства к этому делу в любой момент может перемениться. Поэтому свой сборник (сольный) рассказов в редакции, выпускающей *Myst*, я не вижу.

С романом «Они еще здесь» дело другое: его бы издали, но я им его и не отправлял. Мне захотелось сделать все самому: обложки, ил-

люстрации, слово автора и благодарности — все то, чего в книгах *Myst* мы не увидим, наверное, никогда.

Книги будут, естественно, малотиражными. Мы опробовали схему таких изданий, обкатали ее и теперь попробуем расширить. Распространять так же — через Почту России. Стоимость книги в твердом переплете будет порядка 655 рублей в твердом переплете и 365 в мягкой обложке (без учета доставки). Объем — около 400 страниц. Это пока предварительные сведения. Ближе к делу мы будем более подробно информировать читателей.

Алексей, расскажите немного о своей семье. Как родные относятся к вашему творчеству? Читают, поддерживают или, может, спорят с вами в каких-то вопросах? Вообще — как семья писателя влияет на творчество в вашем конкретном случае?

Родные терпят. Пока. Я думаю, ни для кого не секрет, что для написания книг нужно время. И, как на зло, семья тоже требует времени. Получается так, что писательство крадет его у семьи. К сожалению, даже за 10 лет писательства я не смог структурировать рабочий процесс. Пишу, когда есть свободное время. На счет читать... Жена холодна к жанру ужасов, сын бы и рад, но до недавнего времени ему было запрещено брать подобные книги в руки. Сейчас понемногу втягивается, но, насколько я знаю, им прочитано лишь несколько рассказов, выходивших в *Redrum*. Кстати, сын одно время тоже пытался что-то писать, но интерес его к писательству поутих. Тем не менее, в семье есть два постоянных читателя: сестра жены, Наташа, и ее дочь Валерия. Спасибо им, не ожидал.

Как много личного в вашем творчестве? Откуда вы берете своих персонажей — из себя, как делают некоторые авторы или со стороны? Есть ли персонажи — в особенности, злодеи — которых вы писали со знакомых вам людей?

В моем творчестве личное все и ничего. Я не скажу, что пишу с себя, хотя

какие-то черты непременно проявляются. Я моделирую — как бы я поступил в той или иной ситуации; экспериментирую — как бы я поступил, будь я сволочью... И так далее. Примеряю маски. Персонажи из числа знакомых тоже были — Роман и Алексей из книги «ОНИ» существуют, живы по сей день, но знакомы и встречались друг с другом только на страницах этой книги. Были персонажи, прототипами которых стали всем известные маньяки. Пичужкин побывал в романе «ЭЛЕКТРИК» и рассказе «ПАТОВАЯ СИТУАЦИЯ», Ряховский — в романе «Я ДАЮ ВАМ ШАНС».

Как много времени у вас проходит между идеей и реализацией задумки и отчего это зависит в разных случаях?

Очень по-разному. Отчего зависит? От свободного времени и желания. Есть такие вещи (задумки), которые лежат уже лет десять. Я просто потерял к ним интерес.

Какие из ваших книг писать было легче всего, а какие труднее — и почему?

Самой легкой был роман «ОНИ», а самая тяжелая еще не дописана. Рабочее название «ПЕРЕКРЕСТОК» (все еще рабочее). Идея пришла в голову еще в 1997 году, наброски были в тетрадях. И вот в 2011 году, казалось бы, роман уже завершен, но нет... Я все еще его пишу. Почему так? Наверное, все дело в поставленной задаче. В «ОНИ» все просто — дом, жильцы, противостояние; в «ПЕРЕКРЕСТКЕ» я сам все сильно усложнил — Чистилище, демоны, нацистские преступники, вселенское зло... Теперь разгребаю.

Есть ли какие-то особые социальные или мировоззренческие идеи, которые вы хотите донести до читателей?

Социальные? Возможно. Но я бы не сказал, что они особые. Они вполне себе обычные. Единственное, я стараюсь преподнести их несколько необычно. Я не показываю спортсмена и не говорю, что спорт — это круто или не показываю подростков, уступающих место пенсионеру — это слишком напрямую и скучно, в первую очередь, для читателя. Я показываю пьянь, сошедших с ума старух, заслуженных учителей со своими страшными секретами (некоторым кажется, что это чернуха). Я показываю ту жизнь, которую, оказывается, многие даже и не замечали. Она есть, ребята: дно существует, и чтобы не оказаться там, не бухайте, уважайте себя и близких.

Наверняка творчество отнимает у вас не только время, но и силы — физические, духовные. Так почему вы пишете?

Я мог бы ответить: пишу потому, что не могу не писать, но эта фраза наверняка уже набила оскомину. Да это и не совсем правда. Я могу не писать, но пишу. И причин тому несколько. Во-первых, я умею писать (я говорю об умении складывать слова из букв), а когда что-то умеешь, оно просто происходит. Во-вторых, не фантазируй я в книгах, мне, наверное, пришлось бы обманывать людей — сделаться политиком или мошенником.

Писатель. Главный
редактор альманаха
«Redrum»

МАРИЯ АРТЕМЬЕВА

ШЕСТЬ ПРИНЦИПОВ АНИМАЦИИ, ПРИМЕНИМЫХ В ЛИТЕРАТУРЕ

Недавно мне на глаза попалась публикация, в которой конспективно излагались основные принципы анимации. Поскольку когда-то я работала в этой сфере, она меня заинтересовала. Проглядев статью, я отметила любопытную вещь: большинство принципов, перечисленных в ней, показались мне вполне пригодными не только для создания мультиков — они применимы и в литературе.

Это может показаться странным, но в действительности это закономерно. Всякое искусство — это умение создавать гармонию, а она подчиняется естественным законам так же, как единые физические законы управляют Вселенной.

Наиболее убедительным примером здесь может послужить закон Золотого сечения — «одно из сокровищ геометрии», как говорил о нем Иоганн Кеплер. Золотое сечение известно человечеству с незапамятных времен, но чем дальше — тем больше люди убеждаются, что в этом законе отражается, по сути, структура Мироздания, универсальный порядок, царящий в нем.

Золотое сечение, оно же — гармоническое деление, или «Божественная пропорция» (формулировка Луки Пачоли, современника и друга Леонардо да Винчи, который тоже искал этот гармонический абсолют, визуально выразив его в своем «Витрувианском человеке»), проще всего объясняется как деление отрезка на две неравные части таким образом, что меньшая часть относится к большей, как большая — ко всему отрезку (коэффициент отношения равен примерно 1,6).

Арифметически это продемонстрировал итальянский математик — Леонардо Фибоначчи. В созданной им последовательности чисел (ряд Фибоначчи) — 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34, 55 и т.д., — любые два первые числа дают в сумме следующее, третье ($1+2=3$; $2+3=5$; $3+5=8$ и т.д.). И эта пропорция сохраняется до бесконечности. И — что особенно замечательно — она действует везде, во всех формах пространства и времени. От формы яйца, расстояния между листьями на ветке, раковины улитки, паутины, человеческого тела, галактических спиралей до «поверенной алгеброй гармонии» — Парфенона, Храма Василия Блаженного, музыки Баха и многих других произведений искусства.

В поздней лирике Пушкина количество строк в стихотворениях чаще всего соответствует ряду Фибоначчи — 5, 8, 13, 21, 34. А в его «Пиковой даме» эпизод встречи Германа с графиней и момент ее смерти композиционно располагается так: в повести всего 853 строки, но кульминация приходится на 535 строку — как раз в точке золотого сечения (853:535=1,6).

Задумываясь о композиции будущего литературного произведения, авторам имеет смысл помнить о том, что законы гармонии даны нам природой так же, как законы физики. Они естественны, и, следовательно, универсальны.

А теперь вернемся к упомянутым в начале этой статьи принципам анимации. Давайте посмотрим, что из этого мы можем применить в литературной работе, в каком бы жанре вы ни писали.

ПРИНЦИП 1. СЦЕНИЧНОСТЬ

Представьте себе, что вы — театральный режиссер и намерены поставить пьесу. Вам надо сосредоточить внимание зрителей на самых важных аспектах вашей истории-представления. Используйте свет и тень, выставите прожекторы, включите музыкальное сопровождение, нарисуйте фона и разместите ваши персонажи на сцене так, чтобы зритель всегда был сосредоточен на основном действии, картинке, сюжете — не распыляйте его внимание на излишества, необязательные и посторонние детали.

Микеланджело утверждал: «Мысль уже содержится в мраморе, надо просто отсечь все лишнее». Владимир Набоков полагал, что жизнь — это глыба, «а мы выкраиваем из нее свои жалкие рассказики».

У вас есть идея, мысль, ваша история — выберите для нее форму, разместите на сцене наиболее выигрышным способом, чтобы зритель (читатель) не отвлекался от нее.

Выберите рамку, поместите в ней все главное — и отсеките лишнее. Так работает принцип сценичности.

ПРИНЦИП 2. ПРЕДДЕЙСТВИЕ

Чтобы движение персонажа на экране выглядело наиболее реалистичным, мультипликаторы подготавливают зрителя к действию: тот, кто подпрыгивает, должен вначале согнуть колени для прыжка; тот, кто бьет, для начала должен размахнуться. Точно так же действует взгляд персонажа, который смотрит за пределы экрана, в ту сторону, откуда появится другой персонаж. Или, если персонаж на экране собирается взять в руки мяч, зрителю предварительно показывают этот мяч, фокусируя внимание на нем.

Точно так должен действовать писатель, создавая правдоподобную картину происходящего. Если вы хотите, чтобы ваш персонаж выглядел реалистичным, а история достоверной — подготовьте восприятие вашего читателя. Очень часто сюжетные повороты в рассказе выглядят как «рояль в кустах» только

потому, что автор не сумел правильно выбрать ракурс и подготовить коллизию.

Как говорил Чехов, «ружье, повешенное на стене в первом акте, в последнем обязано выстрелить». Перефразируем: если ваше ружье должно выстрелить — не забудьте его повесить!

Вот как, к примеру, начинает свой рассказ один начинающий автор. (Яркий

пример того, как начинать рассказ не надо). Цитата: «Много удивительных созданий обитают в этом мире, кото-

ЕСЛИ ВАШЕ РУЖЬЕ ДОЛЖНО ВЫСТРЕЛИТЬ – НЕ ЗАБУДЬТЕ ЕГО ПОВЕСИТЬ!

рые могут причинить боль и страдания. Не то чтобы они были такие страшные, они просто не очень приятные на вид. Зубы торчат, глаз много, и рычат по каждому поводу. Вот в этом королевстве и начался наш рассказ.

Как-то из тронного зала раздался мужской голос.

— Седрик! Ты где? Иди сюда! — криком звал его принц».

В этом тексте все поставлено с ног на голову: автор придумывает историю на ходу, а читатель должен вприпрыжку бежать за авторской фантазией, но, разумеется, не поспевает. Что за «это королевство»? Какой принц? Кто такой Седрик и страшные создания, не приятные на вид? Ничего не понятно.

Еще пример. «Владик не успел догнать собаку, потому что прямо на дороге лежал камень, и он споткнулся. Его бросил туда мальчишка, который в прошлый раз хотел его побить». Сумбурная ахинея, не правда ли? Как говорил профессор Преображенский у Булгакова: «Потрудитесь объяснить: кто на ком стоял?»

Получается так потому, что действие не подготовлено. Прежде, чем говорить «Б», надо сказать «А». Надо понимать, что читатель не читает в голове автора: он читает то, что написано в тексте. Подготовленное действие читатель воспринимает как естественное, реалистичное. Если же, в соответствии с вашим художественным замыслом, вам необходимо создать эффект неожиданности — изобразите среди множества подготовленных, ожидаемых читателем действий, одно действие — без подготовки, внезапное. Вдруг! На контрасте это сработает правильно. Но этот контраст тоже необходимо подготовить. Если все действия в повествовании будут совершаться внезапно и вдруг — эффект выйдет совсем другой.

ПРИНЦИП 3. СЖАТИЕ И РАСТЯЖЕНИЕ. РАСЧЕТ ВРЕМЕНИ

Изображая, как сжимается и растягивается, к примеру, резиновый мяч, ударяясь о землю, мультипликатор подчеркивает физические свойства предмета. Литература рисует звуками, словами, предложениями. Основное физическое свойство, которое мы можем отразить с помощью этого инструмента — время.

Все существующее существует во времени.

Мы можем сжимать и растягивать время при помощи слов.

Чем меньше слов вы затратите на изображение какого-либо действия — тем меньше времени затратит на прочтение читатель, и тем быстрее для него произойдет действие.

Сравните.

«Игорь, с залитым кровью лицом, отпрыгнул назад, замахнулся, стараясь держать в фокусе лицо напавшего на него бандита, скал кулак из всех сил и ударил».

«Игорь отпрыгнул, размахнулся и ударил».

«Игорь размахнулся и — бац!».

Растягивая повествование — вы растягиваете время внутри вашей истории.

**ЧЕМ МЕНЬШЕ СЛОВ ВЫ
ЗАТРАТИТЕ НА ИЗОБРАЖЕНИЕ
КАКОГО-ЛИБО ДЕЙСТВИЯ — ТЕМ
МЕНЬШЕ ВРЕМЕНИ ЗАТРАТИТ
НА ПРОЧТЕНИЕ ЧИТАТЕЛЬ, И ТЕМ
БЫСТРЕЕ ДЛЯ НЕГО
ПРОИЗОЙДЕТ ДЕЙСТВИЕ.**

Сокращая и откидывая лишние слова — ускоряете.

Об этом надо помнить и всегда соотносить время действия персонажа со временем, которое затрачивает читатель на прочтение об этом действии. Если эти два времени иде-

ально совпадают, вашему читателю легче ассоциировать себя с персонажем: он «дышит» вместе с ним. Как правило, так поступают, когда повествование нужно сделать легким, потому что в нем важен экшен, сюжет.

Вы можете замедлить время, добавив «кадров» при описании действия. Это так называемая «вязкая, насыщенная проза»: повествовать о происходящем длинно, долго задерживая внимание читателя. Тогда, как при съемке рапидом, быстрое действие становится медленным — читателю разрывает шаблон. Этим приемом часто пользуются авторы-постмодернисты.

Бывает и наоборот: действия, на которые в реальном мире уходят годы, автор описывает в двух словах («Прошли годы»). Что ж! Время относительно! Помните только: все зависит от той художественной задачи, которую вы, как автор, перед собой ставите. Приемы, применяемые вами, должны двигать вас к определенной цели.

ПРИНЦИП 4. ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ ИЛИ ВЫРАЗИТЕЛЬНАЯ ДЕТАЛЬ

В анимации вторичное действие добавляют к основному, чтобы придать

сцене больше достоверности. Человек идет и одновременно покачивает руками или свистит; лошадь бежит, перебирая ногами, а ее грива и хвост разеваются по ветру и т.п. Важно, однако, что вторичное действие обязано подчеркивать основное, а ни в коем случае не отвлекать: в этом весь смысл.

В литературе этот принцип работает на нескольких уровнях. Прежде всего, чтобы ваш персонаж выглядел достоверным, погруженным в реальные жиз-

ненные обстоятельства, он не должен походить на математическую функцию. Безусловно, автор управляет своим персонажем, навязывая ему свою волю. Но не стоит забывать, что ваш персонаж не абстракция. Он «тоже человек»! И если вы

ПРЕДМЕТЫ, ПЕРСОНАЖИ, ДЕЙСТВИЯ, ИЗОБРАЖАЕМЫЕ ПИСАТЕЛЕМ – КАКИМИ БЫ ФАНТАСТИЧЕСКИМИ ОНИ НИ БЫЛИ – ТОЖЕ ОБЯЗАНЫ БЫТЬ УБЕДИТЕЛЬНЫМИ.

пишете объемную повесть, а ваш персонаж за полгода ни разу и спать не прилег, он не будет выглядеть в глазах читателей живым.

На уровне композиции в больших романах довольно часто основную сюжетную линию и главных персонажей поддерживают дополнительные сюжетные линии и второстепенные персонажи, которые, как эхо, чем-то напоминают главных. Это похоже на поддержку музыкальной темы вторым голосом. В симфонических произведениях в основную тему часто вплетают вариации. Такой прием позволяет выразить главную художественную мысль более полно и объемно.

ПРИНЦИП 5. УТРИРОВАНИЕ И ТИПИРОВАНИЕ

Утрирование — выделение наиболее ярких деталей и подача их наиболее выразительным способом. Если описывать жизнь персонажа день за днем, тщательно и основательно — можно утопить читателя в скучном потоке банальностей, да и самому заблудиться в словах. Держите в уме, что ваш читатель — здоровый умный человек со своим жизненным опытом, ему многое знакомо и вполне понятно и без ваших слов. Если речь идет о повседневных вещах, читателю достаточно намека, чтобы он вас понял. Описывать подробно имеет смысл только неординарное, — то, что ваш читатель не сможет увидеть без вас.

Как хороший автор, вы должны уметь оперировать штрихами, выделяя в описаниях наиболее типическое, чтобы делать предметы легко узнаваемыми для читателя. Это облегчит взаимопонимание между вами. Но не тратьте время и силы на то, что понятно и так. Сосредоточьтесь на том, что интересно вам — и должно заинтересовать вашего читателя.

ПРИНЦИП 6. ТРЕХМЕРНОСТЬ

Художник-аниматор изображает объект с учетом его материальности и законов физики: объема, веса, положения предмета в пространстве. Для этого художник обязан знать анатомию, законы перспективы и преломления света.

Твердая, точная линия, правильная композиция, убедительно наложенная светотень и расстановка бликов позволяют создать объемный рисунок — убедительную трехмерную иллюзию.

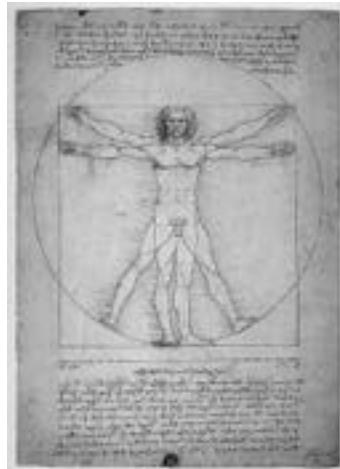
Предметы, персонажи, действия, изображаемые писателем — какими бы фантастическими они ни были — тоже обязаны быть убедительными.

Если вы пишете повесть из жизни моряков — вам стоит подробно ознакомиться с матчастью, разобраться с морскими терминами и не путать банку со склянкой («банка», как морской термин — приподнятый участок дна или скамья в шлюпке; «склянка» — получасовой промежуток времени на судне).

Если вы описываете другую историческую эпоху или некий фантастический мир — вам необходимо использовать для этого подходящие материалы: надо подобрать правильную лексику. Почему так убедителен мир Средиземья Толкиена или Хогвардс Джоанны Роулинг? Потому что они использовали правильные слова! Толкиен, как лингвист, практически создал несколько языков, чтобы сделать мир гномов, эльфов и хоббитов по-настоящему правдоподобным.

В трехмерном мире и персонажи — трехмерные; у них есть как светлые, так и темные стороны. Именно поэтому они выглядят такими живыми и достоверными.

Самое главное, что стоит понять: литератор — тоже художник. И точно так же, как художник, он создает иллюзию. Просто из других материалов. В этом и состоит основное мастерство: умение создать убедительную иллюзию, которая заденет чувства, вызовет эмоции.

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ

Виктор Глебов «Голландец» (Повесть. Заключительная часть)	2
Юлия Саймоназари «Улов»	33
Евгений Шиков, Андрей Рахметов, Павел Грудцов «Колодец»	40
Виктор Глебов «Месть»	54
Богдан Гонтарь «На танцы»	67
Сергей Буридамов «Влашская свадьба»	78
Сергей Корнеев «Синий платочек для Лили Марлен»	81
Валерий Тищенко «Катаомбы»	92
Сергей Блинов «Плавучие гробы»	103
Пётр Перминов «Стоя на песке морском»	112

СТИХИ

Денис Назаров Стихи	118
-------------------------------------	-----

ОБРУБКИ

Денис Назаров «Одно целое»	119
--	-----

ДОПРОСНАЯ

«Кровь-кишки? Это не мое...» Интервью с Алексеем Шолоховым	120
---	-----

МАСТЕРСКАЯ

Мария Артемьева «Шесть принципов анимации, применимых в литературе»	125
--	-----

RedRum, № 3 (10), июнь 2017 | Альманах литературно-художественный, 18+

Главный редактор: Мария Артемьева

Москва,

Заместитель главного редактора: Алексей Шолохов

тиография «Белый ветер».

Дизайн, верстка: Денис Назаров

Подписано в печать: 11.06.2017 г.

Иллюстрации в номере: Михаил Городецкий

Тираж 70 экз.

Оформление обложки: Виктор Глебов

Заказ №

Издание: группа ВК vk.com/redrum_mag